

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», Москва

№ 42 ОКТЯБРЬ 1988

ДЖАВАД МИР ДЖАВАДОВ:
ПУЛЬСИРУЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ДЕЛОВИТОСТЬ
ПОДЛИННАЯ И МНИМАЯ

РАЗРЯДКА
НА «ГОРЯЧЕЙ ЛИНИИ»

КРАСОТА...
КАКОЙ ЦЕНОЙ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 42 (3195)

15—22 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Балет А. К. Глазунова «Времена года». (См. в номере материал «Прошу вверить моим заботам».)

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на месяц — 1 руб. 60 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)

(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349

«Огонек»

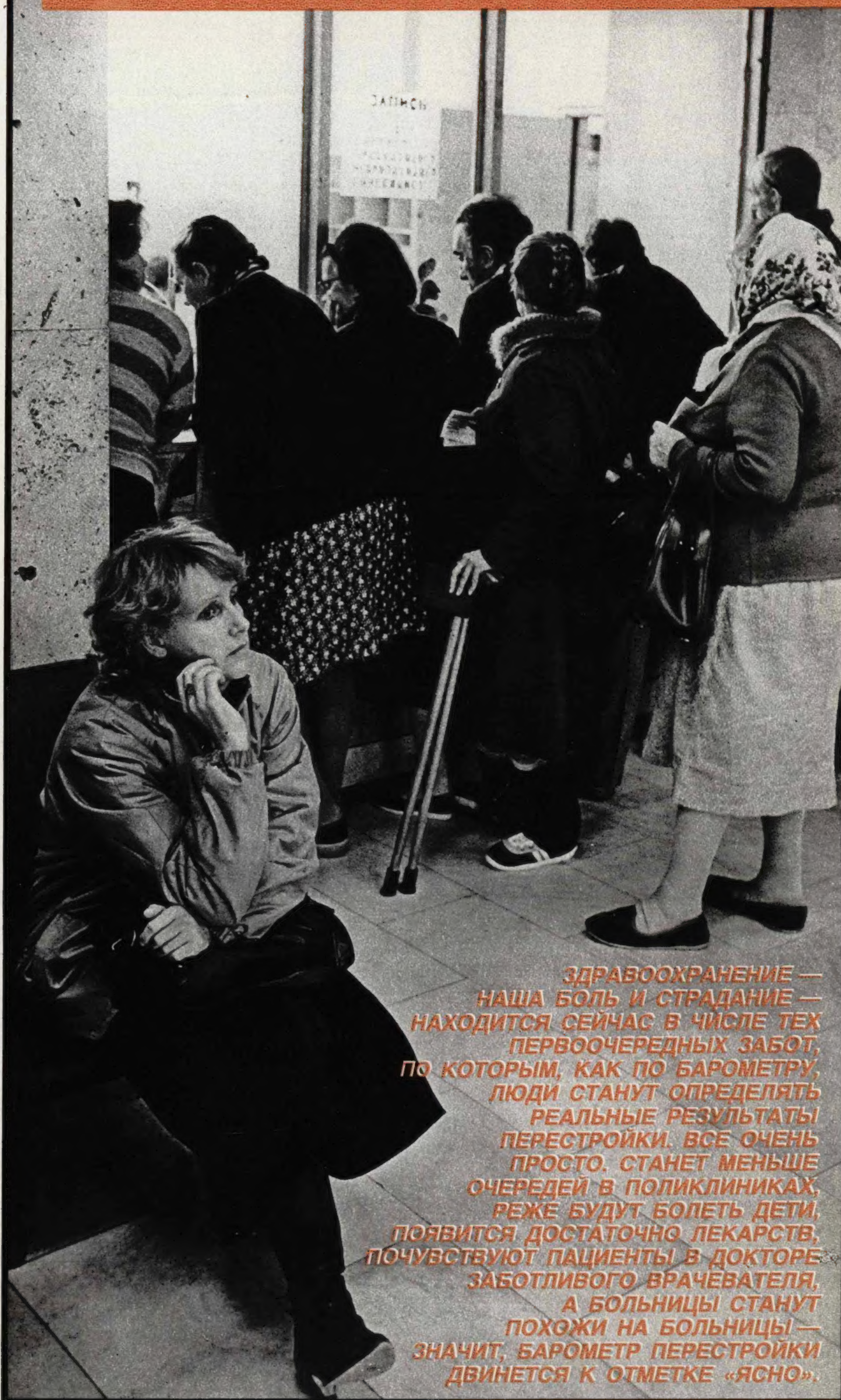
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 23.09.88. Подписано к печати 11.10.88. А 11792. Формат 70 × 108 $\frac{1}{2}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3074.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

'СОТНИ ВОИТЕЛЕЙ СТО

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ — НАША БОЛЬ И СТРАДАНИЕ — НАХОДИТСЯ СЕЙЧАС В ЧИСЛЕ ТЕХ ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ ЗАБОТ, ПО КОТОРЫМ, КАК ПО БАРОМЕТРУ, ЛЮДИ СТАНУТ ОПРЕДЕЛЯТЬ РЕАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ. ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО. СТАНЕТ МЕНЬШЕ ОЧЕРЕДЕЙ В ПОЛИКЛИНИКАХ, РЕЖЕ БУДУТ БОЛЕТЬ ДЕТИ, ПОЯВИТСЯ ДОСТАТОЧНО ЛЕКАРСТВ, ПОЧУВСТВУЮТ ПАЦИЕНТЫ В ДОКТОРЕ ЗАБОТЛИВОГО ВРАЧЕВАТЕЛЯ, А БОЛЬНИЦЫ СТАНУТ ПОХОЖИ НА БОЛЬНИЦЫ — ЗНАЧИТ, БАРОМЕТР ПЕРЕСТРОЙКИ ДВИНЕТСЯ К ОТМЕТКЕ «ЯСНО».

ИТ ОДИН ВРАЧЕВАТЕЛЬ ИСКУСНЫЙ

— О бедах медицины, естественно, знаете не только вы, министр Союза, но и все население. Правда, люди не всегда связывают ее состояние со сложностями в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, экологии... Наконец, в духовной жизни общества. И по привычке всю ответственность перекладывают на медиков, забывая разделить ее на всех.

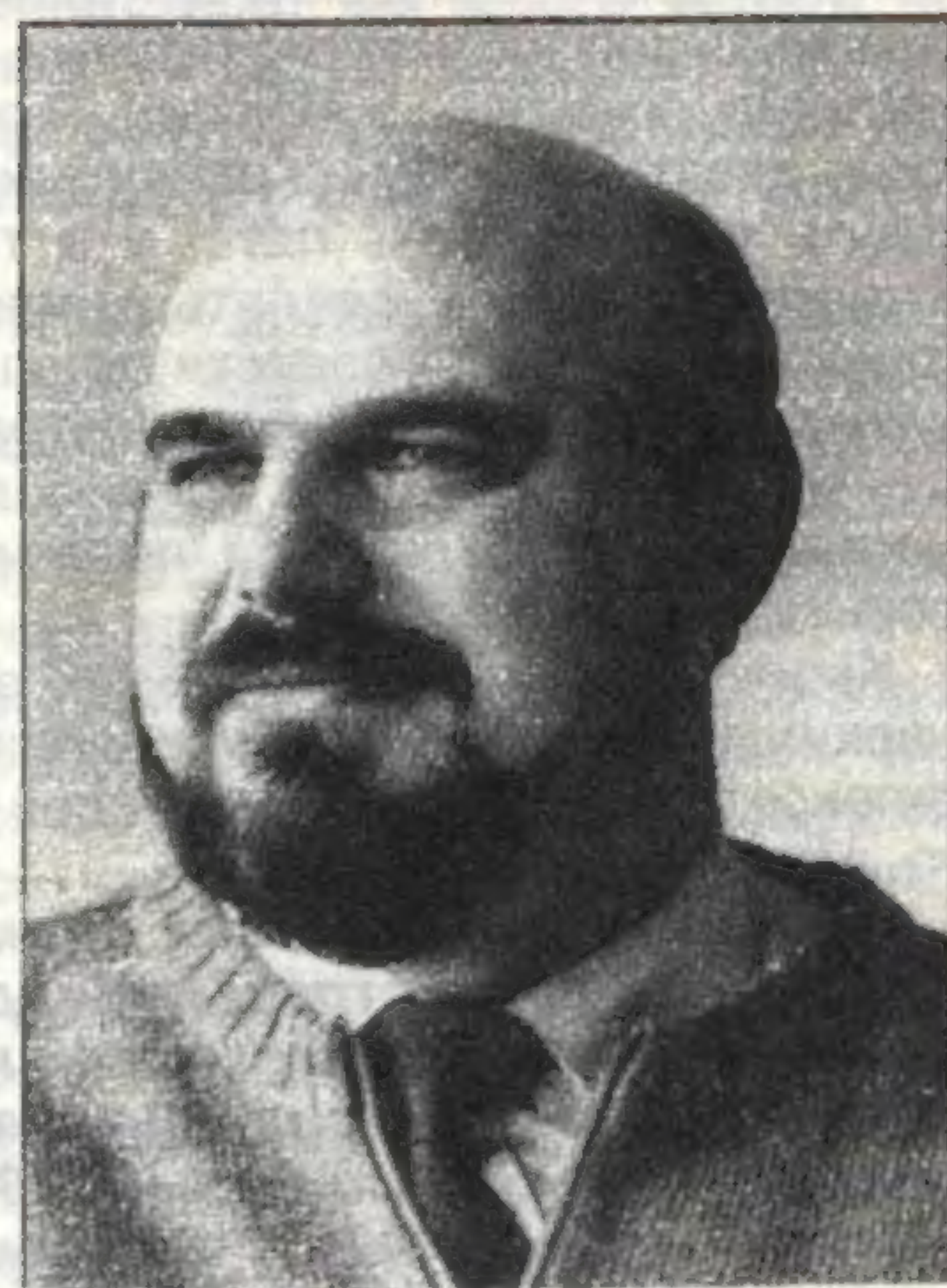
За примерами далеко ходить не надо. В аптеках дефицитны соски и горчичники, йод и термометры. В больницах перебои с хирургическими скальпелями и операционными иглами, лабораторным и диагностическим оборудованием... Перечень можно продолжать до бесконечности. Предприятия Минмедбиопрома, Минприбора, Минхимпрома и т. д. не выполняют заказы здравоохранения. Ленинградский завод «Медполимер» на будущий год планирует увеличить выпуск мыльниц и соковыжималок вместо систем для взятия и переливания крови. Марганцовку отгружают бочками, а медицинский гипс — вагонами. Целый ряд предметов медтехники и лекарств примерно год назад выведен Госпланом из так называемой «группы товаров народного потребления». И кого это взволновало, кроме работников здравоохранения? Госплану, министерствам и подведомственным им предприятиям стало теперь выгодно не выпускать или не расширять производство лекарств, медтехники.

Думаю, положение изменится. Эти проблемы остро обсуждались на одном из недавних заседаний Совета Министров СССР. Предложено рассмотреть номенклатуру лекарственных препаратов и медицинской техники, которым можно придать статус товаров народного потребления. Но как же все трудно приходится выбивать! Хотя, с другой стороны, как говорится, на бога надейся... Сами решили заниматься техникой. Недавно создали научно-производственное объединение «Стоматология». Готовим к реализации и другие проекты. Проговариваем участие зарубежных фирм в организации совместного производства материалов.

Сейчас достигнуты соглашения о строительстве инофирмами предприятия по производству операционных столов, функциональных кроватей, о совме-

С МИНИСТРОМ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР
АКАДЕМИКОМ
ЕВГЕНИЕМ ИВАНОВИЧЕМ
ЧАЗОВЫМ
БЕСЕДУЕТ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ
«ОГОНЬКА»
ВЛАДИМИР ВОЕВОДА.

стном производстве компьютерных томографов. Какой-то сдвиг есть... Но все же потребуются еще года три-четыре, чтобы здравоохранение и его пациенты хоть как-то почувствовали перемены к лучшему.

— К проблемам материально-технической базы мы еще вернемся. Однако дело, как говорится, не только в деньгах. Ясно, что охрана здоровья — задача не ведомственная, не одного Минздрава.

— Разумеется. Жизнь показывает: у нас в стране люди абсолютно не думают о своем здоровье. Вот в Америке, представьте, я наблюдал, как в полдень из Пентагона выбегали на разминку военные чины в спортивных костюмах. У нас же и во сне не приснится, чтобы генералы и полковники из Министерства обороны бегали трусцой по Арбату. Поймите правильно, я не о том, что всем поголовно обязательно бегать, но человеку нужно думать о себе.

— Да уж, конечно. У них при таком высоком уровне жизни, когда многие бытовые проблемы решаются автоматически, есть время думать о своем здоровье. У нас же, чтобы в плавательный бассейн попасть, сначала за справкой набегаться, потом в самом бассейне наклоняешься,

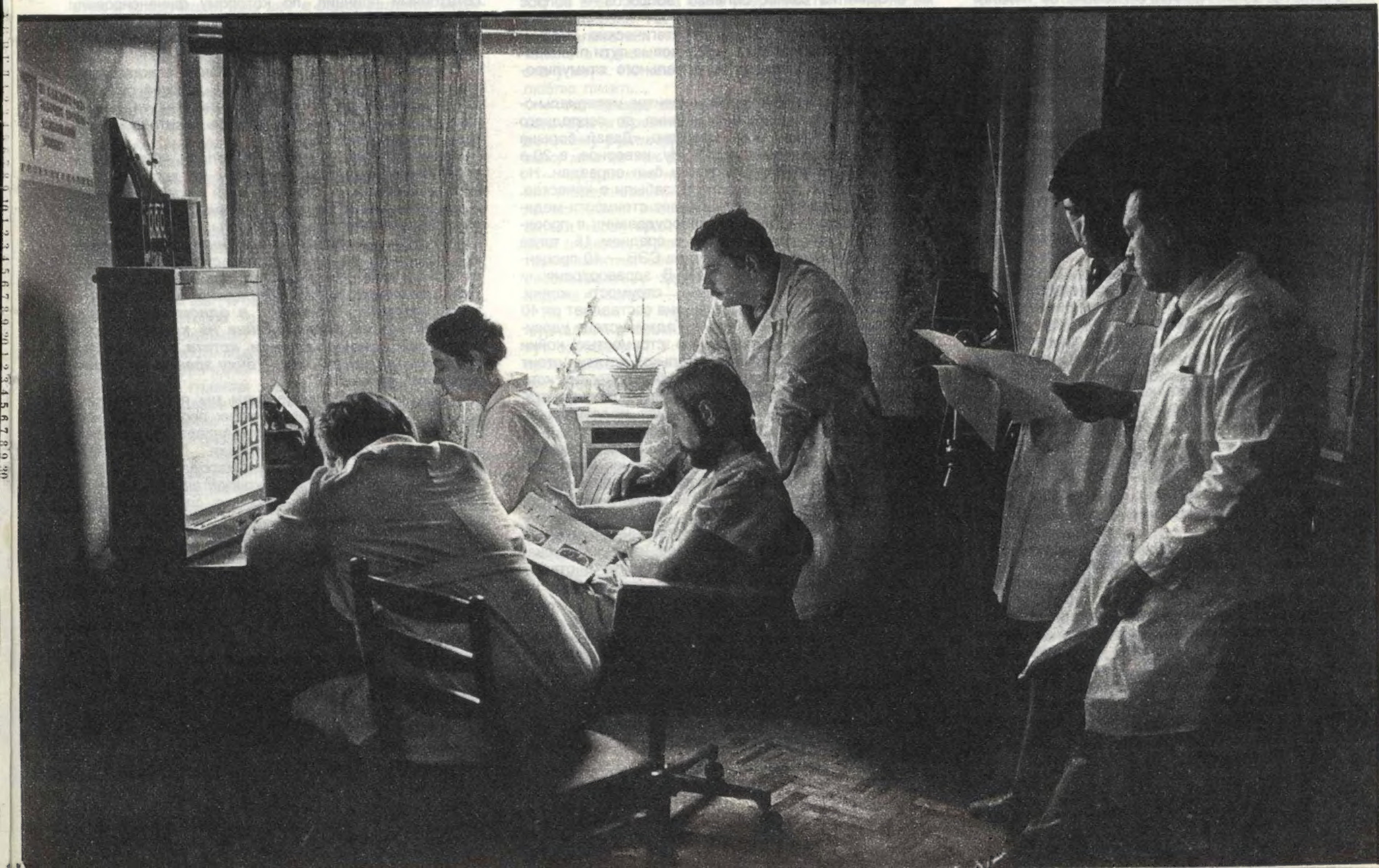
чтоб оказаться в удобное время. Уж не говорю о теннисных кортах — они, кажется, только для «блатных» и существуют. Вот и получается: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— Хочу, чтобы вы меня правильно поняли: профилактика, которая становится генеральной линией здравоохранения, — это и повышение материального уровня жизни, и подъем культуры, и охрана окружающей среды, и улучшение условий труда, и высокая физическая культура. Одним словом, масштабное понятие. Это, если хотите, иной стиль жизни, который еще только предстоит выработать. И выработать его надо со школы, с юношеского возраста.

— Проблемы приоритетных направлений в здравоохранении наверняка будут рассмотрены на Всесоюзном съезде врачей, который на днях откроется в Москве...

— Профилактика — традиционная идеология охраны здоровья. На съезде мы рассмотрим ее новую, активную стратегию. Давайте рассуждать так: почему человек по каждому поводу должен обращаться в больницу? Ведь его нередко достаточно обследовать, а вести наблюдение можно и в консультативной поликлинике.

Фото Павла КРИВЦОВА

Сегодня заболевание раком чаще всего устанавливается в третьей-четвертой стадии, когда сделать уже ничего нельзя. А если бы в первой стадии, да прооперировали рано, да взяли под контроль... То же и с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Мы во Всесоюзном кардиологическом научном центре провели многофакторную профилактику большой группы людей, страдающих болезнями сердца. Общая смертность снизилась на 16, а количество инсультов — на 60 процентов.

— **Убедительно.**

— Вот почему мы выступаем за создание медицинских диагностических центров — областных, республиканских, межрегиональных. Пока их в стране пять (из них два — в Москве). В этом году откроется еще десять, до конца пятилетки планируется открыть еще тридцать пять, а в тринадцатой — 115. Там можно будет сделать компьютерную томографию, эндоскопию, провести функциональную диагностику, рентгенологические, ультразвуковые и биохимические исследования... А в больницу должны ложиться люди только для лечения либо для очень серьезного обследования.

Кроме того, создаются центры здоровья для физических тренировок, психологической коррекции, рефлексотерапии и других методов восстановительного лечения.

— **В министерстве меня познакомили с такими цифрами: у нас в стране ежегодно болеет острыми кишечными заболеваниями и вирусными гепатитами более 2,5 миллиона человек, брюшным тифом — около 9 тысяч. В 1986 году от этого умерло около 25 тысяч человек, большинство из них — дети. От чего появляются такие заболевания? Можно ли их предупредить?**

— От чего? От недоброкачественной воды, например, низкого санитарно-гигиенического уровня многих молоко- и мясоперерабатывающих предприятий. Считайте, в республиках Средней Азии от 12 до 24 процентов питьевой воды не соответствует нормам по бактериологическим показателям. На вредных производствах у нас работает 9,4 миллиона человек, из них 30 процентов — женщины. 270 тысяч женщин заняты тяжелым физическим трудом. А мы гадаем, откуда уроды рождаются (до 64 тысяч в год!), откуда недоношенные. Ясно, что причины в основном социальные. Медики бьют тревогу, но одной констатации мало. Нужны решительные экономические меры. И я еще раз хотел подчеркнуть, что каким бы замечательным ни был Минздрав, в одиночку проблему охраны здоровья людей он не решит.

— **Коль уж мы затронули тему принципиальной позиции министерства в вопросах профилактики и охраны здоровья населения, хочу поделиться некоторыми наблюдениями. В последнее время люди все чаще бывают озабочены поисками биологически чистых пищевых продуктов. Но пройдите по рынку (я не говорю уже о магазинах). Вы не купите арбуза, помидоров, дыни, не подкормленных нитратами или не опрысканных пестицидами. Насколько мне известно, контроль (если это можно назвать контролем!) осуществляется кустарным способом: нет достоверных методик экспресс-анализа, реактивов и приборов, которые бы фиксировали содержание в продуктах канцерогенных химических веществ.**

— Качеством пищевых продуктов на рынках занимается Госагропром. У них свои лаборатории, которые должны определять продукты на пригодность.

— **Однако уровень их технического оснащения так низок... Ну, с чем бы сравнить? Разве что с дилижансом на конвейере завода Форда. Но я о другом — медики, что же, в стороне остались?**

— Этой проблемой занимаются лаборатории Госагропрома. Наша санитарно-эпидемиологическая служба перегружена. Тем не менее мы решили часть забот взять на себя. Проверяем, например, условия изготовления и реализации пищевых продуктов, которые продают в Москве кооператоры и «индивидуалы». И проверки показали, что в леденцы, «сахарную вату» и другие лакомства кооператоры включают красители, качество которых оставляет желать лучшего. Были случаи, когда конфеты подкрашивали гуашью, анилином... Только в первой половине этого года за грубые нарушения технологии приготовления пищевых продуктов были закрыты 28 кооперативов.

На медиков, правда, пытались давить: «Вы против кооперативов». Мы не «против», мы — «за»! Но и за здоровье людей!

— **И все-таки остается убеждение, что должного контроля за качеством продуктов в стране нет. Госагропром «контролирует» то, что сам производит. Естественно, не в убыток себе. Для того, чтобы отравленные химикатами овощи и фрукты миновали любой контроль, достаточно заверений их поставщиков, что пестициды не применялись при обработке посевных площадей. Предусмотрена также и предельно допустимая (!) концентрация нитратов, канцерогенов и тому подобного в продуктах питания. Минздрав, как я понимаю,**

на себя функции контроля брать не хочет или не может. Где же выход?

— Вопрос сложный, от его решения не отмахнуться. Сейчас мы принимаем нормативные документы, которые, надеюсь, усилят позиции санитарно-эпидемиологической службы, активизируют ее работу.

— **В редакционной почте нередки письма, авторы которых прослеживают такую закономерность: все больше и больше приходит в практическое здравоохранение молодых врачей с весьма низким культурным да и интеллектуальным уровнем. Не является ли следствием этого низкий профессиональный уровень таких специалистов? Вы как-то приводили такую цифру: из 350 тысяч врачей, прошедших переаттестацию, 30 тысяч были аттестованы условно, а тысяча отстранена от работы. В чем причина? И почему, на ваш взгляд, в последнее время нередко говорят о дефиците душевности, чуткости, милосердия в медицинской среде?**

— Я не думаю, что это касается только медицинской специальности. Проблема общая. Но у нас она проявляется более остро именно в силу специфики профессии. Конечно, я согласен, средний уровень стал ниже (это уже вина нашего образования). Ниже стал и уровень культуры. Вот на первом Всесоюзном съезде участковых врачей в 1925 году прозвучало буквально следующее: «...На этом расчищенном революцией поле деятельности среди прочих исторических фигур появились три, о которых история наша будет всегда помнить. Эти три фигуры — учитель, агроном и врач... Они понесли на своих плечах культурную работу в деревне...» А сейчас?

В 1970 году мы по численности врачей достигли уровня США, а потом вдруг резко рванули и с 668 тысяч специалистов довели их количество в 1986 году до 1202 тысяч. Конечно, выпускали скороспелок... Недавно проверяли мединституты Башкирский и Северо-Осетинский. Ситуация критическая. Уровень подготовки крайне низкий. Если ничего не изменят, закроем их.

Наши студенты слабо владеют элементарными практическими навыками — не могут разобраться в электрокардиограмме, оперировать, принять роды.

Ситуация обязательно должна измениться с повышением культуры в нашем обществе, совершенствованием системы медицинского образования.

Равнодушие, которая еще недавно развела общество, коснулась и врачей. Это тревожит. «Милосердие не является неременным украшением физика или химика. Но оно обязательно для врача — терапевта и хирурга», — сказал, выступая на съезде французского медицинского общества, Андре Моруа. Одна из задач нашего всесоюзного съезда — перебороть равнодушие, возродить в медиках милосердие, доброту.

— **А о каких других проблемах здравоохранения вы будете говорить на съезде врачей?**

— Один из самых болевых вопросов — вопрос стратегии.

Для того чтобы решать стратегические задачи, необходимо как минимум, найти новые пути планирования, финансирования, материального стимулирования работы медиков.

Ни для кого не секрет, что развитие материально-технической базы здравоохранения до последнего времени проходило под лозунгом: «Давай больше больниц, давай больше коек!» Ну, наверное, в 20-е годы такой экстенсивный путь и был оправдан. Но затем, в погоне за количеством, забыли о качестве. К чему это привело? Удельный вес стоимости медицинского и технологического оборудования в проектах наших больниц составлял в среднем 15, тогда как в учреждениях стран-членов СЭВ — 40 процентов. Доходило до парадоксов. В здравоохранении существует такой норматив — стоимость койки. В ряде социалистических стран она составляет от 40 до 80 тысяч рублей. Так вот, в Таджикистане удалось построить больницы со стоимостью койки меньше 5 тысяч рублей — столько, кстати, стоит одно место в современных животноводческих комплексах. В этой же республике более половины стационаров размещены в помещениях и зданиях со стопроцентным естественным износом.

Или вот еще такие цифры: только 35 процентов районных больниц страны имеют горячее водоснабжение, 27 — не имеют канализации, 17 процентов — водопровода. Из 18 тысяч поликлиник и амбулаторий, расположенных в сельской местности, лишь пятая часть имеет специально построенные здания.

Хозяйство настолько запущенное, что руки опускаются. Да что далеко ходить: побывайте в старых московских больницах, которые десятилетиями не реконструировались, и вы поймете меня.

— **Для того, чтобы исправить положение, нужны ассигнования. Каковы они были раньше и сколько средств выделяется государством сейчас?**

— Политика, которую вели в прошлом планирующие и финансовые органы, была неправильной. На медицину должен идти постоянный процент от на-

ционального дохода. Ведь понимаете, что получилось: в денежном выражении ассигнования на здравоохранение увеличивались, а в процентном — от национального дохода — снижались. И к 1986 году этот процент упал до 3,9. Правда, сейчас эта цифра поднялась до 4,3 процента.

— **А много это или мало в сравнении с другими странами?**

Судите сами. Вот данные трех-пятилетней давности: доля расходов на здравоохранение в валовом национальном продукте в США составляет 10,9 процента, в Австрии — 10, Бельгии — 9,1, Боливии — 6, в большинстве стран-членов СЭВ — свыше 5 процентов.

И еще несколько красноречивых цифр. Расходы государства на здравоохранение с 18,5 млрд. рублей в двенадцатой пятилетке возрастут до 32,2 млрд. рублей в тринадцатой. Ассигнования на приобретение медикаментов в стационарах увеличатся в 1,8—2,2 раза.

— **Понятное дело, этими средствами нужно еще толково распорядиться...**

— Разумеется. Нелегко, но крайне необходимо изменить отношение партийных, советских, плановых и финансовых органов к строительству медицинских учреждений. Ведь ежегодно не осваиваются десятки миллионов рублей. На встречах с партийными и советскими руководителями на местах не устаю повторять: вы хорошо знаете, какой у вас план, урожай, сколько денег осваивается на капитальном строительстве, а попробуйте назвать показатели детской смертности, продолжительности жизни в вашем регионе — ни одной цифры не назовете.

— **Каким вы видите семейного врача?**

— Когда заходит речь об искусстве врача, мы обычно объединяем в единое целое его знания и аналитический склад ума, человеческую доброту и интуицию. О таких специалистах еще Гомер сказал: «Сотни воителей стоит один врачеватель искусный».

Мне кажется, что именно эти качества во врачебной среде подрастеряны. Во всяком случае, когда в ряде городов врачам предложили квартиры в новых микрорайонах в обмен на медицинские хлопоты об их жителей, желающих почти не нашлось. Аргумент один: «Это же будут ходить ко мне ночь-полночь, звонками телефонными надоедать...» «Ну так вы же врачи, — говорю им, — так же было всю жизнь».

— **Многие годы нам внушали: «Все лучшее — детям!», а в это время из всех ассигнований на здравоохранение детству отводилось не более четырех процентов. Мы хороним своих детей в 2,5 раза чаще, чем в США, в четыре раза чаще, чем в Швеции, в пять раз чаще, чем в Японии... Меняется ли ситуация к лучшему? Что сегодня мешает нам добиться резкого перелома в организации и качестве медицинской помощи детям?**

— В здравоохранении — внутри него! — тоже был остаточный принцип, по которому финансировали материнство и детство. И, конечно, у нас не было хороших детских больниц, не хватало даже родильных домов. Это привело к печальным результатам. В Средней Азии, где самая высокая рождаемость, был и самый высокий показатель детской смертности. А почему? Да потому, что санитарно-гигиенические условия там никакие, уровень санитарной культуры матерей низкий.

Поэтому сейчас первое, что сделали, 40 процентов ассигнований, которые получаем на здравоохранение, вкладываем в развитие этой службы. Создали и внедряем региональную программу. Есть уже первые обнадеживающие результаты.

— **Когда появились медицинские кооперативы, возникли и самые разные суждения о них — от самых восторженных до крайне негативных. Все, например, бурно обсуждали баснословную цену, которую установили в одном московском кооперативе за исследование на компьютерном томографе, принадлежащем, кстати, государству. Хотелось бы узнать вашу точку зрения на кооперативное движение.**

— Медицинские кооперативы мы поддерживаем. Только стараемся избегать таких перехлестов, как в случае, который вы привели. Аппаратура простаивает, импортная, дорогостоящая. Стали давать в аренду кооператорам, а они с народа деньги драть. Тогда мы потребовали от руководства лечебным учреждением: организуйте работу на сложной аппаратуре в 2—2,5 смены.

Всякие кооперативы создаются. Я давно предлагал: давайте создадим кооператив, например, при Боткинской больнице. Бывшие нянечки, сестры, которые ушли на пенсию, дали бы свои адреса в справочную. Допустим, у меня там положили близкий, хочу, чтобы за ними присмотрели... Не можем организовать такой кооператив.

— **Выступая на XIX Всесоюзной партконференции, вы, в частности, отметили, что путь к созданию постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по совершенствованию охраны здоровья советского народа был нелегким. Сам документ вы оце-**

нили как «конструктивный, подкрепленный материальными ресурсами план совершенствования здравоохранения».

Ваша точка зрения расходится с мнением многих наших читателей. В их письмах содержится очень серьезная критика общих рассуждений, которыми изобилует документ. Говорится, что в нем изложены полумеры, что постановка проблем часто не сочетается со сколь-нибудь реальными путями их решения. Приводились и такие сравнения: разработка программы здравоохранения в США длилась пять лет. В эту работу был вовлечен широкий круг медицинских, правительственных и общественных организаций. А проект нашей программы составлялся всего около полутора лет узким кругом людей — преимущественно из высшего звена руководителей здравоохранения. А уж обсуждение и вообще было скоротечно. Поэтому, делают вывод читатели, трудно ждать каких-либо существенных результатов. А как сейчас вы оцениваете постановление и ход его реализации?

— Принят ряд постановлений — по технике, по лекарствам, по материально-технической базе, — которые расширяют, конкретизируют этот действительно общий документ, который таким и должен быть, поскольку отражает стратегию развития здравоохранения. А в каждой республике, области, даже в каждом районе создается и начинается выполняться своя конкретная программа.

— Полтора года назад на одной из первых своих встреч с журналистами вы назвали такую цифру: из 323 НИИ, работающих над решением медицинских проблем, 80—100 можно без ущерба для дела закрыть в силу их крайне низкой отдачи. Ну и что удалось сделать? Созданы крупные всесоюзные научные центры — профилактической медицины, охраны здоровья матери и ребенка и т. д. И «закрытые» маломощные институты перешли под крышу таких центров? В принципе где должна «делаться» наука — вне лечебных учреждений или на их базе?

— Работа эта не закончилась. В принципе мы переходим на новую форму финансирования. Создали 26 экспертных советов из ведущих ученых нашей страны и передали им вопросы финансирования программ. И сегодня эти институты должны отживать сами по себе, если их программы не выдерживают конкуренции, поскольку будут лишены каких-либо субсидий.

В системе Минздрава уже закрыто 28 институтов, в республиках закрываются институты, а этот научный потенциал мы используем на других направлениях.

— Среди скептиков бытует мнение, что Чазов, став министром и столкнувшись с реальным положением в запущенном здравоохранении, пребывает в некоторой растерянности. Прогнозируется и следующий ваш шаг в оздоровлении медицины: создание Госкомитета, который бы объединил Минздрав, Минсобес и Госкомспорт. Так ли это? Видите ли вы реальные пути решения проблем?

— В растерянности я не пребываю. Я четко представляю себе пути выхода из затруднительного для здравоохранения положения. Но еще раз повторяю: настолько запущена ситуация, что действительно иногда возникает мысль: а выполнимо ли все это?

Я знал, что здравоохранение запущено, но чтобы настолько...

Если вы спросите меня, как я оцениваю ситуацию, отвечу: сейчас сделан первый шаг. Разработана определенная стратегия, стратегия, с которой согласились и в правильности которой удалось убедить партийные, советские органы.

Это важный шаг, и общество поняло, что так дальше нельзя. Второе то, что, конечно, хотелось бы больше материальных ресурсов, но и то, что есть, дает возможность поднимать уровень здравоохранения. Есть теперь идеология, стратегия, методология, сейчас самая главная задача — чтоб все это было воспринято людьми на местах. Сейчас все зависит не от Минздрава, не от Совмина, а от того, как все будет претворяться в жизнь.

Наконец о том, будет ли создан новый Госкомитет по здоровью. Видите ли, сегодня и в здравоохранении, и в соцобеспечении столько нерешенных проблем... Если соединить двух инвалидов, не думайте, что получится один здоровый.

— Средства массовой информации время от времени обращают внимание министерства на несовершенство системы внедрения новых средств диагностики, нетрадиционных методов лечения и профилактики (например, методов Бутейко, Васильева — Шошиной, Говалло и др.). Со многими новаторами вы встречались лично, помогли им в организации апробаций, создании лабораторий, центров. Но почему этими проблемами не занимается, допустим, какое-то специальное подразделение министерства по новым методикам лечения? Почему не отлажена система проверок та-

ких методик? Почему с катрексом не могли разобраться 20 лет? И, наконец, а судьи кто? Каковы критерии практического применения спорных методик? Не голосованием же решать научные споры?

— Мы сейчас создали Главное научно-техническое управление, которое призвано обеспечить ускоренное внедрение достижений науки в практику. Разработали специальную схему. Теперь апробация лекарств и методов лечения будет проходить от года до двух (раньше 5—6 лет). Более того, будем создавать так называемые центры внедрения.

О нетрадиционных методиках. Взвешенно надо к ним относиться. Например, метод Бутейко. У нас издан приказ, на места направлены инструкции. Метод начинает распространяться.

Есть и спорные методики. Вот по Васильеву — Шошиной. Я познакомился с их методом и подписал приказ о создании в Центральном институте усовершенствования врачей проблемной научно-исследовательской лаборатории под руководством Васильева. И хотя у Васильева и других новаторов не все еще ладится, мы будем добиваться тщательной проверки тех или иных методов, чтобы получить полную и объективную их оценку, после чего примем окончательное решение.

— Время нашей беседы подходит к концу. Мне остается сожалеть, что нельзя объять необъятное, и очень многие проблемы, которые наши читатели просили обсудить с вами, останутся, очевидно, на потом. Напоследок, если позволите, несколько вопросов, адресованных вам не как министру, а как человеку.

Как у вас со здоровьем? По фактическому здоровью министра нередко судят о состоянии здравоохранения. Кто ваш лечащий врач? У вас лично не возникает желания пожаловаться на наше здравоохранение?

— О, если бы наше здравоохранение было бы таким здоровым, как я. Как говорится, тыфу-тыфу, не сглазить бы. Но если откровенно сказать, мне сейчас приходится думать не столько о своих болезнях, сколько о болезнях нашего здравоохранения. И если я болею, то именно за него...

Я никогда в жизни не имел ни одного бюллетеня. Была, правда, операция аппендицита в 1969 году. Из кабинета поднялся я в операционную, там и прооперировали. Это было как раз в пятницу, а там — суббота, воскресенье... Словом, на работу вышел очень скоро...

Считаю, здоровье зависит от самого человека. Я, например, каждый год бываю в горах и ни разу — в санаториях. Считаю, отдых должен быть активным. Не представляю себя развалившимся на пляже, подставляющим бока южному солнцу.

Я не курю. По праздникам, как и многие, могу выпить рюмку, хотя спиртное не входит в мой жизненный рацион. Если говорить о питании, полагаю, что во всем должна быть умеренность: почти не ем хлеб и первое. На второе — овощи, отварное мясо.

Пожаловаться на наше здравоохранение могу только в одном: слишком много времени занимает оно у меня. Не хватает на другое: ведь я, как и вы, люблю писать...

— На Западе вас долгое время воспринимали как «врача Брежнева», человека, «близкого к советскому руководству». Да и у нас в стране, думаю, многие так считают. А как на самом деле?

— Ни для кого не тайна, что я участвовал в лечении и Брежнева, и Андропова, и Черненко. Это давало основания иностранным журналистам интересоваться характером и течением заболеваний советских лидеров. Я на это обычно отвечал: существует такое понятие, как врачебная тайна, поэтому не могу рассказывать о здоровье своих пациентов без их ведома. Пациент — это свято...

На одной из пресс-конференций американская журналистка бросила реплику: «Подумаешь, а что тут особенного? У нас свобода слова...» Каков вопрос, таков ответ. «Уважаемая леди, — отпарировал я, — а как бы вы отнеслись к тому, если бы я сейчас попросил вашего лечащего врача рассказать о ситуации в вашей гинекологической сфере?» Журналисты бурно реагировали на это предложение. На какое-то время наладки прекратились.

А потом, когда в печати появились сенсационные сообщения об операции Рейгана, очень скоро перестали передавать журналистам информацию о здоровье президента. «Ну что, — интересовался я потом у американских корреспондентов, — сообщают вам теперь о самочувствии президента? Вы же говорили: свобода слова, свобода слова...»

— Понимаю, что трудно было возглавлять Четвертое Главное управление Минздрава СССР. Чего больше требовала эта работа — быть врачом, организатором, дипломатом?

— Наверное, все три позиции были важны. Но на первое место я поставил бы врача, потому что я врач. Но если бы я был дипломатом, сказал бы, что дипломат.

— Вы подписывали некрологи многих высших

политических деятелей страны. Что можно сказать о процедуре и существовании этого печального дела?

— Смерть любого человека — и великого, и простого — это тяжело. Правильно говорят, что перед лицом смерти все равны. Поэтому и переживаешь: все ли ты правильно сделал в лечении человека, который был для тебя пациентом, а не должностным лицом. Хочу отметить, что во всех случаях, когда я подписывался под некрологом, тактика лечения и диагноз были точны.

— У вас устойчивая слава одного из самых демократичных министров: вы много ездите по стране, встречаетесь с людьми. Что дают вам эти встречи? Что люди высказывают вам, кроме жалоб на нехватку лекарств и очереди в поликлинике?

— Вы знаете, для меня эти поездки очень важны, потому что я хочу знать жизнь, истинную ситуацию. Если сидеть в кабинете, ничего знать не будешь. И от этих поездок — польза. К сожалению, инкогнито уже не получается: много показывали по телевидению, теперь пожинаю плоды...

Я, кстати, если вы заметили, не был в Прибалтике ни разу — там все в порядке, в Белоруссии был только раз, на Украине — дважды, а вот в Среднюю Азию наведываюсь часто. Потому что там самые болевые точки.

Когда приезжает министр Союза, обязательно собирается партийно-хозяйственный актив. Последние такие встречи мы провели в Якутии и в Чечено-Ингушетии, где очень сложная ситуация в здравоохранении. Люди откровенно высказывались, говорили правду в лицо партийным руководителям, и когда слушаешь их, то понимаешь, что нужно делать и какие вопросы сегодня наиболее остро стоят. Люди говорят все, что думают. И порой неловко бывает. Иногда и обидно бывает. Но, понимаете, люди не виноваты, виноваты все мы. Так вот, для меня эти поездки дают мощный стимул для работы.

— Вы окончили Киевский медицинский институт в 1953 году. В те времена в студенческой среде наверняка обсуждался «подвиг» Лидии Тимашук. Как была атмосфера во времена «дела врачей»?

— Понимаете, «дело врачей-убийц» очень навредило медицине. Вновь, как в 36—37-е годы, появилось такое определение — «врач-отравитель». Началось разрушаться доверие к врачу. Я не помню сейчас конкретно, что было тогда. В памяти осталась тяжелая моральная обстановка.

— В 1969 году специальная комиссия проанализировала историю болезни В. И. Ленина. В этой работе принимали участие и вы. Расскажите, пожалуйста, о результатах работы ученых. Могла бы современная медицина продлить жизнь и работоспособность Ленина?

— Думаю, что да. Напомню, что в 1918 году В. И. Ленин был ранен. Пуля, прошедшая по касательной, остановилась вблизи сонной артерии. Образовавшаяся вокруг пули гематома (кровоизлияние), да и сама пуля, которую удалили лишь через несколько лет, сдавили сонную артерию. Изменения в сосудах способствовали развитию атеросклероза, который позже привел к нарушению мозгового кровообращения. Если бы сразу же после ранения была удалена пуля, как это было бы сделано в условиях современной медицины, то возможность развития атеросклеротической бляшки в сонной артерии была бы значительно меньшей. Однако в тех сложных условиях, в каких существовала хирургия в 1918 году, сделать это было просто невозможно.

Все остальные домыслы о якобы имевшихся у Ленина заболеваниях не нашли подтверждения.

— Можно ли сегодня говорить о здоровье не только людей, но и организаций, обществ (в том числе неформальных), нашей печати?

— Вот это вопрос... Ну, начнем с журнала «Огонек» в таком случае. С целым рядом положений, которые высказываются «Огоньком», согласен, но есть и такие, которые не разделяю. Наверное, как и «Огонек» не со всеми моими суждениями, в том числе и высказанными в этой беседе, согласится.

Ну, а что касается обществ, «Памяти», к примеру... Во-первых, я его мало знаю. Во-вторых, то, что читал, — глупость, просто глупость и болтовня. Мое мнение: это люди, которые ищут себе какой-то популярности.

Сегодня хватит разговоров. А если мы будем болтать, от этого никому легче не будет. Мы вскрыли язвы, вскрыли недостатки в общественной, политической жизни общества (то же мы сделали в здравоохранении). Сейчас просто надо работать. Давайте трудиться для народа, тогда все будет прекрасно.

— Благодарю вас за беседу. Очень хочется когда-нибудь побеседовать с вами, министром здравоохранения страны, не о болевых проблемах медицины (потому что их к тому времени, надеюсь, не будет), а о том, что можно сделать, чтобы стране лучше жилось, чтобы люди были счастливы. Верю в эту встречу.

Участники гражданской войны в Испании 1936—1939 годов во многих странах окружены вниманием: в социалистических — получают персональные пенсии, в Польше есть улицы, названные именами добровольцев. А у нас интербригадовцы далеко не всегда получают моральную, экономическую поддержку. Повелось это давно. Большинство сражавшихся в Испании по возвращении домой обычно награждались боевыми орденами, но те, кто воевал в самый последний период, когда произошли наиболее трагические события и вынужденное отступление, наград не получили. Многие были репрессированы.

Сейчас все наши «испанцы» пользуются правами ветеранов войны. Все, но не фронтовые переводчики, составляющие совсем немногочисленную группу, и не заводские техники, обслуживавшие боевые самолеты и танки. Обращения испанской группы советских ветеранов в Министерство обороны СССР с просьбой предоставить всем участникам гражданской войны в Испании права ветеранов войны встречают отказ. Причина странная: они, мол, были добровольцами. Мы действительно не по приказу, а добровольно приняли участие в сражении, положившем начало сопротивлению фашизму. Большинство из нас отправились туда студентами, почти детьми. Почему же мы заслуживаем к себе менее уважительное отношение, чем кадровые военные? В Испании переводчики находились на передовой, получили офицерские звания, были на полном военном обеспечении. Некоторые из нас погибли под пулями, были ранены.

В связи с юбилейными датами — тридцатилетием и пятидесятилетием со дня начала действий Интернациональных бригад в войне в Испании — мы были награждены почетными медалями, на которых значится: «Участнику Национально-Революционной войны в Испании 1936—1939 гг.». Да, в Испании мы воевали, а не ездили туда в качестве туристов.

**Стелла АЛЕНИКОВА,
Валентина АЛЕКСАНДРОВСКАЯ,**
участники Испанской войны,
фронтовые переводчики

Отдыхал с семьей на Кавказе в Гаграх. Один из лучших его санаториев носит название «Имени XVII съезда партии». Висит вывеска на двух языках. Неужели этот съезд надо до сих пор прославлять, хотя мы все хорошо знаем и его итоги, и его последствия? Становится просто неудобно за местных руководителей. Видимо, они ждут указаний из Москвы. Сами никак не могут решить совершенно ясный вопрос. Вообще все понимают, что экономическая реформа может дать эффект не менее чем через три-четыре года. Это ясно любому мыслящему человеку. Но дутую перестройку не надо затягивать на длительный срок. Я полагаю, что наше общество уже созрело для ее закрепления

определенными государственными актами.

А пока что продолжают издаваться календари, мелькают плиты и памятники, позоря современность и выражая несогласие с исторической правдой. И один из ярких примеров — санаторий «Имени XVII съезда партии».

М. А. ЖУКОВСКИЙ,
заслуженный деятель науки РСФСР,
профессор

Академик Д. С. Лихачев говорил, что Советский фонд культуры «ждет помощи и предложений от каждого человека, заинтересованного в сохранении культурного наследия нашего Отечества». Общеизвестно широкое благородное движение советской общественности по финансовым и другим вкладам в Фонд мира, Фонд культуры и так далее.

Хотелось бы внести предложение об одном стабильном источнике пополнения денежных средств в пользу Советского фонда культуры. Я, например, уверен, что найдется немало ученых и писателей, согласных публиковать свои уже подготовленные к печати книги с условием перечисления авторских гонораров в Фонд культуры. Проблема, видимо, лишь в том, как технически реализовать такой замысел? Пожалуй, здесь не обойтись без создания специализированного издательства (или отдела) по выпуску «неплановой», но пользующейся большим спросом литературы. От такого нововведения, безусловно, выиграют и авторы, и читатели, и общее дело.

Думается, что инициатива правления Фонда культуры в данном случае найдет понимание и поддержку со стороны Госкомиздата, в свете нынешней радикальной перестройки издательского дела, предполагающей новые формы деятельности, в том числе организацию литературных кооперативов, хозрасчетных типографий, предоставление издательствам права полной самостоятельности в решении творческих и производственных вопросов, создание исследовательского Института книги, опубликование трудов за счет автора.

Н. А. ГОРБАЧЕВ,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Саратовского пединститута

24 августа 1988 года я вылетал вместе с группой товарищей на заседание президиума общества слепых рейсом 107 в Казань. Рейс должен был начаться в 10 час. 05 мин., но был отложен по техническим причинам на три часа. Некоторые пассажиры с этого рейса улетели в Казань только в 14 часов. На следующий день 25 августа я вместе с товарищами рейсом 108 должен был улететь из Казани в Бугульму в 19 час. 15 мин. Однако он опять же по техническим причинам начался только в 21 час. 30 мин. Сначала в аэропорту, а затем в самолете перед пассажирами трижды вежливо извинялись за задержку рейса. Но никто не подумал о том, как будут

добираться пассажиры из аэропорта в близлежащие города. Ведь мы выжили на стоянку автобуса в 23 часа, и в это время там не было никаких маршрутных автобусов. Сотрудники аэропорта, видимо, никогда о таких вещах не задумываются.

Нам, пассажирам, пришлось изворачиваться. Например, мы на частной легковой машине добрались до Бугульмы. 4 пассажира заплатили водителю 12 рублей (билет на автобусе стоит 35 коп.). Понятно, что такого рода расходы в командировочные не включаются. Очевидно, что не всем пассажирам повезло, как нам, кто-то остался в аэропорту на вынужденную ночевку. А ведь все мы торопились: кто-то ехал на работу, кто-то к тяжелобольному... 24—25 августа была ясная солнечная погода, и не могло быть речи о задержке рейсов по метеословиям, поэтому сотрудники аэропорта и вытаскили на свет так называемые технические причины. А ведь это может быть и личная недисциплинированность работников тех или иных служб аэропорта, нехватка горючего и др. Но пассажирам нет до этого дела. Они планируют свое время в расчете на то, что все будет в порядке и самолеты станут летать по расписанию. Думается, что давно пора упорядочить материальную ответственность Аэрофлота за задержку рейсов. Задержка рейсов — это ведь не только потеря времени, но и потеря нервов, испорченное настроение.

Ф. Х. ХИСАМОВ,
инвалид I группы по зрению
Бугульма

Публикацией в «Юности» «Городских прогулок» возвращается к советскому читателю творчество Виктора Некрасова. Пошли и воспоминания Кирилла Привалова («Лит. газета» № 35), Виктор Конечкий («Огонек» № 35)... Читаешь. Похоже на то, что Некрасов писал о себе в последних своих книгах («Записки зеваки», «По ту сторону стены», «Саперлиопет», «Маленькая печальная повесть»). Похоже, да не то же. Некрасов в воспоминаниях (особенно у Привалова) «подправлен», «отрепуширован» в нужном духе, а в его высказываниях, «трепе» за кружкой пива незаметно смещены акценты.

Задним числом (поди проверь!) выясняются симпатии и антипатии писателя. В тод идут слухи. На основании одного из них Некрасова уличают в неискренности: «Жить-то надо! Даже если вы и по ту сторону стены». Другой слух: «как рассказывают», Некрасова выгнали из «Континента». «Нечего пить с кем пополю!» — заявил Максимов. Но дело в другом: Некрасов не мог не встречаться с советскими писателями, приезжающими в Париж, он не мог жить лишь «по ту сторону стены», и ему этого не простили.

Ссылками на Некрасова пытаются теперь подсесть чьи-то репутации и авторитеты. Никому в голову не приходит вспомнить в сегодняшних журналах резких, хлестких (и спра-

ведливых) отзывов, например, Твардовского — а он не жаловал и иных новомировских авторов — о ныне здравствующих писателях. А вот о соотечественниках, живущих за рубежом, — это можно. Что за двойная мораль!

То, что хотел сказать Некрасов о литераторах зарубежья, он сказал в своих книгах. Надо только напечатать их.

Виталий ПОМАЗОВ,
мастер «Теплосети»
Серпухов

После публикации в № 35 нашего журнала материала Виктора Конечкого «Последняя встреча» редакция получила письмо от читателя М. Лемхина, в котором он выражал недоумение по поводу того, что одна из фотографий, сопровождавших материал, была напечатана без указания его, Лемхина, авторства.

К сожалению, во время подготовки статьи к печати редакция не располагала данными об авторе снимка. Настоящей публикацией мы исправляем допущенную ошибку.

С большим интересом прочитал интервью председателя КГБ СССР, данное «Правде», и в частности заявление о том, что деятельность КГБ «будет органически сочетаться с процессом расширения демократии и гласности в обществе».

В этой связи припомнилось вот что. Мой близкий друг Юрий Н. работал, как и я, в одном учреждении, связанном с выездами за границу. Он неплохой специалист, но в командировки его не посылали, и он предполагал, что был объявлен «невъездным». Решив проверить, он записался в турпоездку в Англию и был отставлен буквально за два дня до выезда под явно вымышленным предлогом. Опасения его таким образом подтвердились. Он долго и, разумеется, безуспешно пытался узнать что-нибудь о причинах через партийную и профсоюзную организацию, в кадрах. Сам он думал, что на него написали клеветнический донос, даже подозревал — кто. Но был совершенно бессильен оправдаться или объяснить что-нибудь, так как никто ему ничего не предъявлял. Как будто уперся в темноте лбом в стену.

Именно полное отсутствие какой-либо информации или гласности в этих и других подобных случаях создавало условия для разгула репрессий в период сталинщины и благоприятствовала произволу в деятельности НКВД.

Не так давно мне довелось прочитать информацию в нашей прессе. В США один человек, которому показало, что за ним ведется слежка, написал официальный запрос в ФБР. Через некоторое время получил ответ с официальным уведомлением, что на него заведено доследственно его «антиамериканской» деятельности. Этот человек и вместе с ним наш корреспондент были воз-

мушеры, что такое возможно в демократической стране.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что такое как раз свидетельствует о демократичности. Более того, мне хотелось бы предложить КГБ узаконить и у нас подобную возможность направлять в органы официальный запрос с тем, чтобы и гражданин СССР мог бы защитить себя в случае необходимости от доносов и произвольных санкций.

А. РАЧКОВ,
член КПСС, ветеран труда
Москва

Известно, что над проектом реформы цен работает группа специалистов. Но этот жизненно важный процесс идет негласно. Кто в нее вошел, кто этих людей назначил и чем при этом руководствовался? Какие данные используются при подготовке проекта цен, в какой мере они достоверны и достаточны? Возникают ли в процессе работы мнения, точки зрения, дискуссии?.. Вопросы эти порождены не праздным любопытством, ответы на них безусловно интересны самой широкой общественности.

Проект реформы цен, который нам предстоит всенародно обсуждать, станет конечным результатом работы «проектировщиков». Но, не располагая исходной информацией, люди не смогут полноценно обсуждать реформу. Если добавить к этому низкий уровень компетентности населения в вопросах теории и практики ценообразования, то в сочетании с недостаточной информированностью обсуждение никак не может получиться глубоким и результативным.

Думается, что инициатива в осуществлении такой гласности должна принадлежать средствам массовой информации.

С. С. СЛЕПАКОВ,
кандидат экономических наук,
доцент
Пятигорск

Журнал выпал из рук, когда узнал, что вы — сотрудники — не можете подписаться на самих себя! Но вы — ладно, почитаете в редакции. А что делать Дмитрию Сергеевичу Литачеву? Больше всех мне жалко академика. Пошлите его адрес — отдам свою подписку, доставшуюся мне чудом. Ему-то, совести нашей, «Огонек» нужнее. А я уж слухами проживу.

О. ВОЙТ,
водитель
Новосибирск

Вот уже девять лет я работаю врачом-отоларингологом и все эти годы вместе со многими своими коллегами в летне-осенний период выезжаю на сельхозработы. Там приходится и траву косить (норма, между прочим, как у профессиональных косцов), и бревна грузить, и на пилораме работать, и навоз выгребать. Это не один день, а две-три недели подряд. Потом перерыв, и опять могут послать. Я не против помощи, это дело нужное, государственное. Но возникают иногда ситуации, когда больные ждут врача, хотят проконсультироваться или лечиться, а врач в это время чистит ферму. И вынуждены тогда наши больные бегать по другим поликлиникам — у них же болит.

Приезжаешь с сельхозработ, ведешь прием, а руки уже не те и инструменты держать неловко, они ведь более миниатюрны, чем грабли или вилы. И все это повторяется из года в год, а наше сельское хозяйство никак не выйдем, хотя и с помощью шефов, на нужный уровень.

Была как-то пресс-конференция по телевидению министра здравоохранения Белоруссии тов. Улащик о том, чтобы не привлекать медработников на сельхозработы. В городе Минске, как он объявил, эта проблема уже решена. А у нас в городе местные чиновники никак на это не отваживаются, считая, что выезд медработников на сельхозработы важнее здоровья людей.

С. С. ВОЮШ
Витебск

Прочитал сообщение о «продаже» известного футболиста киевского «Динамо» А. Заварова в итальянский клуб «Ювентус». Ранее такие же сделки были совершены с другими футболистами.

Еще совсем недавно у нас в стране было стойкое убеждение в том, что происходящие на Западе продажи и перепродажи известных спортсменов — явление в высшей степени безнравственное, унижающее человеческое достоинство спортсмена.

Теперь эта практика зарождается и в нашей стране. И наших спортсменов, выходящих, можно купить и продать, да еще при этом поторговаться, чтобы получить побольше. А Заваров оценен в 5 миллионов долларов — высокая цена! О. Блогин — поменьше...

Совершив эти сделки, обычно ссылаются на следующие причины: 1. Заработать валюту. 2. Показать другим мастерство спортсмена. 3. Перенять все ценное, что имеется в западных клубах. 4. Дать возможность заработать спортсмену. Видимо, имеются и другие причины, в том числе и такая: все так делают. Все это так, но не покидает чувство какой-то неловкости, недоумения и сомнения. Человека можно продать за деньги — вот что настораживает. Сегодня спортсмена, завтра другого специалиста.

Не может не смущать и гонорар, получаемый спортсменом. Сравним: 5 миллионов и 1200 долларов в месяц... Так сколько же стоит на самом деле А. Заваров? И почему не он сам распоряжается самим собой, а кто-то другой? Нет ли здесь явной дискриминации по отношению к спортсмену со стороны наших отечественных контор? Создается впечатление, что А. Заваров — просто-напросто товар в руках Госкомспорта и своего клуба...

В. Н. КУЗНЕЦОВ
Барановичи Брестской области

Мое предложение — дать экономическую самостоятельность изданию. Конечно, это не открытие, но уж очень удобный момент наступил для этого. Тут и доказывать ничего не надо: подписчик сам все поймет!

Каждый номер журнала рассказывает, рекламирует экономическую самостоятельность кооперативов, бригад, объединений, даже республик. Более того, утверждает ее. А сам? Чем отличается популярное издание от того колхоза, за счет которого кормятся все окружающие его в области? Почему в сельском хозяйстве, промышленности это явный экономический паразитизм, а в области печати нет? Почему бы «Огонек» не стать хозрасчетным журналом? Выйти на прямые связи с издательствами, бумажными комбина-

тами, наконец? Та же идея самофинансирования. Тогда бы и мерой служил не тираж прошлого года, а интерес к изданию читателей, подписчиков. А иначе о какой самостоятельности печати мы говорим?

Наверное, все-таки наступило время решения этих проблем. И если редакция считает «нескромным» разговор о своей самостоятельности, то, прозвучав во мнениях читателей, он должен быть подхвачен и развит. А что, давайте покажем всем, как редакция передового издания решает свои экономические проблемы. Этаким наглядным уроком, результатом которого мы определим по состоянию своего почтового ящика.

Б. БРЕВНОВ,
студент
Горький

Я ветеран труда. Непрерывный стаж 20 лет, общего — более 25 лет. И более 25 лет являюсь членом профсоюза. По семейным обстоятельствам вынуждена была прервать стаж в связи с переездом в другой город.

В настоящее время я заболела. По больничному листу мне выплачивают как члену профсоюза с прерванным стажем 50 процентов. Я возмущена, что, выплатив за годы жизни огромную сумму взносов, имея непрерывный стаж 20 лет, я получаю от профсоюза только половину зарплаты. Это настоящий обман.

Что же выходит: вновь поступивший работник, не имея вовсе стажа, получает 50 процентов, как и человек, который всю жизнь добросовестно трудился на одном производстве?

А. ГРУШКО
Жданов

Приехали мы сюда, в детскую краевую больницу, из разных уголков обширного Хабаровского края, Магаданской области, Камчатки, Сахалина, Якутии с надеждой на то, что здесь вернут нашим детям здоровье или по крайней мере смогут отодвинуть, заглушить то самое страшное, что могут сделать такие заболевания, как лейкозы, сахарные диабет, гепатиты, коллагенозы, бронхитальные астмы, и многие другие. Сколько детей и их родителей всю

жизнь будут помнить имена, ставшие для них дорогими.

Но в каких условиях лечатся наши дети и работает коллектив краевой больницы города Хабаровска! Невозможно в полной мере описать убожество здания больницы, обвалившуюся штукатурку в палатах, прогнивший пол с огромными дырами для крыс, мышей и тараканов, отсутствие столовых в отделениях, игровых комнат, прогнившую канализацию, откуда постоянно текут нечистоты, переполненность палат (до 15—18 человек).

Среди нас есть мамы, которые привозят детей на лечение вот уже десять лет, но не отмечают никаких перемен во внешнем и внутреннем облике больницы в лучшую сторону. На протяжении того же времени коллективу больницы регулярно дают обещания, что будет проведен капитальный ремонт. И наконец-то, после посещения больницы авторитетной комиссией в июле сего года сотрудников порадовали: начнется строительство новых корпусов больницы. Но когда? Через 2—3—4... года? Кто может ответить на эти вопросы?

На период строительства соматическое отделение планируют рассредоточить по больницам, а подавляющая часть ребят будет лечиться дома. Да если бы у нас на местах диагностика и лечение были на таком же уровне, зачем бы мы сюда приезжали? Теперь придется ждать очереди на лечение, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь.

Может быть, вы думаете, что Министерства РСФСР и СССР не знают о наших бедах? Знают! За время существования больницы здесь побывало столько разных комиссий, что если бы от каждого посещения была хоть какая-то польза, то не только больницу — город построить было можно!

СТОРОЖЕНКО, СТАРОДУБОВА,
КОРЯКИНА...
(всего 14 подписей)
Хабаровск

Наш адрес:
101456,
ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

Как уже сообщалось, с 19 ноября по инициативе журнала «Огонек» во Дворце культуры объединения «Московский электроламповый завод» будет проходить Неделя совести, посвященная памяти жертв сталинских репрессий.

В рамках Недели состоится смотр проектов и предложений по созданию в Москве мемориального комплекса. Он станет первым туром профессионального конкурса, который планируют провести в начале 1989 года общественный совет создаваемого Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» и Министерство культуры СССР. Все проекты, присланные на смотр в ДК МЭЛЗ, по конкурсным правилам будут зашифрованы.

Общественный комитет «Мемориала» поручил конкурсной комиссии — в ее состав входят историки Ю. Н. Афанасьев, А. Д. Вайсберг, Я. Я. Этингер, архитекторы Е. В. Асс и В. Л. Глазьев, художники В. А. Кулаков и И. Л. Лубенников, историк искусств Г. П. Попов — взять на себя функции экспертов для отбора, с учетом общественного мнения, проектных предложений на второй тур конкурса. Он будет объявлен в конце нынешнего года. Его программа и условия определяются после завершения смотра в ДК МЭЛЗ.

Основные критерии в оценке экспертов: степень обобщения темы национальной трагедии и наличие потенциального образа — в какой бы форме проект ни был представлен.

На первый тур проекты принимаются до 14 ноября.
Адрес ДК МЭЛЗ: 105023. Москва, пл. Журавлева, 1.

ГОСПОДИН ХОРОШИЙ...

Среди множества откликов, получаемых «Огоньком» на свои публикации, один был достаточно необычен и касался подборки стихов известного поэта Юрия Левитанского. Пришел отзыв из заграничного журнала «Континент», подписанный главным редактором оного В. Максимовым. Отзыв этот таков:

«Уважаемые господа!

Не надеясь сильно на публикацию, прошу вас хотя бы передать этот текст Ю. Левитанскому. Пора бы вам всем, господа хорошие, разуть наконец глаза, двадцатый век кончается, дураков-то скоро совсем не останется».

Возмущение господина редактора вызвали стихи — они полностью перепечатаны в письме, заканчивающиеся такой строфой:

Жутко.
Нашим убитым,
Нашим замученным
Мы даже памятника не поставили.
Кто же мы,
Что же мы за народ?
Стыдно.

Не разделяя нашей печали, в частности по маршалу Тухачевскому, особо неприятному для него, господин автор письма заканчивает такой тирадой:

«Если же говорить всерьез, то действительно стыдно. Но не за народ, который — и вполне справедливо! — не торопится воздвигать монументы негодяям, а за авторов таких сочинений и их публикаторов, всех этих рыбаковых, рассадиных, коротичей, ничего не забывших, но так ничему и не научившихся. О них, а не о «народе» с полным правом можно сегодня выразиться словами Чернышевского: «Рабы, сверху до низу все рабы».

Жутко».

Ах, до чего же эта заграничная принципиальность сродни отечественным беспринципностям! Ах, до чего же заграничное и внутриотечественное беспамятства стремятся подвинуть друг друга! Выходит, господин Максимов, создали мы рабски культ, а теперь...

Позвольте процитировать еще один материал за подписью того же автора, но созданный в период его советского бытия и писательства, это из «Комсомольца Кубани» за 15 марта 1953 года:

СТАЛИН С НАМИ

Слышишь, сердце стучит
Под моим комсомольским билетом.

Видишь, горе без дна
В миллионах заплаканных глаз.
Это рвутся слова,
Это требует время ответа.
Я не в силах молчать,
Я не в силах молчать
В этот час.

...Наш парторг,
Будто в стяги багряные врезан.
Пламенеющий взгляд его
Жжет настороженный зал.
Видел взгляд этот

Дула кулацких обреза,
В битвах грозных
Свинцовый расплавленный
шквал.

И раздался в тиши
Хриплый голос с надломом:
«Други, Сталин закончил
Свой жизненный путь...»
Тяжесть слов, вдруг обретших
Сталинскую весомость,
Гнула спины,
У каждого сжала грудь.

В глобус школьный
Не втиснуть земную планету.
Бесконечность вселенной
Границами верст не обнять.
Так и скорбь, так и муку
Бескрайнюю эту
Не оплакать,
Не выстонать,
Не отстрадать.
Но не сломит нас горе.
Лишь бледные губы упрямей,
И лишь скулы острее...
Вел парторг свой
Тяжелый рассказ.
И стократное эхо
Слова уносило над нами
Под высокие своды,
В рассвет за окном
И в века:
«Сталин жил и живет.
В силу смерти не верьте.
Живы дело его
И могучая мысль.

Сталин — это заря,
Сталин — это бессмертье,
Сталин — это народ,
Это я,
Это ты,
Это мы.
Жизнь его негасимо
Горит над страной,
Даль весны человеческой
Народам земли осветив.
И шагают к весне побратимы
Последнего боя.
И ничто им не страшно
На их многотрудном пути».

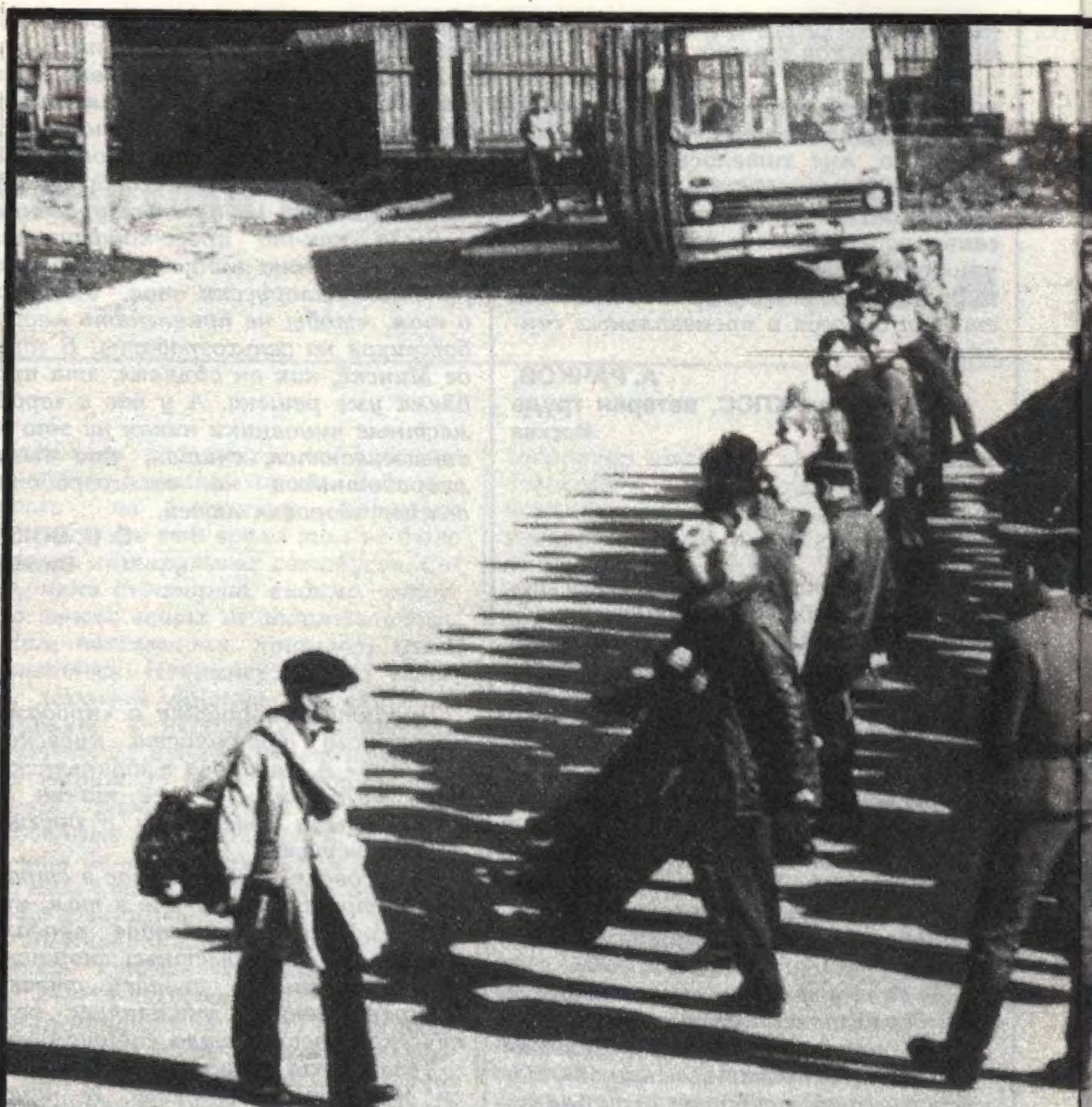
Неужто сталинистские позиции господина редактора столь тверды доселе, что он продолжает считать «негодяями» жертвы сталинских беззаконий?

Нельзя так, господин хороший, на самом деле! Памятник жертвам эпохи культа личности мы все равно возведем: «Огонек» является одним из основателей общества «Мемориал», созданного и в память тех, кто назван «негодяями» в письме ныне заграничного господина.

Во вверенном ему журнале «Континент» (где же еще?) № 25 господин Максимов не без самодовольства поделился впечатлениями о пройденном пути: «И потом — мне, если честно сказать, все всегда удавалось. Если и не сразу, то в конце концов — всегда. Я не хвастаюсь — так, правда, получалось. Не знаю почему. Получалось. С детства хотел стать писателем, другого ничего себе и не представлял. И стал. Какой я писатель, время покажет».

Время показывает...

Отдел морали и писем

ОСЕНН ПР

«И

р-рзз, и-рзз, и-рзз, двз,
три... Рота!»

И рота дружно топнет
в лад.

«Не слышу роты!»

И рота грохнет так, что
закружатся в небе птицы,
а рота запоет бо-
друю песню, оставив на снегу непре-
ресекающиеся дорожки черных сле-
дов.

«А кровать надо заправлять так,
чтобы приехала ваша мама и сказа-
ла: это что? Кровать моего сына?
У меня дома стол письменный, поли-
рованный — ну точно такой же ров-
ный. Хотя нет — у моего стола вот
тут небольшая такая кривоватость,
а здесь — совсем другое дело!»

Но это все будет завтра, завтра.
Завтра будут тихоокеанские про-
сторы, безымянные «точки» связи-

ИИ ИЗЫВ

стов, панамки пограничников, выгоревшие на солнце, ледяная броня танка на полигоне, людские сердца и мысли под толщей вод и в тишине подземных шахт.

Но все это будет завтра. А сегодня обритая голова похожа на боксерскую перчатку и уши горестно торчат, как самоварные ручки, сегодня еще рукой достать до любимой и слышно ее сердце, сегодня вы еще белые листы и просьба матери важнее команды офицера, и поезду еще никто не дал зеленый свет!

Товарищ, друг, брат мой! Самое тяжелое при прощании — не оглядываться назад. Давай оглянемся вперед.

Я был в армии раньше тебя, а тебе остался шаг до сапог и погон. Тебе некогда слушать ложь — мне незачем врать. У нас мало времени.

Армия всегда была ключом от входной двери страны. И ключ этот аккуратно прятали под коврик. Когда страну захлестнули коррупция, насилие, потребительство, низкая дисциплина, некомпетентность, бюрократизм, безгласие — армия осталась розовым рекламным плакатом, многомиллионным ансамблем песни и пляски. Но в жизни нет двух правд — с погонами и без. Былая слава не отменяет векселей нынешних бед. По ним придется платить и тебе. Будь готов к этому.

Ты поймешь, что не всегда правы люди, которые бьют себя кулаком в грудь, расписываясь в служении народу. Служить народу — это не значит командовать им!

Ты узнаешь радости жизни, что счастье — это не только молочные реки и кисельные берега, счастье иногда — это проснуться среди ночи и понять, что до подъема еще целый час, счастье — это после полевых занятий прижаться ледяной щекой к ребру батареи, и сладковатая боль

лениво заворачивается в замерзших до бесчувствия пальцах, счастье — это увидеть мучительный белый конверт в своей ячейке, счастье — это понять, что ты любишь и любим, что есть в этой огромной стране негасимые окна, где ждут и верят. Счастье — это надежда, что, когда я вернусь, все будет по-другому. Это — ожидание, которое сбудется.

Армия — это полковник Пестель, лейтенант Шмидт, маршал Тухачевский, это герои Великой Отечественной, их дети и младшие братья.

Как и они, помни, ты никому ничего не должен, кроме Родины.

Самое страшное в человеке — если он живет под страхом наказания. Страхом диктуются все мерзости на свете: ложь, предательство, насилие. Служить в армии надо ради любви. Страх — ломает. Любовь — возвышает.

Два года — это миг. Ты улыбаешься мне, но, поверь, это миг. И за него можно потерять себя. Армия — испытание. Как и во всяком испытании, положительный итог никому не гарантирован. Кто знает, вернешься ли ты с душою чистой, как стекло, или переклеенной крест-накрест цинизмом и равнодушием, кто знает...

Многое зависит от тебя самого, знай это всегда. Ты мужчина. И в твоих руках не только наша, прежде всего твоя судьба. Страна на тебя надеется, помнишь?

Сегодня последняя, выжимающая слезы из глаз круговерть родных лиц, шепчущие губы одной-единственной, на глазах стареющая мать, серое небо, плач, боль рвущихся нитей и новая жизнь, неведомая и жесткая, чужая, твоя — прощайте!

Мы ждем тебя.

Служи Советскому Союзу!

Александр ТЕРЕХОВ,
сержант запаса

Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Борис ЗУБАКИН

1894—1937

Забывший, малоизвестный и при жизни, поэт-импровизатор, археолог, чьи стихи были присланы мне его друзьями.
Был незаконно репрессирован.

СТАРУХА НИЩЕНКА

А. М. Пешкову

От старой паперти такая тень
густая;
Луна как щит меж небом и землей
И облако, себя перерастая,
Задумалось над церковкой седой...
Но старше церкви, облаков и ночи
Старуха нищенка на паперти глухой
Сидит и слушает, согнувшись
над клюкой,
Как тишина сама с собой бормочет.
Прошла она во все концы земли:
Пещера, Киева пещеры, высь Афона...
В лесах ей птицы пели тропари
И тополя кадили благовонно.
Ее морщины — веки бурных дней —
Руслие песчаное реки, что отбурлила.
И Ангел смерти позабыл о ней,
Как и она о жизни позабыла.
Но вот шаги запели у простенка —
И об руку, озарены луной
В ее жемчужных ласковых

оттенках —
Простая девушка и парень
городской.
...Завороженные, вперяя взгляд
незрячий, —
Идут влюбленные, смешные
по-ребячьи.
Земля под ними гнется и поет!
Вспоет земля и пыль озолотится,
И камни в пляс... но лишь прошли
и — вот —
Еще темней тоскливый мрак
сгустится,
И втянет в плечи голову земля, —
Вздыхнув о них и лаской оделя...
А те в ночной притихнувшей
ограде —
Идут не видя и прошли не глядя!
Старухи нищей взор, как прежде,
пуст...

Но вот, крестясь вослед
прошедшим, встала —
И вдруг — горячий шепот старых
уст: —

«Не обижай их, Господи!»

1927 г.
Сорренто

Ирина СНЕГОВА

1922—1975

Переводила со многих языков народов СССР — и одна, и вместе с Е. Николаевской. Стихи Снеговой становились все горше и горше, как будто она предчувствовала свой преждевременный уход.

Жив-здоров. Не глядишь на другую.
Вот и все. Остальное стерплю...
Не грустишь? Но и я не тоскую.
Разлюбил? Но и я не люблю.
Просто мне, чтоб по белому свету
Подыматься дорогой крутой,
Нужно верить, что дышишь ты где-то,
Жив-здоров... И не любишь
другой.

Август, 1963 г.

Андрей ДОСТАЛЬ

1925—1972

В 1948 году я послал рукописную книгу своих стихов в издательство «Молодая гвардия» и получил вызов от литконсультанта для разговора. Меня встретил А. Досталь — одноглазый, но если похожий на пи-

рата, то на доброго. «Почему ваш папа не пришел сам, а прислал вас вместо себя?» — недовольно спросил Досталь. — «Это мои стихи, а не папины», — мрачно ответил я. Досталь процитировал из моей тетрадки: «Текла моя дорога бесконечная. Я мчал, отпугивая ночи тень. Меня любили вы, подруги встречные, чтоб позабыть на следующий день». «Это ваши стихи?» — изумленно переспросил он. (Мне было тогда пятнадцать лет.) Досталь начал серьезно заниматься со мной — почти каждый день по несколько часов. Это был прирожденный поэтический воспитатель. Именно Досталь ввел меня в тогда казавшийся таинственным мир редакций и литературных объединений. Этому человеку я благодарен на всю жизнь.

Река проходила
У самого дома.
Купались в реке облака.
А я разбегаюсь...
Прыжок. И с разгона
Меня принимала река.

Летели стеклянные
Брызги с размаху,
Вода мне казалась легка.
И я, забираясь
На мокрую плаху,
Расталкивал облака!

Шумела река
Без конца, без начала,
Толкала мой маленький плот.
С коротким гудком
Отвалив от причала,
На Томск уходил пароход.

Потом он гудел
Басовито и глухо,
Потом уходил за утес.
Но долго еще
Доносился до слуха
Прерывистый стук колес.

Всего было надо,
Всего было мало,
А солнце стояло в глазах!
И сам я однажды
Ушел от причала
И не вернулся назад.

Юрий ОКУНЕВ

1919—1988

«Но никогда не падал духом Литературный институт!» — так писал когда-то питомец этих в свое время волшебных стен, друг Луконина, Гудзенко, ученик Антокольского. Настоящие имя и фамилия его были Израиль Израилевич, но их пришлось сменить из-за определенных шовинистских замашек, временами появлявшихся в воздухе России. Бескорыстный романтический служитель поэзии, которая являлась единственным содержанием его жизни. Как и Андрей Досталь, был литконсультантом, тратя три четверти жизни на молодых сталинградских поэтов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ

Хотите знать толк
В остро приправленном блюде?
Загляните
Ко мне в кабинет;
Не смиренно здесь ждут
Моего правосудия,
Перед вами

Не парниковые люди,
Ничего в них тепличного
Нет...
Адская профессия.
Сиди перед чужой лирой.
Перед серпантинном строк,
Дешевых гирлянд.
Сочувствуй, содействуй,
Изнывай, но реагируй,
Крылья дай
Или могилу вырой,

Ты — литературный консультант!
Семейные восторги,
Расторгнутые браки,
Темпераменты, как в падучей,
Бьются под пером.
Истеричные женщины
И донские казаки
К тебе идут на прием.

В глазах юнца страдальческих
И мольба, и гонор.
Вопросы, ответы —
Иглы ежа.
Он сам собою напуган,
С Большой ворвался Бронной.
Грудь выгнул атлетически
И залился с разгона,
От самовлюбленности
Крупно дрожа.

Ему на смену женщина,
Проклиная мужа
За то, что ей мешает
Парить, творить, дышать:
— Меня сковали цепи
Домашние, о ужас!
Мой муж совсем прозаик,
Мне очень лирик нужен,
Что смог бы душу тонкую
Ценить и понимать...

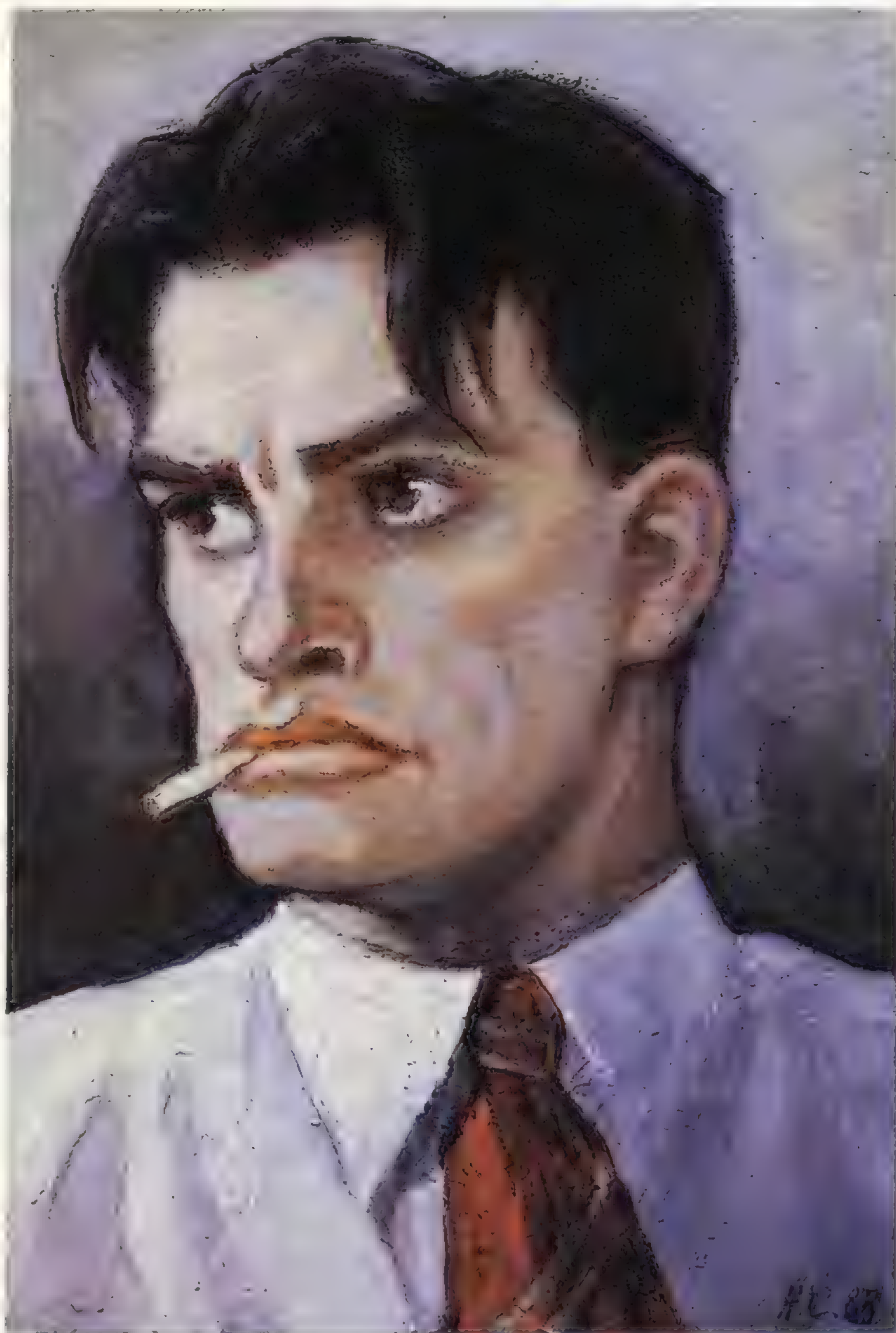
Вот ждет приема птица
С душою странной, вздорной.
Высматривает тщательно,
Просовывает клюв.
Войдя, скороговоркой начнет читать.
Проворно
Клюет чужие строки.
Чужие мысли-зерна
Крадет, крадет, без счета,
И глазом не моргнув.
Рабочий день окончен.
И вот кругом все смолкло.
Вдруг входит тихий юноша
Без видимых примет.
Овцой он не казался.
Он не казался волком.
Он начал читать.
И сбил меня с толку.
То были стихи.
То был поэт.
Москва, 1940

НЕ ЛГИТЕ ДНЕВНИКАМ!

Ведите дневники! В них искренности
корни,
Души наивной первозданный лик.
Мне все равно, писатель или
дворник —
Ведь там, где исповедь, — любой
из них велик!
Бесценно только то, что
непритворно,
Себя вы не стыдитесь в этот миг.
Ну, что такого?

Пусть характер вздорный,
Пусть даже малограмотен язык,
Зато в лихом азарте откровенья
Все по-святому грешники равны.
И пусть для вас великое мгновение,
Как ездили вы к теще на блины.
Пусть плотоядность, чувственность
и грубость,
Пусть нет у вас изысканных манер.
Невежда, если в нем проснулся
Рубенс,
Мне ближе, чем ученый лицемер,
Что в дневнике поддался чувству
меры.

И сразу карлик, а не великан...
Молю: не следуйте его примеру.
Умрите, но не лгите дневникам!

Н. А. СОКОЛОВ. Род. 1903.
1930-й ГОД.
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.
1988.

новой. Посмотрев его, она показала портрет Горькому. Взглянув, Алексей Максимович произнес: «Ух ты! Глаз-то у меня — как у вороны!»

Писателя попросили, если он согласен с рисунком, написать на нем что-либо, так как хотели его опубликовать. Горький, взяв у меня литографский карандаш, крупно подписался «М. Горький», поставив «и» по старой орфографии...

1930 год. Февраль.

Владимир Маяковский открывает свою выставку «20 лет работы».

Окна РОСТА, плакаты, фотографии, макеты театральных постановок, книги, документы...

Почти никто из друзей и писателей не помогал с устройством выставки.

НАБРОСКИ К ПОРТРЕТАМ

Николай СОКОЛОВ,
народный художник СССР

ПАЛИТРА

В этом году мне исполнится восемьдесят пять лет. Ровно шестьдесят лет назад, в 1928 году, я впервые увидел Алексея Максимовича Горького. И не только увидел, но должен был нарисовать его портрет. А был я тогда еще студентом ВХУТЕМАСа, который только что окончили мои друзья — М. Куприянов и П. Крылов.

Главный редактор журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» Мария Ильинична Ульянова попросила нас троих — Кукрыниксов — пойти в один из клубов Москвы на встречу с приехавшим из Италии А. М. Горьким. Ей хотелось, чтобы мы сделали зарисовки для публикации в журнале вместе с литературным отчетом об этой встрече.

Нам предложили места в президиуме позади Горького.

Выступали самые разные ораторы. Среди них и пожилая женщина, селькор, очень интересно рассказавшая о том, как она из неграмотной женщины стала корреспондентом газеты. Ее искренний рассказ очень взволновал

ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД.
1983.

АЛЕКСАНДР
ПУШКИН.
1987.

Все сам развешивал, доставал. И на открытие выставки никто из писателей не пришел — их отсутствие должно было означать «протест» против вступления Маяковского в РАПП. Не было самых близких «друзей». Один из них — поэт — сочинил даже стихи, в которых «угрожал» Маяковскому, что сочтет пемзой со своей руки следы рукопожатия Маяковского.

На выставке было много молодежи, это смягчало чувство одиночества поэта. Молодежь он любил...

В те дни он был мрачен, молчалив, раздражителен, рассеян. Незадолго до трагической развязки В. В. Маяковскому становится известно, что его фото-портрет с поздравительной надписью в связи с 20-летием творческой деятельности вдруг изымается из всего тиража журнала «Печать и Революция» по чьему-то распоряжению.

Идет апрель, Маяковский должен ехать на очередную встречу с читателями, на этот раз со студентами. Настроение отвратительное, но надо выступать. Читает стихи. Кто-то из зала требует читать совсем другие. Маяковский слышит:

— Ваши стихи непонятны!..

Наступило 14 апреля 1930 года.

Очень долго не мог я написать задуманный мною портрет — Маяковский в последние три с половиной месяца жизни.

Не раз принимался, но неудачи шли одна за другой. Только лишь один портрет был одобрен людьми, хорошо знавшими Маяковского, и сейчас он находится в музее его имени.

Множество раз переписывал я еще один портрет, начатый четыре года назад. Он уже побывал на выставке в Манеже, и тем не менее я вновь переписывал его целиком. Назвал портрет «1930-й год»...

МАКСИМ ГОРЬКИЙ.
1928.

* * *

Всегда беспокойно-красивый, удивляющий, неожиданный, острый... Таким запомнился Всеволод Мейерхольд.

Нам — Кукрыниксам — посчастливилось работать в его театре художниками-оформителями четырех картин первой части спектакля «Клоп», по приглашению Маяковского. Мы рисовали в цвете эскизы сцен «Универмага», «Общежития студентов», «Свадьбы Присыпкина» и «Пожара». Работали и над эскизами костюмов, и гримом для актеров.

Идея Мейерхольда, и с ней был согласен Маяковский, была такой: мы должны были выискивать и зарисовывать в магазинах и на рынках те безвкусные, пошлые вещи, которые «украшают» большинство жилищ. А также безвкусные наряды. Зритель должен был узнавать на сцене те самые предметы, какие порой у них дома создают «красоту» жизни.

Мы много ходили по магазинам и с артистом Игорем Ильинским, искали ему и другим участникам комедии плохо сшитые костюмы, платья...

Тридцатые годы. Здание театра ставится на капитальный ремонт. Временно в небольшом помещении Мейерхольд проводит репетиции нового спектакля «Дама с камелиями». Героиню будет играть Зинаида Николаевна Райх. Ему нужны для этого хорошие альбомы — монографии французских художников-импрессионистов. В первую очередь Эдуарда Мане, Ренуара. Он просит нас, Кукрыниксов, дать ему эти книги. Мы приносим их ему домой. Он вглядывается в каждую репродукцию...

Мои друзья «Кукры» и я много раз рисовали дружеские шаржи и портреты В. Э. Мейерхольда.

Последний портрет его я писал с перерывами в несколько лет. Хотелось показать режиссера во время репетиции. Эту свою работу я подарил будущему музею В. Э. Мейерхольда. Будущему потому, что его пока нет, а только уже порядочное время идут хлопоты о создании такого музея...

Наталья Ильина

ПРИВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ...

РУССКИЙ КЛУБ

1

Э

тот роман поражает с первых же страниц. Мне он что-то мучительно напоминал, но я не могла понять, ЧТО, пока не наткнулась на такие строки:

«Итак, последние наставления,— глуховато проговорил Старик. Ефим утомленно кивнул головой... Каждая жилка подрагивала в нем, однако он не показывал этого».

«Агент ноль-ноль-икс-игрек, вам ясно задание?» — «Ясно, господин Голл!» — ответил молодой мужчина, не дрогнув ни одним лицевым мускулом. Долговременное пребывание в шпионской школе научило Григория Окаянного владеть всеми частями тела».

Эти строчки из пародии, опубликованной в 1957 году.

Вот, оказывается, что напоминало мне произведение, недавно напечатанное толстым журналом. Оно было похоже на романы и повести, появлявшиеся в середине 50-х и начале 60-х годов. И хотя писались они разными авторами, но были у них лишь им присущие характерные особенности, которые подмечали и высмеивали пародисты. Столько воды утекло с тех пор, я бы эти шутки и не вспомнила, не появились они в сборнике «Советская литературная пародия» (издательство «Книга», 1988 год). Сборник подтвердил то, что я начала подозревать, читая этот новый, совсем недавно опубликованный роман, а именно: его сходство с теми старыми, позабытыми...

Засылаемого к нам шпиона Ефима (сын русских эмигрантов, родился в Австралии в 1927 году) учат, что отныне шпионам не нужно «убивать [людей] из-за угла в спину... Задачи сейчас — стрелять в душу, развращать ее, опустошать» «...не силой оружия, но силой внутренних раздоров, недовольства собственным строем, а также экономической слабостью — поработить их...»

Подобные же задания давались шпионам из прежних романов. В пародии сказано так: «Будем шебаршить идеологически. Разложение населения путем внедрения буржуазной идеологии».

Шпиона Ефима забрасывают в портовый город Находку. Чем он собирается стрелять в души? Одно из оружия: порнографические открытки. Эти «похабные фото» следует распространять среди жителей города, чтобы убить в их «душе нравственную идею». «Их всех тут надо развратить...»

В пародии на такого рода произведения этим же оружием собирается разлагать советских людей приехавший к нам «фотограф-порнограф Билл Морд, который снимал голых женщин в картинных галереях...».

«Похабных фото» для разложения населения, разумеется, недостаточно. Шпиону Ефиму велено «брать» людей творческого склада, особенно истин-

но талантливых. «Убить микроба», который «точит» его, возбуждает к творчеству».

Готовясь выполнить задание, Ефим пишет своему Шефу: «Вышел на двух поэтов и девушку — начинающего прозаика. Двое — глубинные таланты. Один поэт — графоман, но юрист с высшим образованием. Надеюсь поставить его на свои рельсы. Поэта-таланта ввести в разряд алкоголиков, девушку — она будущий журналист — приблизить».

Итак, приблизив девушку, Ефим будет либо убивать микроба, побуждающего эту «глубинно талантливую» журналистку к творчеству, либо советовать ей писать что-нибудь не то. Будить в ней, к примеру, недовольство бытом, подстрекать ее на критику нашей системы, ну и в таком роде... А как приблизить? Журналистка Наташа — орешек твердый. Ефим «знал, что за ним пойдет какой-нибудь слизняк, падкий на деньги, но как подобрать ключи вот к таким «железным людям», как Наташа, например...» Взглянув в ее «темно-синие глаза-виноградины», Ефим сразу понял, что деньгами тут ничего не добьешься, «приближать» следует иначе.

Превосходную подготовку прошел Ефим. Завербованный в шпионы в возрасте 25 лет, он и с парашютом прыгал, и на полигонах стрелял, а спустя три года его привезли в Сан-Франциско, где ему «предстояло одолеть новую ступень: познать женщин». Неужели, дожив до 28-летнего возраста, Ефим этой ступени еще не одолевал? Быть может, и одолевал, но не на том уровне, какой требовался его шефом. В Сан-Франциско Старик ведет своего подопечного в «фешенебельный, законспирированный «дворец терпимости».

Это странно. Ефима посылают в Сибирь, в Приморский край, где ему придется быть «мужик-мужиком». Быть может, шефы считали, что опыт, приобретенный Ефимом во «дворце терпимости», поможет ему, изумляя девушек, их к себе приближать?..

Но на такого железного, глубоко советского человека, как Наташа, никакие «дворцовые опыты» впечатления, конечно, не произведут. Приблизить таких можно только с помощью загса. Это Ефим и делает. Он, кстати, работает в порту крановщиком, паспорт, естественно, подложный, имя: Валерий Ивлев. Что-то, интересно знать, будет этот фальшивый Валерий нащепывать молодой журналистке? Какие антисоветские мысли внушать? Поначалу пытается. Наташа пишет повесть и беспокоится: напечатают ли? А Ефим ей: «Будь живыми твои отец и мать, да ходи они в больших начальниках, — другое бы к тебе отношение было. И не мучилась бы, писала, и печатали бы!» Но Наташа возмущена: «Да ну-у, ерунду ты говоришь!» — «Думаешь, тут все честно?» — продолжает Ефим свою работу змея-искусителя. Но Наташа твердо убеждена, что у нас все честно, она железная, пронять ее нелегко... Ее беспокоят вопросы морали. Увеличивается число разводов. Надо писать об этом, найти корни зла. Ефим-то знает, где искать

этот корень! Советских людей разлагают засылаемые в СССР шпионы. И он советует молодой журналистке усыпить бдительность читателя, напиши, дескать, о том, что «границы закрыты на крепкие замки, ни один шпион к нам не пролезет...».

...В одной из пародий, высмеивающей романы давних лет, «подрывную работу среди творческой интеллигенции» вела засланная в Москву дама по имени Порция Уиски, «дочь белоэмигрантской княгини-проститутки». Эту работу «Порция Уиски вела в постели. В промежутках между поцелуями она успевала подсказать молодому поэту сомнительную рифму и уговорить художника писать не маслом, а маргарином, композитора — сочинять музыку только в тональности ми-минор... Работы было много, и она не успевала одеваться».

Подрывную работу среди творческой интеллигенции ведет и Ефим. С Наташей его как будто постигла неудача, но вот другой «глубинный талант» погубить Ефиму удастся. Прочитав стихи поэта из народа Геннадия Колосова и стихи графомана, юриста с высшим образованием Бориса, Ефим говорит последнему: «Ваш стих, Борис, высокий, весь устремлен в будущее, а Колосов погряз в сегодняшней прозе жизни — все принижено, какое-то уж очень земное. Поэзия, как я понимаю, это же взрыв, высота...». И в поэзии, значит, разбирается этот хорошо подготовленный шпион! Ну, а графоман, естественно, на лесть поддается, и вот он уже ненавидит поэта из народа и охотно соглашается на предложение Ефима «ввести» этот глубинный талант «в разряд алкоголиков». И вводит, ежевечерне выпивая с ним в ресторане на Ефимовы деньги. Задание выполнено и даже перевыполнено: не выдержав своего алкоголизма, поэт из народа повесился. А теперь Ефим заказывает Борису написать статью. В нее «нужно заложить такой подтекст, чтобы люди с чрезмерной болью переживали уход поэта и чтобы строили различные предположения: почему же он повесился». Продавший Борис статью пишет. Подтекст закладывает.

Статья оказывает нужное действие на мировое общественное мнение. И вот уже «Голос Америки» и другие «голоса» вовсю молотят это событие... преподносят, будто талантище был громадный, повесился из-за невозможных условий творческой жизни. Это сообщает Ефиму главный шпион по фамилии Клунный, шпион-резидент. Центр доволен Ефимом. За операцию «Поэт» Ефим получает дополнительно 10 000 долларов. Радует это Ефима? Вообразите: нет. Слова Клунного показались «кошунственным!» Ефим горько усмехается, а затем «закрыв ладонями лицо и некоторое время сидел молча».

А тут еще Клунный говорит Ефиму, что силы, ведущие тайную войну против России, через 20—30 лет сделают эту страну недееспособной. Они создадут «прочные условия нехватки продовольствия в стране... всякую дешевую снедь... завозить будут

из дальних стран и взамен отдавать сырье... главным образом — нефть и газ. А также лес...». «Грузным вдруг показался Ефиму гость, что-то тяжкое тащил в себе».

Русская душа заговорила в шпионе. Ефиме! Интересно, что эта черточка, характерная для такого рода романов, тоже в свое время была подмечена пародистами! Похожее происходит с графом Васей Подзаборовым, живущим в Италии под именем сеньора Базилио Паскуди. Он приехал к нам «шебаршить идеологически», но однажды «...граф Вася, русский в душе, вдруг почувствовал неприязнь к Онуфрию». А Онуфрий — плохой человек, он «ведет зловредную и гнусную творческую работу». Дальше «неприязни» Вася однако не пошел. Но пребывание у нас изменило его: «с тоской возвращался он в свою захолустную Италию».

Это понятно, ведь Вася, мало того, что эмигрант, он еще и граф. А родители Ефима — хоть эмигранты, но бывшие сибирские крестьяне. Это добротное происхождение даром для Ефима не проходит. В шпионы-то он пошел, задания заокеанских хозяев по разложению советских людей выполняет, но чем ближе он их узнает, чем глубже вникает в нашу жизнь, тем труднее ему работать! Распространял порнографию, заодно и Библию — она тоже способствует разложению, — ввел «в разряд алкоголиков» Геннадия Колозова, затем с помощью бывшего уголовника Романько удушил спрессованным газом некую БERTУ Яковлевну: она кое-что подслушала, оказалась патриоткой и могла донести. Вместе с ней пришлось уничтожить ее «кудрявого внука лет шести», но выхода не было, и Ефим к этому отнесся спокойно. Но вот при известии о самоубийстве поэта из народа что-то дрогнуло в душе Ефима, и...

Минуточку! Это все-таки что же я читаю? Возможно ли сегодня, в наше время, всерьез угощать читателя романами, характерные черты которых были давно замечены и осмеяны? Автор предисловия сборника «Советская литературная пародия» утверждает, что вошедшие в сборник сочинения «покажут читателю, как наша литература, смеясь, расставалась с самыми злокачественными своими болезнями. Впрочем, это прошлое нашей литературы не спешит становиться прошлым. Оно цепко...».

И в самом деле: цепко! Как пародисты ни смеялись, расстаться с подобными романами не удалось. Вот один из них перед нами. Опубликован столичным журналом. С какой, однако, целью? С утешительной, быть может? Так много мрачного пишется в последнее время о нашей жизни, а вот возьмем и покажем ее глазами человека, не у нас выросшего.

Много горя пришлось хлебнуть несчастным родителям Ефима в Австралии. Была ферма, но прогорела. Решили ехать в Канаду, не доехали, денег не хватило. Задержались в Сан-Франциско, а там кошмар за кошмаром. Бастуют докеры, отец Ефима с отчаяния идет в штрейкбрехеры, возвращается с деньгами, но до полусмерти избитый разгневанными докерами. А в его отсутствие один американский прохвост насилует мать Ефима, другой прохвост, который «мальчонками пользуется», едва не изнасиловал малолетнего Ефима, но вовремя вбежала мать и от прохвоста откупилась... Таковы невеселые детские впечатления Ефима от жизни в Америке. Но вот он завербован в шпионы и, видимо, в начале шестидесятых годов заброшен в СССР. А тут все по-другому! Ну, к примеру, графоман Борис, он же юрист с высшим образованием, поэт из народа в разряд алкоголиков ввел, но и сам в этот разряд угодили: пьян ежедневно. Обрато в прокуратуру его, разумеется, не берут, но, «к великому удивлению Ефима, без работы он не остался, хотя и был постоянно хмельным... где-то устроился сторожем». ЧТО он там сторожит и КАК в его состоянии ему удастся хоть что-то уберечь, неважно, другое важно: без работы тут не остается никто. А ведь Ефим помнит, как мыкался за кордоном его честный и непьющий отец: и в ногах у хозяев валялся, и били его... Или вот случай с бывшим уголовником Романько. Отсидел в тюрьме, а когда вышел, то общественность стала его перевоспитывать «добротой и терпением». Работает в порту мастером, в кармане диплом, высшее образование. Учился, значит? И не думал! «Контрольные писали [за меня] грамотные люди», — цинично признается он Ефиму. — «А на экзаменах?» — «Бывало, стою в коридоре, а у меня уже вопросы и четкие ответы на руках». — «Экзаменатор мог же раскусить?» Но экзаменатору раскусить Романько «не позволит Советская власть, для чего же ее завоевывали?.. Преподавателям известно, что я ничего не знаю, но каждый из них выведет меня на трючку...»

Ефим потрясен. Думает: «Романько кощунствует над теми, кто завоевал Советскую власть, которая «придумала» для него трючку, сделала его челове-

ком, дала образование... Господи, его бы выкинуть на ту сторону океана, пусть там постоял бы за тощей похлебкой для безработных!»

Короче говоря, к концу романа Ефим уже называет нашу систему «святой» и становится таким горячим патриотом, что «переживал не только за нефть или за лес, который отправляли за границу, но и за любой выброшенный клочок бумаги». А явившемуся за ним Старику говорит: «Дело-то они здесь благородное затеяли: они ведут людей к подлинной человечности. И они на этом пути первые... Почти БОЖЕСТВЕННОЕ ДЕЛО (выделено мной.— Н.И.) вершат, а мы задались целью разрушить его... Зачем?..»

* * *

Согласитесь, что пародии, которые я тут цитировала, меркнут рядом с этим произведением. Но вот редакция «Нашего современника» отдает ему три номера своего журнала и выдает за «роман». Называется роман так: «Судный день».

В те годы, когда романы этого уровня публиковались, их, помнится, в печати нередко хвалили. Но времена изменились. Сегодня подобные романы вызывают иронию и удивление.

Изумление вызвал у меня не только этот роман, но и краткие сведения об его авторе Викторе Иванове. Он окончил Высшие литературные курсы. Член Союза писателей. В своем деле не новичок: за ним числятся еще два романа, а также повести и рассказы.

Как объяснить, что этот человек, с текстом которого я при помощи цитат знакомила сейчас читателя, имеет диплом Высших литературных курсов? Невольно думаешь: а вдруг дело в «святости» нашей системы, столь умилившей шпиона Ефима, а именно: дипломы сейчас выдаются не за успехи в учении, а из каких-то иных, быть может, глубоко гуманных соображений?.. Членство автора в СП изумило меня куда меньше. По числу писателей — десять тысяч — мы занимаем первое место в мире. Можно ли поручиться, что все эти тысячи владеют пером? Поручиться никак нельзя. Легче предположить, что пером владеют далеко не все, и членские билеты им выданы из соображений... каких именно — не знаю, но в любом случае к литературе отношения не имеющих.

Но дело-то ведь не в авторе! Он такой, какой есть. Вырос и сложился в нашем гуманном обществе, подарившем ему и диплом, и членство в Союзе писателей. Ну да, писать не умеет. Или так: пишет, как умеет. И мало ли ему подобных? Известно, какое число рукописей приходит в журналы от авторов, писать не умеющих, но печататься желающих. Эти неумелые произведения нередко отвергаются. А вот «Судный день» опубликовали. Неужели же члены редколлегии не заметили беспомощности авторского пера? Заметили. На телевизионной встрече журнала «Наш современник» со зрителем заместитель главного редактора В.М. Свининников так отозвался о «Судном дне»: «Роман, конечно, не тянет, но...»

Итак, редколлегия поняла: не тянет роман. Но что-то в этом романе редколлегия прельстило. Что? Что именно? Вот он — вопрос из вопросов!

...Наташа сообщает шпиону Ефиму о своем желании стать писательницей. Ефим спрашивает: «А есть у тебя свое откровение, чтобы обогатить людей?» — «Пока только желание занять его!» — отвечает Наташа.

Есть все основания полагать, что автор «Судного дня» такое откровение «заимел». Оно, откровение, значит, и прельстило редакцию журнала.

* * *

Каково же это откровение?

После гражданской войны сотни тысяч русских людей эмигрировали. И в Америку попали беженцы, и в другие страны, но основными центрами эмигрантского расселения были Дальний Восток и Франция. Кроме военных — от генералов до солдат — во Франции нашли приют множество писателей, журналистов, общественных и политических деятелей. Они писали книги, издавали журналы и газеты. О том, как жила во Франции первая русская эмиграция, можно было узнать если не из журналов (доступ к ним был затруднен), то из книг. У нас давно публикуют Бунина, Куприна, Тэффи, начали выходить произведения Ходасевича, любители литературы знают имена Ивана Шмелева, Бориса Зайцева, Алданова. Их, говорят, тоже вот-вот будут у нас издавать. Таким образом, о парижском существовании эмигрантов рассказано достаточно подробно, и многим из нас казалось — это мы знаем. Знаем и то, как они там жили, и то, как они там очутились: одни бежали, другие были высланы, третьи уехали законно — в середине 20-х годов законные отъезды

из СССР были возможны. Все, значит, ясно и никаких проблем!

Так вот, выясняется: мы ровно ничего не знали! И продолжали бы жить, ничего не зная, если б не роман «Судный день». Там и только там через 70 лет мы находим ответ на вопрос, почему именно во Францию и именно в Париж набегало столько русских эмигрантов...

«Каким-то ТАЙНЫМ ОБРАЗОМ (выделено мной.— Н.И.)... в центре густонаселенной Европы, во Франции, под Парижем, в предместье Байанкур, образовался своего рода вакуум... Русская послереволюционная эмиграция... хлынула в этот своеобразный вакуум — заполнить пустоту. И образовалось своеобразное государство — «русский Париж»... Какой тайный разум, глядя далеко вперед, все это наметил и организовал? Какая цель преследовалась?.. Русские с радостью ринулись в «котел». Там нужны были дешевые рабочие руки, и они появились... Чья-то благодетельная воля устраивала для русских сносную жизнь... Шли месяцы, сливались в годы. Шумел, кипел, бурлил «русский Париж»... Откуда-то поползли слухи, что в СССР красные комиссары насаждают коммуны, где даже женщин делают общими, где вершатся расстрелы и какого-либо закона сыскать невозможно... Невероятные слухи один за другим мгновенно охватывали «котел», ненависть к большевикам, к большевизму разжигалась с невообразимой яростью. Вот она — главная цель создания «котла».

В этот котел, сиречь русский Париж, попал среди прочих и некий генерал Туркулов с женой и сыном. Умнейшим человеком оказался генерал! Пока философы типа Бердяева, политические деятели типа Милюкова, затянутые в этот котел, сидели в нем и писали свои книжки, ни о чем не догадываясь, генерал понял все!

«Туркулов все более убеждался, что в мире есть мощные тайные силы, которым понадобился этот «котел», и что силы эти направлены не только против большевизма. Их задача — поработить Россию. Какое-то тайное мировое сообщество организовало посреди Западной Европы русское государство, потеснив своих людей; эти загадочные силы предоставили русским рабочие места неспроста, не от доброты душевной. Туркулов понимал, что идет гигантский эксперимент, где тайно изучаются национальные особенности русского народа и подбираются методы для более удачного его раздробления...»

Итак, благодаря тайным силам, русские эмигранты какое-то время пожили сносно. Изучив их в этом состоянии, тайные силы перешли к следующему шагу: организовали безработицу! «Вскоре русских всюду начали увольнять с работы. Десятками, сотнями. Голод и нищенское положение усиливали в людях ненависть к «красным поработителям утерянной родины». Между прочим, эта «искусственно созданная волна безработицы» коснулась и семьи Туркулова...

Было, значит, было у автора «Судного дня» откровение, которым он решил обогатить людей! Глядите, в каком новом, неожиданном свете предстает история русской эмиграции во Франции. Легко вообразить изумление французов, когда они узнают, что у них под носом, в их столице, какие-то тайные силы устроили «котел», заселили «котел» русскими, то их нанимали на работу, то выгоняли с работы, проводили, короче говоря, свои гнусные эксперименты, а беспечные хозяева страны и понятия обо всем этом не имели!

Легко вообразить и изумление американцев. Из романа «Судный день» они впервые узнают, что их знаменитый кризис 1929 года, вызвавший в самом деле волну безработицы, ударившую не только по Америке, и этот кризис был делом рук тайных сил! О причинах кризиса, о его последствиях было, несомненно, написано немало работ. После появления «Судного дня» можно смело сказать: ломаного гроша все эти работы не стоят! Ведь их авторам была неведома истинная причина кризиса: искусственно он был создан, искусственно! Кем? Тайными силами. Зачем? А с одной единой целью: оказать нажим на русских эмигрантов. Чтобы они, «влача бедное существование», винили бы во всем большевиков и ненавидели бы их все пуще.

А до чего же будут изумлены еще оставшиеся в живых представители первой русской эмиграции в Париже! И они-то, издавая свои журналы, работая над своими книгами, понятия не имели о самом главном: и сами они, и давшие им приют французы, и американцы с этим их кризисом, — все были просто-напросто игрушками в руках мощных тайных сил. Собрать бы теперь все книги, эмигрантами написанные, да сжечь! Писали, журналы издавали, образованными людьми себя считали, а то, до чего своим

умом дошел генерал Туркулов, ничего, кроме военного ремесла, не знавший, — и не подозревали!

Итак, значит, на какое-то время сидевшим в котле эмигрантам была устроена сносная жизнь. Находит работу и генерал. Ему «вместе с сыном удалось поступить на службу в «Боярский терем» — процветающее в то время чайное заведение с антикварным магазином...». Это заведение охотно посещали туристы, и генерал, «облаченный в поддевку... услужливо помогал им раздеваться». А генеральский сын, работая в антикварной лавке, «услужливо подавал им (туристам) иконы в богатых ризах, табакерки, старинные гравюры, серебряные ковши...».

Услужливость не спасла Туркуловых. У тайных сил были свои планы: организована безработица. Американские туристы — тоже, видимо, под воздействием тайных сил, — куда-то подевались, и «Боярский терем» прогорает... И вот, когда дело дошло до того, что генерал и его сын подбирали обедки на парижских улицах, к ним подошел незнакомец. «Генерал, — веско сказал незнакомец, и голос его заметно потяжелел... — Вам надлежит следовать за мной». Генерал последовал и пропал три дня. Но вот он вернулся к семье. «Меня приняли в «братство вольных каменщиков», — сказал тихо, и обреченность прозвучала в его голосе. «Неужели теперь падут все наши беды, Гавриил?» — спросила она [его жена] с невольным восторгом. Она, бедняжка, думает, что масонство — «организация просветительская и благодетельная» (?). В ответ Туркулов усмехнулся. «Ну-ну», — он грузно качнул головой».

Усмехнулся он наивности жены, а головой «грузно качнул», ибо многое успел узнать за три дня отсутствия. Ему объяснили, что такое масоны. Эта жуткая организация пытается овладеть всем миром, прежде всего — Россией.

Но беды семьи и в самом деле «пали». Особняк. Меха. Брильянты. Вина. Коньяки. Красиво живут. Это плата за нелегкую работу, которую ведет генерал. Он засылает в СССР шпионов и налаживает связи с иностранными разведками. Эти связи — для отвода глаз. Пусть все думают, что «тайную войну против СССР» ведут иностранные разведки. А на самом деле даже ими управляет «таинственное сообщество», основанное на «жуткой и подлой хитрости».

Но вот интересно бы знать, почему из всех эмигрантов, барахтавшихся в этом парижском котле, выбор масонов пал именно на генерала, именно ему доверяют эту адскую сложности работу, назначив ни больше ни меньше, как главой разведывательного Центра? Ведь выше было сказано, что Туркулов, кроме своего военного ремесла, ровно ничего не умел: «...Он мог командовать, убивать и учить других, как надо убивать людей, но только не производить жизненные ценности. Такие земные понятия не умещались в генеральской голове». Ну а позже, как мы помним, он «услужливо» раздевал и одевал посетителей «Боярского терема», то есть и здесь никаких жизненных ценностей не производил. Почему же этому старому рубаке-гардеробщику доверяют столь ответственный пост? Правда, он раньше других эмигрантов догадался, что «котел» во Франции создан не случайно, что идет «гигантский эксперимент» и т. д. Эта ли удивительная проницательность, о которой каким-то образом пронюхали масоны, повлияла на их выбор? Неизвестно.

Но вот генерал помер. Его дело — засылку шпионов в СССР — продолжает сын. Сын ведет дневник. И вот что он там пишет: «...прочитал любопытную книжечку... Оказывается, начало масонству положил иудейский царь Соломон за тысячу лет до рождения Христа... Соломон вычислил, что к полной победе масонство придет только через три тысячи лет... Соломон обнадежил своих соплеменников, что-де им будет принадлежать мировое господство. Но это в будущем, а в настоящем — и его народ, и люди, входящие в братство, согласно Соломоновой идее, должны жить Явью за счет остальных народов, «профанов». Однако, обещая своему народу «благо в Яви», царь не учел одного: основную массу своих соплеменников он обрекает на горькую участь — быть вечно гонимыми... Так вот, оказывается, каким образом человечество разделилось на «посвященных» и на «профанов»».

Так вот, оказывается, каким откровением решил обогатить читателей автор «Судного дня»! Но если первое откровение (насчет парижского «котла») и в самом деле оглушает своей новизной, то откровение номер два — насчет царя Соломона — всем давно известно! Легко догадаться, что «любопытная книжечка», прочитанная выдуманным Туркуловым, — это «Протоколы сионских мудрецов», в свою очередь выдуманные еще при царях жандармским полковником Рачковским и его коллегами-соавторами. Цель: в своих несчастьях народу следует винить

не родное правительство, а посторонние тайные силы. На них свой гнев и направлять. Вот, видимо, после появления «Протоколов» и после того, как стала известна роль во всех этих темных делах царя Соломона, невинное слово «масоны» удлинилось и превратилось в «жидомасоны».

Давно известно, сказала я. Но это — смотря кому. Непременно найдется простодушный, не обремененный образованием читатель, который всерьез воспримет лубочный рассказ о похождениях Ефима-шпиона и поверит в существование мощных тайных сил в лице последователей «сионских мудрецов». Не этому ли читателю адресован роман «Судный день»?

2

Настала пора объяснить, почему я взялась писать о произведении, которое серьезного разговора как будто и не заслуживает... А для этого придется вернуться к дням моей далекой и печальной юности. К городу Харбину начала тридцатых годов. Но этот рассказ требует иной интонации, иного тона.

За сорок лет жизни в Советском Союзе я много раз убеждалась в том, что НИКОМУ из моих соотечественников (кроме, разумеется, специалистов-историков) не было известно о существовании среди русских эмигрантов фашистских партий.

Одна из них возникла в США, в штате Коннектикут. Ее организовал и провозгласил себя «вождем» некий А. А. Вонсяцкий. Другая фашистская партия появилась в Маньчжурии. С 1932 года эту «Российскую фашистскую партию» возглавил К. В. Родзаевский. За год до этого японцы оккупировали Маньчжурию, а в феврале 1932 года заняли Харбин. Не в пример Вонсяцкому, женатому на американской миллионерше, — она и субсидировала его военные игры, — Родзаевский был беден. Его партии требовалась финансовая поддержка. Ее оказали харбинским фашистам мафия из японской военной жандармерии и мафия из японской военной разведки. Обе мафии стали пользоваться фашистами для своих целей. Цели были преступные. Расцвела торговля наркотиками. Возникли игорные притоны. Начались грабежи под видом обысков. Кое-кого из фашистов приняли на работу в харбинскую муниципальную полицию — она, разумеется, контролировалась японцами. Обыски проводились у людей состоятельных. В Харбине были состоятельные люди — владельцы магазинов, аптек, ресторанов. Казенные квартиры и хорошая заработная плата имелись у ряда служащих Китайской восточной железной дороги. В начале тридцатых годов дорога еще принадлежала СССР (позже она была продана японцам), и у тех, кто там работал, должны были быть советские паспорта либо квитанции, удостоверяющие, что владелец квитанции подал заявление о принятии его в советское гражданство. Без этих документов работать на КВЖД было нельзя. Не знаю уж, под каким предлогом врывались обыскивающие в дома харбинских коммерсантов, а для обысков в домах советских граждан предлог был: сочувствуют коммунизму и, быть может, являются «агентами Коминтерна». Итак, полиция их обыскивала и уносила с собой ей полюболюбившиеся предметы...

После продажи КВЖД какое-то число советских граждан уехало в Советский Союз. Говорю «какое-то», ибо точная цифра мне неизвестна. И долго еще мне не было известно, что уехавшие попали из огня да в полымя...

Весной 1933 года мой родной дядя, ботаник А. Д. Воейков, отправился за реку Сунгари собирать растения для своего гербария. И не вернулся. Вскоре выяснилось, что его похитили хунхузы. Этому тогда уже никто не удивлялся. Исчезновение людей среди бела дня становилось явлением почти привычным. Харбинские газеты выражали свое возмущение наглостью хунхузов, окопавшихся где-то в окрестностях города, и призывали японцев принять меры. А мы, бесправные эмигранты, в хунхузов верили. Однако исчезновение дяди нас и друзей наших все же удивило. Похищали людей богатых, чаще всего — евреев. Но, бывало, и путали. Именно это и случилось с Александром Дмитриевичем, который не был ни богатым, ни евреем, — его попросту приняли за кого-то другого.

Поняв ошибку, цену выкупа сильно снизили, дядю нам отдавали всего за 500 единиц уж не помню какой валюты — то ли долларов, то ли йен. Зато хорошо помню эти дни, друзей, у нас толпившихся (мы с матерью и сестрой жили тогда в доме гостиничного типа), подписные листы — каждый жертвовал на выкуп сколько мог, лотерею, организованную друзьями: 99 билетов пустых, а на сотый падал выигрыш — мамино кольцо. А главное, я помню, как до всех этих хлопот мама ходила на прием к Константину Ивановичу Накамуру. Этот обрусевший японец

давно жил в Харбине, не знаю, чем он там занимался (чем-нибудь уголовным, вероятно), а сразу после прихода своих соотечественников занял крупный пост в японской военной жандармерии. Именно он держал связь с «российскими фашистами», именно он был, так сказать, организатором и вдохновителем похищений. «Хунхузами» назывались китайские бандиты, работавшие для Накамуры. Но откуда ж нам было в то время это знать?.. Я никогда не видела Накамуру, но слышала, что он прекрасно говорит по-русски. Вот на этом прекрасном русском языке он и объяснил моей матери, что платить надо, хунхузами японская армия, конечно, займется, но не сейчас, сейчас других неотложных дел полно, а с хунхузами шутки плохи, они и убить могут, так что... Вот после этого и началась суета с подписными листами и лотереей. К осени дядю нам выкупить удалось.

А «Российская фашистская партия» тем временем процветала. Где они там собирались и произносили свои зажигательные речи до 1932 года, — мне неизвестно, думаю, что тогда я и вообще ничего не знала о существовании этой партии. А уж после тридцать второго года — то, что они есть, что они существуют и опасны, — узнали все жители Харбина. Впрочем, до какой степени опасны — стало известно позже... Но и тогда при виде шагающих по тротуару молодых — черные, ремнем подпоясанные, рубашки, галифе, сапоги, нарукавные повязки со свастикой — хотелось немедленно перейти на другую сторону улицы. Они приветствовали друг друга, выбрасывая вперед правую руку и произнося: «Слава России!» У них появился свой клуб — здание на главной улице коммерческой части Харбина — Китайской, неподалеку от гостиницы «Модерн» — лучшего отеля города.

То, что на втором этаже клуба, крышу которого украшала огромная свастика, был игорный притон, — это было известно немногим. Но зато их газету «Наш путь», расклеенную на фанерных уличных щитах, могли видеть все. Между словами «наш» и «путь» — рисунок: маленькая свастика, а над ней — маленький двухглавый орел. Идешь, бывало, мимо и видишь заголовки крупным шрифтом: «Всемирный заговор масонов-евреев... «Россия только для россиян!» «Национальные государства и еврейский интернационализм»... «Сбываются дьявольские предсказания сионских протоколов!»

Во второй половине пятидесятых годов, работая над романом «Возвращение», я в спецхране Ленинской библиотеки разыскала несколько разрозненных номеров газеты «Наш путь». Сделала оттуда выписки. Вот некоторые из них.

«Что такое марксизм, как не наивная вера во всемогущество экономического фактора, как не чисто еврейская вера в материю? Прирожденные торговцы и спекулянты утверждают всемогущество экономики. Наша родина принесена в жертву золотому тельцу, превращена в новую Палестину! Быть или не быть еврею властителем мира?»

Статьи подписывались так: «сор. Зиберг», «сор. Мартынов», «сор. Родзаевский». Сокращенное: соратник. Так они называли друг друга. С обожанием относились к Гитлеру. Преклонялись перед Муссолини. Один из «соратников» умиленно пишет: «Гитлер девственник. Муссолини прекрасный отец семейства, и чрезмерная обремененность делами не мешает ему время от времени дарить родине маленького фашиста».

Смешно? Очень. Но «соратник», перу которого принадлежат эти строки, их пародийности не ощущает. Такое, видимо, происходит с людьми, увлеченными какой-то идеей, но выражать свои мысли не умеющими: ни способностей литературных, ни образования...

Но к «вождю» фашистов Родзаевскому это не относилось. Родился он в 1907 году в семье вполне интеллигентной (отец был нотариусом), 18-летним юношей сбежал из родного Благовещенска и очутился в Харбине. Там ему удается стать студентом Юридического института. Окончил Родзаевский институт или нет — этого не знаю. Живя в Харбине, я вообще мало что знала о нем, только видела его, да и то издали. Все мои сведения получены гораздо позже... А сведения таковы: был он человеком начитанным, любил музыку, играл на рояле. Слеплен из того теста, из какого лепят фанатиков, владела им одна, но пламенная страсть: ненависть к евреям. На эту тему писал, на эту тему произносил в своем клубе горячие речи. Был он, говорят, прирожденным оратором эдакого истерического типа, умел жечь глаголом сердца слушателей, те вскакивали, аплодировали, орали либо «да здравствует», либо «бей» и, бывало, так зажигались, что от слов переходили к делу. В газетах мелькали заметки: вчера в синагоге были выбиты окна. Или: вчера группа чернорубашечников ворвалась в галантерейный магазин, принадлежащий такому-то (еврейская фамилия) и учинила там настоящий погром. Виновных, полагаю, на-

казывали не слишком сурово. В Харбине царила мафия, а ей эти темпераментные молодые люди пришлось ко двору...

Один из главных представителей мафии, упомянутый выше Накамура, к евреям относился равнодушно. В Харбине было предостаточно лиц еврейского происхождения, живших столь же бедно, как и другие беженцы из России. Эти евреи Накамуру не интересовали совершенно. Но были и богатые. Видимо, те, кто успел обосноваться в Харбине до 1920 года, до наплыва в Маньчжурию эмигрантской волны. Среди них владелец ювелирного магазина Иосиф Каспе. Он был не просто богат. Он был очень богат. Ему принадлежал и отель «Модерн», и еще что-то принадлежало... Вечером витрина ювелирного магазина закрывалась стальной решеткой. Но днем-то, днем этот северский фарфор, эти пасхальные яички работы Фаберже, серебро, изумрудные кольца, браслеты, бриллиантовые ожерелья, нитки жемчуга, разложенные на синем бархате, сверкали, переливались, манили глаз прохожего. Мог ли спокойно взирать на эти сокровища Накамура?

Но подступиться к Каспе было не так-то просто. Семья его жила в Париже, и, как только японцы оккупировали Маньчжурию, Каспе догадался перевести свое имущество на имя сыновей — оба были гражданами Франции. Над ювелирным магазином развеялся французский флаг. За бесправных эмигрантов вступиться некому, а иностранных граждан тронуть не посмеют.

Посмели. Летом 1933 года навестить отца приехал в Харбин младший сын Каспе — Семен. Он только что закончил Парижскую консерваторию по классу рояля. Дал в Харбине два или три концерта. Я была на одном из них. В тот вечер пианист играл Равеля и Дебюсси. Впервые я услышала тогда пьесы Дебюсси, и особенно мне запомнилась одна: «Сады под дождем». И сегодня, спустя более чем полвека, я вижу эту фигуру за роялем, фалды фрака, свисавшие с табурета, молодой острый профиль, бегающие по клавишам тонкие пальцы... Вероятно, это так впечаталось в память из-за того ужаса, который вскоре после концерта последовал.

Молодого Каспе похитили «хунхузы». Отцу предлагали заплатить выкуп: 300 000 долларов. Старик Каспе с негодованием отказался. Обратился к французскому консулу Рено и в харбинскую муниципальную полицию. В конце сентября, спустя месяц после похищения молодого пианиста, его отец получил в картонной аккуратной коробочке отрезанные уши своего сына. Посылка говорила о том, что похитители стали нервничать. На их след вот-вот мог выйти французский вице-консул Альберт Шамбон. Он и вышел, установив, что Каспе похитили «русские фашисты», а нити преступления вели в японскую жандармерию. Газета «Наш путь» немедленно назвала Шамбона «еврейским коммунистическим агентом», кто-то из «соратников» вызвал его на дуэль, а японцы объявили его «персоной нон грата» и выслали из Харбина. Молодой Каспе из плена не вернулся. Отец получил гроб с изуродованным телом сына. Похороны вылились в демонстрацию. Я на похоронах не была, но читала газеты и ужасалась вместе со всеми. До сегодня помню фамилии участников похищения: Мартынов, Кириченко, Шандер, Галушко, Зайцев. А Родзаевский? Он-то участвовал или нет? Его, во всяком случае, не судили, а этих судить пришлось, о «деле Каспе» кричали газеты не только Дальнего Востока — скандал был велик. Судить судили, но отделались преступники легко, в тюрьме посидели недолго — сильна была маньчжурская мафия.

А газета «Наш путь» выступала тем временем с пламенными статьями, утверждая, что похитители действовали из патриотизма, мстили старому Каспе, ибо в магазине его были драгоценности из царского дома Романовых...

Годами, десятилетиями хранила моя память силуэт молодого пианиста за роялем, звуки пьесы Дебюсси «Сады под дождем», и затем — вид этих газет, газет со страшными заголовками, весь Харбин жил тогда этим кошмаром, и странно мне было, приехав в СССР, узнать, что здесь о существовании в Маньчжурии «Российской фашистской партии» и слухом никто не слыхивал...

Вот я и затеяла писать роман «Возвращение», где пыталась рассказать о жизни дальневосточных русских эмигрантов, и в частности о «русских фашистах». Но с момента выхода романа прошло двадцать лет. Одними он забыт. Другими не читан.

Никакого желания переиздавать роман я не испытываю. Прошли годы, и многое сегодня я вижу не так, как видела когда-то. Кроме того, беллетристические произведения — не тот жанр, к которому я лучше всего приспособлена. Но вот на какие-то неточности, на ошибки, мною допущенные из-за ску-

дости имеющегося в моем распоряжении материала, — на это указать следует. Вот, например, я неверно обрисовала фигуру Родзаевского.

В начале 80-х годов мне подарили книгу «РУССКИЕ ФАШИСТЫ. Трагедия и фарс в изгнании». Издательство «Харпер энд Роу», 1978. Автор Джон Стефан, профессор истории Гавайского университета, хорошо известен в СССР. В конце семидесятых, в начале восьмидесятых годов он к нам часто ездил, месяцами жил в Хабаровске, работая вместе с советским соавтором над книгой, посвященной дореволюционным отношениям России и Америки на Дальнем Востоке.

«Русские фашисты» — это не роман, а труд историка. Одна из глав называется: «Маньчжурская мафия», а «дело Каспе» тут выделено в особую подглавку.

Физического участия в похищениях Родзаевский не принимал. Он был человеком идеи: его зациклило на «жидомасонах». О предполагаемом похищении Каспе знал, одобрял, но считал, что делать это следует не ради выкупа, а для того, чтобы показать всему миру свою силу, которая выразится в пренебрежительном отношении к «еврейскому» правитель-

ству Франции. Предлагал также незамедлительно объявить в печати, что молодой Каспе — агент Коминтерна. Очень вообще распутился, а прожженный бандит Накамура, которого интересовали доллары и только они, а на все идеи было глубоко наплевать, уже и жалел о том, что посвятил в свои намерения этого идейного вождя-бессребренника. Вождя отстранили, и план похищения Накамура стал разрабатывать с другими «соратниками», такими же уголовниками, как он сам.

Много интересного и нового для себя узнала я из книги Джона Стефана. Вот, например, выяснилось, что вождь российских фашистов в штате Коннектикут А. А. Вонсяцкий в 1939 году чрезвычайно хвалебно отзывался о Сталине. Чем же так угодил Вонсяц-

Нация

ков» Родзаевского — и они перешли на сторону врага! Рушился мир, в котором почти два десятилетия существовал «вождь российских фашистов»!

Ну а что там поделывает с давних пор окопавшийся в Дайрене атаман Семенов, этот единомышленник, этот «заклятый друг»? Между ним и Родзаевским шло вечное соперничество: кто из них нужнее японцам, кого они больше любят, кому окажут большую поддержку в случае... Случай наступил. Долгожданная война СССР с Японией разразилась, но тут же и кончилась... Так вот: что там сейчас делает в Дайрене атаман? И это стало известно из газет. Атаман дал обед в честь советских командиров, после чего отбыл в Москву. То, что в Москве он был отправлен прямиком на Лубянку, — об этом газеты не сообщали. А вдруг его... ну не то чтобы простили, а помиловали, решив воспользоваться его услугами, его опытом? А вдруг выяснилось, что атаман еще может пригодиться отечеству? Но атаман стар, а он, Родзаевский, молод, ему всего 38 лет, он еще полон сил и вот торчит тут, в этом чужом городе, изнывая от безделья и от страха...

А «соратники» тем временем шныряли по Тяньцзиню, прибежали с новостями. Страна-победительница великодушна! Она не держит зла на эмигрантов, эмигранты прощены! Все, кто искренне осознал свои заблуждения и стремится работать на пользу отечества... Родзаевскому в его тоске и одиночестве страстно хотелось верить в прощение родины. Он стал верить. Верили и «соратники». Не верил лишь мрачный бандит Мартынов, тоже успевший удрать в Тяньцзинь и настоятельно советовавший удирать еще куда-нибудь подальше. Но Родзаевский совету не внял. Его одолевали иные чувства. Он стал писать письма: одно — адресованное маршалу Малиновскому, другое — Сталину.

И тут в жизни Родзаевского возникает сотрудник советского консульства из Пекина, человек еще молодой, любезный и обаятельный. Он приезжает в Тяньцзинь, знакомится с Родзаевским, производит на него светлое впечатление. Он нашел именно те слова, которые жаждал услышать бывший «вождь». Люди с такой энергией, опытом, способностями отечеству нужны. Страна понесла в войне огромные потери, ослабла экономически, ее слабостью могут воспользоваться англо-американские империалисты... Легко вообразить, как взыграла душа Родзаевского при этих словах: они, конечно же, ассоциировались в его разгоряченном воображении со словами «евреи-масоны». С этим врагом он был готов сражаться под любыми знаменами! А тут еще любезный гость высказал предположение, что Родзаевский сможет работать на родине как опытный журналист и агитатор. Кто знает, а вдруг ему доверят редактировать газету, адресованную русским, проживающим за границей? В общем, пусть он подумает, время есть, но в Тяньцзине ему оставаться опасно: тут много врагов. Хорошо бы ему переехать в Пекин, пожить в тамошнем советском консульстве.

Родзаевский переехал. Ему было предоставлено в здании консульства прекрасное помещение, уютное, просторное, и кресла, и письменный стол, и даже пианино. Но вот выходить на улицу Родзаевскому не разрешили: для его же безопасности!

Потянулись дни одиночества, тишины, раздумий. Часами сидел этот пленник за письменным столом, редактируя и дополняя черновики своих писем. Что именно он написал маршалу Малиновскому, осталось неизвестным. А вот отрывки из письма, адресованного Сталину, известны и в книге Стефана приводятся.

Много ошибок совершил он, Родзаевский, в своей жизни, и все потому, что долго не понимал того, что понял недавно: Иосиф Сталин и есть тот вождь, в котором нуждалась Россия. Он навел в этой стране порядок, привел ее к победе, расширил ее границы. Да, он, Родзаевский, работал для японцев, надеясь, что с их помощью удастся очистить Россию от коммунистов. Да, во время войны сочувствовал Германии, ибо верил: Гитлер избавит Россию от евреев. Спасения России искал на стороне, а главное — просмотрел, а главного не заметил: мудрости ее вождя! Родзаевский убежден: Сталин понимает, что евреи — наиболее коварный внутренний враг России, и сам сумеет решить наболевший «еврейский вопрос»...

Ну а что он еще пишет, этот безумевший Родзаевский? Он уже переходит к местоимению «мы», говоря от лица своих соратников:

«Не сразу, но постепенно, шаг за шагом, пришли мы к этому выводу. И решили: сталинизм и есть то самое, что мы ошибочно называли «Российским фашизмом». Это наш Российский фашизм, очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений».

Что-то, видимо, стронулось в голове Родзаевского в дни одиночества, вынужденного безделья, тоски, страха перед будущим. Это же подумать только, до

чего он дошел: ставит знак равенства между сталинизмом и фашизмом!

Писал, склонившись над столом, собираясь с мыслями, мерил шагами комнату, стоял у одного из окон. Там, конечно, было несколько окон, в этом просторном помещении! Что же видел в окно Родзаевский? Пекинскую улицу, пагоды с загнутыми краями крыш? Нет. Вряд ли эти окна выходили на улицу. Скорее всего, они выходили в какой-нибудь пустынный сад. Надвигалась осень. Шли дожди... Родзаевский возвращался к столу, писал: «Я готов взять на себя ответственность за все действия «Российской фашистской партии». Я готов предстать перед судом, готов умереть, если это необходимо!» Но умирать так не хотелось! И он лихорадочно приписывал: «Я хочу начать новую жизнь как национал-коммунист и убежденный сталинист!»

А вечером он садился к фортепиано. Играл. Что именно? Что-нибудь меланхолическое, я думаю. Прелюдии Шопена. А быть может, пьесы Дебюсси.

Ну а потом пекинское уединение кончилось. Родзаевского самолетом доставили в Москву. А там — прямо на Лубянку. Затем был суд. Затем расстрел.

Прошу читателя простить меня за это отступление, столь затянувшееся, за эти нахлынувшие воспоминания. Но они как раз и нахлынули из-за того произведения, которое названо «романом» и озаглавлено «Судный день».

Как же, оказывается, живуча идея относительно мифических «сионских протоколов»? Чем объяснить эту живучесть? А тем, что, вынесенная в кризисный для общества период на улицу, эта идея легко усваивается. И не стоит обольщаться, что родзаевские и вонсячие могут возникнуть только «там». Есть, видимо, как для общественного сознания сие ни прискорбно, историческая закономерность в их появлении. Ведь за последний век каждое поколение в той или иной степени переболело этой болезнью. Во времена тревожные, переходные, когда рушатся фасады и обнаруживаются задворки, коих мы раньше не видели либо видеть не желали, когда жизнь ставит задачи, к решению которых далеко не все подготовлены, идет брожение умов, барахтанье в поисках выхода из тупика, естественное стремление во что бы то ни стало быстрее обрести под ногами почву.

Вот тут-то нашему весьма подготовленному читателю как бы походя, невзначай подбрасывается этот реанимированный и слегка подпудренный миф. И ведь, согласитесь, приятно, что во всех наших бедах не мы виноваты, а некие посторонние силы. Образ врага очерчен. Против кого бороться, кого ловить и обличать — известно.

Это вносит успокоение в мятущееся, раздвоенное сознание, рождает иллюзию неизбежности, непогрешимости системы. И если «Наш современник» ставил перед собой эту цель, то он поступил правильно, публикуя «Судный день».

Да и если всерьез говорить, то определенный смысл в подобных публикациях безусловно есть.

Писатель Ю. Бондарев недавно заявил: «Должна быть дана свобода высказаться всем, дабы услышать не обезглавленную экстремистской пристрастностью правду одиночек, а правду всех».

Ю. Бондарев тяготеет к выпренности, что несколько затрудняет понимание его мыслей. Кто эти «одиночки», которые обезглавливают правду, а проще говоря, врут, — я не поняла. Но главное поняла: надо дать свободу высказываться всем. Услышать правду всех. И с этим я полностью согласна!

С единомыслием мы теперь, слава богу, покончили, у людей разные настроения, среди них и такие, какие высказаны автором «Судного дня». Это одна из тех «правд», которую стоит услышать. Один читатель поверит, что во всех наших бедах, как прошлых, так и нынешних, виноваты тайные силы, поклявшиеся погубить Россию, другой — не поверит, рукой махнет, усмехнется: дескать, старая песня, слышали! Но так или иначе, зачем мешать человеку высказывать мысли, давно, видимо, у него зревшие и которые, несомненно, разделяет не он один?.. Если такое есть, такое существует, полезно об этом знать.

Ну, а я, из-за особенностей моей биографии, когда встречаю слова «сионские протоколы» и прочие им подобные, — я вижу газету «Наш путь», расклеенную на фанерных щитах, вижу улицы оцепенелого, запуганного города времен моей юности, вижу на черном ночном небе огромную светящуюся свастику, слышу шаги марширующих по тротуару «черных рубашек» и думаю: господи, так с этим все еще не кончено? Это из тех привидений, которые не желают исчезать, которые возвращаются?

кому Иосиф Виссарионович? А тем, что он «уничтожил больше коммунистов, чем Гитлер, Муссолини и Чан Кай-ши, вместе взятые»!

В конце декабря 1936 года мне удалось перебраться в Шанхай. Число русских эмигрантов в городах Китая в тридцатые годы сильно возросло: все, кто мог, старались из Маньчжурии уехать — жизнь там становилась все более невыносимой. 9 августа 1945 года началась война СССР с Японией, длившаяся недолго и кончившаяся поражением Японии. Советские войска вошли в Харбин. Мы, бывшие харбинцы, не сомневались в том, что для Родзаевского и его «соратников» настала пора платить за все их преступления. Тогда или позже, уже живя в СССР, читая газеты в Ленинской библиотеке, я узнала, что в Москве был суд, атаман Семенов приговорен к казни через повешение, а Родзаевский — к расстрелу. Но о последних месяцах жизни Родзаевского я прочитала лишь недавно в книге Стефана.

Родзаевский и несколько его друзей успели до прихода советских войск сбежать из Маньчжурии в Китай. Поселились в Тяньцзине. Скорее туда стали приходить сведения о восторженной встрече, оказанной харбинскими эмигрантами советским войскам. 19 августа на площади около Собора собрались тысячи эмигрантов — они размахивали красными флажками и кричали «ура!». В Соборе и других харбинских православных церквях служились благодарственные молебны. Но мало этого! В газетах мелькали имена близких друзей, имена «соратни-

При голосовании по уставу Всероссийского добровольного общества инвалидов — ВОИ — только один человек был против. Один из 166 делегатов, прибывших на учредительную конференцию в Москву. Человек на коляске. Он высоко над рядами поднял руку с красным мандатом. Чтоб видели все!

«Дьячков из Тольятти!» — прошелестело по залу. Его уже знали. Не далее как вчера он выступал здесь в прениях и многих поразила смелостью и глубиной своих суждений, новаторским духом. Можно было с ним спорить, соглашаться или не соглашаться, но равнодушных не было.

Из биографической справки:

Сергей Германович Дьячков.

1946 года рождения, наградившего не только его, но и многих ребят той голодной послевоенной поры тяжелой болезнью. В зале немало ровесников Сергея, они такие же, как он.

Родители — участники Великой Отечественной войны.

Образование — высшее. Учился заочно, чередуя сессии с тяжелейшими операциями.

Место работы — Волжский автомобильный завод.

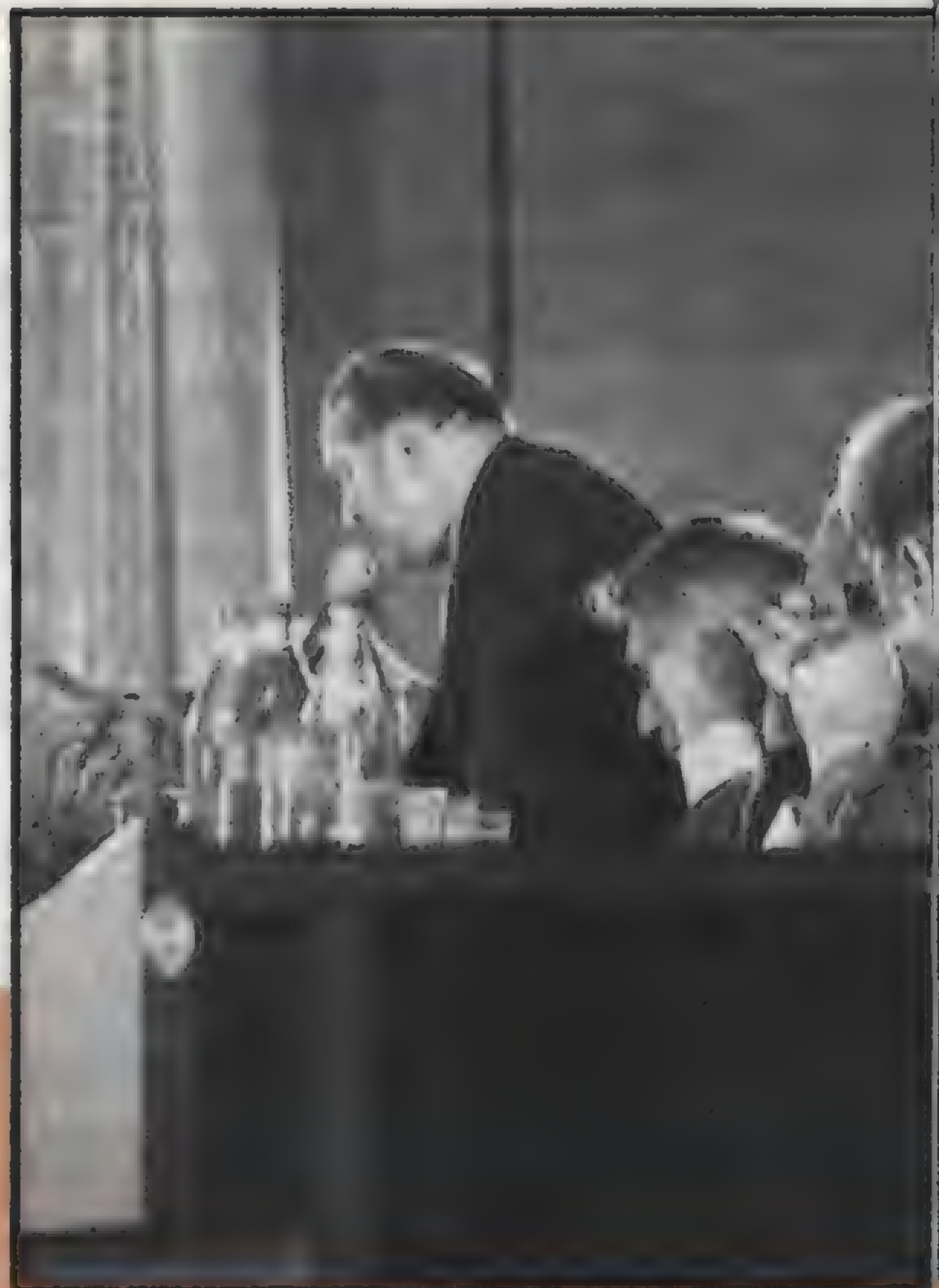
Должность — социолог.

Одна из общественных работ — председатель общества ВОИ Автозаводского района города, а с конца августа — председатель и первичной, зарегистрированной в райисполкоме организации ВОИ.

Поначалу думалось, что достаточно привести фрагменты из выступления Дьячкова, пронизанного острой критикой проекта устава, чтоб понять и разделить позицию человека, страстно и смело бросившегося на защиту гражданских прав и социальных интересов людей, объединенных общей бедой.

Но по мере того, как шла конференция, события нарастали и продолжали развиваться до самого отъезда делегатов из Москвы. Я попросила Сергея Германовича поделиться своими впечатлениями о них, пришла к нему в гостиницу с диктофоном. Рассказывая, он переживал все заново, волновался, делал паузы и настолько превзошел роль интервьюируемого, что мне почти не пришлось задавать ему вопросы.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Сергей ДЬЯЧКОВ:

„ОНИ“ И „М“

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ

Мы упорно и настойчиво говорили о создании нашего общества. Казалось бы, первый этап освоен: на местах прошли учредительные конференции, надо бы радоваться, а не хочется, ибо острота социальной несправедливости по отношению к инвалидам не снимается. Ведущий конференции, расхваливая проект устава, сказал: перед нами образец, созданный на основе всех прежних уставов. И тем самым подчеркнул его доперестроечный характер.

Устаревшие формулировки, ни одного абзаца, где бы нашлось место словам: «гласность», «хозрасчет», «самоуправление». Зато необозримые возможности для центральных органов, вплоть до утверждения печатей и штампов, тяга их к монопольности, желание возглавлять, а главное — представлять от имени инвалидов на всех высоких уровнях и затем вымучивать и навязывать мероприятия «низам». Нарождается еще одно звено административной системы, зараженное аппаратным вирусом, способным поразить ВОИ. Естественно, что в ту же сторону потекут и финансы. Важнейший вопрос о финансах размыт фразой: «расходуются в соответствии...» Кто и как будет определять это «соответствие»?

Из проекта не ясно, как облегчить условия жизни инвалидов в деревне? Как одинокому в забытой глуши иметь равные возможности с мощными организациями?

Что же остается «первичкам»? Внимать центральному правлению? Минсобрес с этим справлялся не хуже. Почему первичные организации не являются юридическими лицами? С какой стати они производят отчисления центру? Под общесоюзные программы? Так их вначале надо обсудить и просчитать. Время требует партнерства, деловых отношений, взаимных обязательств и выгод, а не одностороннюю перекачку жирующему аппарату. Все строить надо на обоснованных нормативах.

Сейчас в нашей Куйбышевской области проходит эксперимент по отработке новых форм управления, планирования и финансирования учреждений здравоохранения. Почему бы не заложить в проекте устава подобный подход для первичных организаций, а именно: право распоряжаться бюджетными ассигнованиями, средствами, поступающими от организаций и предприятий по договорам и при наступлении инвалидности у работников и членов их семей, добровольными взносами и средствами от платных услуг и самостоятельной производственной и кооперативной деятельности, право определять формы хозяйственной деятельности, источники производственного и социального развития?

В общественном движении опасна кастовость, нельзя создавать органы управления до определения их функций и тем более сажать их на оклад. ВОИ следует строить на активном движении снизу, на реальной социальной базе для постоянного обновления и отсекающих устаревшие методы засидевшихся функционеров. Ни в коем случае не должно быть назначаемых председателей, а только конкурсная выборность по результатам предложенных программ. Уже сейчас на оплачиваемые должности рвутся заранее подобранные номенклатурные работники, нередко разжалованные в других местах.

Чтобы обеспечить действенную демократию внутри ВОИ, необходимо ступенчатую иерархическую «лестницу» в предлагаемой структуре общества заменить принципом самостоятельных местных организаций с собственными фондами и юридическими правами, с собственным счетом и печатью. И только так! За областными, республиканскими и центральными правлениями оставить координационно-информационную сторону, плюс издательские дела, инициативу в разработке крупных социальных программ на осно-

ве твердых нормативов и централизованных отчетлений. К ним, естественно, подключаются средства того региона, где будет проходить реализация программ. Кроме того, они выполняют роль банка идей, предложений, ведут исследования, анализ передового опыта. Новое общество сразу же надо наполнить новым содержанием организационной и хозяйственной деятельности и обеспечить их органическую связь. Пока же по этим вопросам в проекте устава полная неясность. И не только по этим.

Возьмите такую трагическую проблему, как дети-инвалиды. Она, кроме Детского фонда, никак и нигде не поднята. Деление на три группы инвалидности узаконило огромные социальные диспропорции. Однородные заболевания, возраст, инвалидность, а обеспеченность может отличаться существенно. Инвалиды детства независимо от материального положения семьи получают равные пенсии. Чтобы ее повысить, надо (пусть и фиктивно) набрать определенный стаж работы. Но ведь до него надо дожить. Просто выжить!

А кто подсчитывал, во сколько обходится государству инвалид? Не только его пенсия, но и те здоровые люди, которые его обслуживают, и тот тип социально-бытовых удобств, что необходим инвалиду, его отчужденность от общественной жизни, от социальных институтов, от возможности трудиться. Ведь он находится в постоянном материальном и нравственном дискомфорте. До сих пор ни ведомства, ни вся окружающая инфраструктура на инвалидов не были ориентированы.

Не проще ли просчитать инвалиду необходимые средства и сумму соответствующих ассигнований передать местным органам ВОИ, которые смогут с учетом всех объективных и субъективных обстоятельств регулировать ситуацию? И государству легче, и социальная справедливость восторжествует, и ВОИ получит реальную возможность влиять на процесс обеспечения инвалидов всех категорий.

В предстоящей Всесоюзной переписи населения желательно бы включить вопросы об инвалидах, чтобы иметь полное представление о существе проблемы по стране.

Читая устав, не понимаешь, где же пересекаются интересы и задачи ВОИ с фондом милосердия, со здравоохранением, ну, разве что в глубокомысленной фразе о пропаганде здорового образа жизни. Необходимо передать ВОИ в аренду или в собственность специализированные курорты, санатории, интернаты, дома отдыха. Это не только материальная база, но и дополнительные средства.

О международных связях. До каких пор будет существовать антиконституционный антиинвалидный приказ Минздрава № 444 о невыезде за границу при более чем полусотни болезней? Это же, по существу, запрет первичным организациям сотрудничать с зарубежными федерациями. Легко отрицать, скажете вы. А что взамен? По этому поводу хорошо сказал председатель китайской федерации инвалидов Дэн Пуфан: «Наше кредо — поиск понимания в обществе и собственный вклад в дела государства».

Пока же ВОИ — районные и областные конференции это показали — «прописывается» инвалидам как успокоительное средство стоимостью в 50 копеек. Так, в частности, наши двухмесячные попытки зарегистрироваться в Автозаводском районе Тольятти, где живет около пяти с половиной тысяч инвалидов, наталкивались на сокрушительную реплику: «Вас создали «сверху», вот и ждите указаний, никакой самостоятельности!». В конце концов со ссылкой на постановление 1932 года нам удалось «пробить» в райисполкоме регистрацию и собственный счет. Но, вероятно, мы — единственная периферийная «первичка», отстаивавшая свои исконные права и подобный статус.

А начинали мы с небольшой анкеты, распространенной среди инвалидов нашего района. Она показала: заботы и проблемы у всех общие, начиная с оказания медицинской помощи и трудностей самообслуживания до трудоустройства и расширения круга общения. Решать и преодолевать их легче сообща, значит, надо объединяться. Так мы пришли к идее создания жилищно-производственного комплекса. Именно такая организационная структура позволяет каждому инвалиду любого возраста, любого профиля заболевания наиболее полно реализовать свои интеллектуальные и физические возможности.

В совершенствовании технологии, обработке информации, конструировании, патентоведении, программировании, работе с компьютерами инвалиды ни в чем не уступят здоровым. Не случайно же среди сидящих в зале есть ученые и сотрудники академических институтов и вузов. В ЖПК нам проще будет получить образование, освоить профессию, обеспечить медицинский уход, объединить одиноких и нуждающихся, решить проблемы физической, психической и социальной реабилитации. Кроме того, инвалиды самостоятельно смогут создать индустрию специальной техники, инструментов и приспособлений для инвалидов. Именно комплексы позволят инвали-

Фото
Дмитрия
ДЕБАБОВА

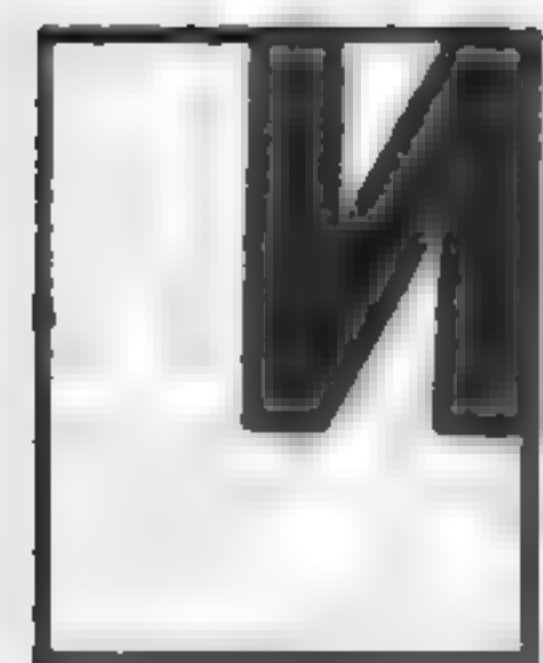

дам не чувствовать себя иждивенцами у государства и самим зарабатывать на спорт, отдых, лечение — на все. В таком комплексе, основанном на принципах современного коммуналства, будут формироваться кадры, создаваться творческие коллективы.

Конечно, для коллективов жилищно-производственных комплексов понадобятся на первых порах режим благоприятствования в отношении ссуд, налогов, снабжения, понадобятся земля, вторсырье, транспорт. Но все это не даром — в кредит, в аренду. Сегодня новые законодательные акты все это позволяют осуществить. Но нужны постановления, разрешающие комплексы как особый вид жизнеобеспечения. Нужен для них отдельный раздел устава.

В Тольятти готовы пойти на эксперимент.

ИЗ РАЗГОВОРА ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Итак, почему я оказался один при голосовании по проекту устава? В «Огоньке» незадолго до учредительной конференции было опубликовано в читательской почте письмо паренька из города Лысьвы, 25-летнего Порозова. Коротенькое оно было, но предвыборную обстановку по выдвижению кандидатов на учредительную конференцию передало верно. Порозова избрали в поселке председателем первичной организации. Но в обсуждении проекта устава, а у него были весьма конкретные и веские замечания, отказали. Да и как можно было обсуждать, если с текстом устава был знаком только он один? Такая же примерно картина наблюдалась и у нас в Тольятти. Проект устава, распространенный по собесам в единственном экземпляре, практически получить было невозможно. Близилась конференция, но инвалиды города так и не собрались для обсуждения проекта. Но мы на ВАЗе не сидели сложа руки и не дремали. По инициативе заводского комитета ВЛКСМ был создан штаб по изучению проблем инвалидов. Не что-нибудь, а именно штаб. Он взял на себя координационные и организационные обязанности по созданию жилищно-производственного комплекса инвалидов, о чем я уже говорил в своем выступлении.

Меня делегировали на областную конференцию. Стояла страшная жара, срочно едем с Таней, моей женой, в Куйбышев, о времени созыва сообщили только за день. Аудитория не очень пестрая, в основном ветераны Великой Отечественной войны и труда. Мне предоставили слово, получилось нечто вроде содоклада, после которого меня кое-кто счел... авантюристом, — мол, вот на что замахнулся, — но в список делегатов на учредительную конференцию попал. До конца конференции в Куйбышеве не был — хватил тепловой удар — уехал. О составе областного правления узнал потом — номенклатурные работники по разнарядке, ветераны и несколько инвалидов. Голосовали списком: 78 «за» при 40 «против». Как видите, нечто вроде генеральной репетиции того, что происходило позже в Москве.

В Москву ехал с очень плохим настроением. Опыт подсказывал, что ВОИ, вероятно, не оправдает надежд... Но все же надеялся, что мы, инвалиды, сумеем, если понадобится, переломить ход конференции. Я знал, что активисты самостоятельных объединений собираются приехать в столицу без права голоса, за свой счет.

Встречали делегатов в аэропортах и на вокзалах, везли в здание Всесоюзного общества слепых, что в Безбожном переулке. Гостеприимные хозяева предоставили в наше распоряжение залы заседаний, свою гостиницу, столовые, все удобно и в одном корпусе. При регистрации каждому вручили проект устава и резолюции.

Конференция открывалась через два дня, было время побеседовать и поразмыслить. Тем более что накануне открытия делегатам и гостям была представлена возможность «спустить» пары: в малом конференц-зале некая инициативная группа начала обсуждение проекта устава. Разгорелся сыр-бор, потому что некоторые делегации — воронежцы, ростовчане, сибиряки, ленинградцы — привезли свои альтернативные проекты уставов или такие поправки, которые не оставляли камня на камне от предлагаемого проекта. Появилась отдушина, давшая волю чувствам и настроениям.

Позже, в восемнадцать часов, министр социального обеспечения РСФСР Виктор Алексеевич Казначеев провел нечто вроде пресс-конференции. Произошла, так сказать, эмоциональная разрядка, кое у кого уже пропал запал боевитости.

Однако в первый день мои товарищи, особенно москвичи, своих позиций не сдавали. Это, в частности, выразилось в их бурной реакции на фантастически длинный список президиума. Я тоже был поражен: 50 человек при 166 делегатах! В зале называли

фамилии тех, кого надо вывести из этого списка, кто долгие годы противился созданию ВОИ: заведующего сектором ЦК КПСС Л. Дорофеева, начальника управления бытового и трудового устройства инвалидов Минсобеса РСФСР С. Жамакочьяна, заместителя министра В. Котельникова. Гласность была проявлена, но демократия — увы! — не восторжествовала: названные лица как ни в чем не бывало продолжали восседать в президиуме.

Что было еще в тот первый день? В перерыве девушки приглашали всех вниз, к киоскам с сувенирами, книгами и парфюмерным дефицитом, не стеснясь говорить об этом человеку на-каталке или в кресле-коляске, нисколько не задумываясь о том, каких это может стоить ему усилий. Потом эти же самые девушки и приглашенные, коих было не счесть, после перерыва во время выступлений беспардонно обсуждали приобретения и обменивались ими, всем своим видом невольно показывая, что им до нас, инвалидов, решительно нет никакого дела.

На следующий день благодатная атмосфера в зале, сам микроклимат резко изменились. Я увидел, что происходит что-то очень странное и очень серьезное. Если вчера и позавчера инвалидов ублажали «мероприятиями» — в том числе и билетами на любые спектакли, — рукопожатиями министра и руководителей ведомств в кулуарах, то заключительный день конференции меня страшно поразил. Министр жестко обращался со всеми выступавшими, напоминал, что те или иные вопросы уже не компетенция конференции, что теперь должны все решать центральные правления. Он стремительно вел конференцию к завершению, хотя оставалась еще масса незавершенных обсуждений вопросов. А тут еще вдруг ворвалась в зал как вихрь, как буря эта незапрограммированная, непредвиденная женщина из Калуги со своими горестями, отняла время... Инвалид I группы, мать-одиночка, живущая с двумя детьми в пристройке... к туалету. Нет, вы вспомните, что она говорила: «Здесь собрались благополучные люди, вы не знаете жизни. Я пыталась пройти сюда гостем, меня обманули, отправили по другому адресу...» И потом, обращаясь к министру: «Дайте слово, товарищ министр, что все ваши постановления будут выполнены».

А как разговаривал с ней министр: «Успокойтесь, Галина Васильевна, не волнуйтесь...»

Но в президиуме явно нервничали, поглядывали на часы, выходили из-за стола, совещались. Становилось ясно, что конференция не решит принципиальных вопросов, что выходит на завершение — к подписанию каких-то документов и голосованию. И когда увидел, что вдобавок ко всему под нажимом начинают ломать регламент...

Вы понимаете, что произошло? Ведь по заранее оповещенному порядку ведения конференции, по расписанию, после сообщений председателей секций должен был перерыв. Во время перерыва, и довольно большого, делегаты должны были ознакомиться с новой редакцией устава и после этого уже голосовать за устав. Но министр вдруг предлагает приступить к голосованию по уставу, которого они еще не держали в руках, не видели в обновленной редакции, немедленно, сразу по прекращении прений и без перерыва. Расчет был на то, чтобы делегаты в кулуарах не успели его обговорить и не имели возможности внести какие-либо коррективы, что-то в нем изменить, и чтобы, упаси боже, конференция не пошла бы в неудобном для президиума направлении.

Мелькнула мысль: надо немедленно, сейчас же что-то предпринять. Я надеялся, что, может быть, мне репликой удастся переломить ход событий. Я знал, что этого не следует делать, и все же сознательно пошел на это, предвидя результат: любая реплика с места почти всегда малоэффективна...

Я обращаюсь к министру: «Виктор Алексеевич! Ноль внимания. Погромче: «Товарищ министр!» Но он снова не реагирует. Тогда прокричал что было силы уже совсем нескромную фразу: «Виктор Алексеевич, Дьячков, реплика!» И только тогда министр повернулся ко мне.

Я сказал: «Виктор Алексеевич, вы, как ведущий, заверили, что все вопросы, которые возникнут или поставят инвалиды, будут решать центральные правления. А с чем уедут рядовые инвалиды, которые входят не в эти правления, а в местные первичные организации? Вы ведь лишаете их надежды, оставляете в недоумении. Каков их статус? Что же им осталось делать на местах?» И тогда министр оборвал меня: «Это уже не реплика, это уже выступление. Прекратите!»

Я понял, что он меня провоцирует на скандал, чтобы выставить таким смутьяном. И умолк. Говорил теперь, обращаясь к залу, министр: «Товарищ Дьячков не прав. Мы вчера его внимательно слушали. Он у нас уже выступал. Конференция прошла замечательно и самое главное — деловито». Очень меня резануло это его «деловито».

После голосования разговаривал с делегатами. С членом редакционной комиссии Владимиром Михайловичем Тимофеевым из Кемеровской области, с Деревцовой Ольгой Николаевной из Приморского края. С другими. Спрашивал, почему они голосовали «за». Отвечали: «Понимаешь, Сергей, мы находились в состоянии какой-то эйфории. Было ощущение, что мы всего добились. Приехали издалека, где нам ничего никогда не удавалось пробить. А тут все нам пообещали, мы точно на седьмое небо попали. Решили, что, вернувшись, сумеем с уставом в руках всего добиться. После разговора с тобой ознакомились».

Говорил с ребятами, которые не были делегатами, но принимали активное участие в кулуарных спорах. С москвичом Юрием Астаховым, делегатом. Я спрашивал: «Что же произошло? Вчера, Юра, ты активно стремился к тому, чтобы найти какие-то серьезные решения и делать все, чтобы эти решения в уставе и других документах были записаны. Что же повлияло?» «Сергей, — отвечал он. — Ну как же так — нам же дали деньги!» У него ориентация сразу была на финансы. «Какие деньги?» И он стал перечислять цифры, названные начальником финансового отдела министерства: 3 миллиона дало общество слепых, 3 миллиона — общество глухих, 3 миллиона — государство и 1 миллион — Минсобес. Итого — 10 миллионов. Я ему объяснял, что эти средства сразу попадут в руки определенной группы людей, которые далеки от периферийных организаций, и вряд ли они будут туда их перечислять. Далее: 460 человек аппарата съедает 2 800 000 рублей — заработной платой — эти цифры уже оглашены, — к тому же расходы на транспорт, помещения, канцелярские товары... Значит, еще не меньше двух миллионов. Итого — пять миллионов на содержание самого аппарата.

А с министром после того печального «диалога» была у меня еще одна встреча. На другой день. Рабочее положение у меня видите какое — лежачее. Пришел министр. Виктор Алексеевич обещал нам помощь в создании реабилитационного центра на Серноводских источниках. Намеревался, как он сказал, говорить об этом с председателем ВЦСПС Шалаевым.

Только в день отъезда принесли мне поправки к уставу и список редакционной комиссии, в которую входит и Дьячков, восемнадцатым. Что самое существенное в уставе? Право первички иметь свой статус, на чем я особенно настаивал, оговорено «на усмотрение местных Советов». А что это значит? В большинстве случаев это «усмотрение» будет, разумеется, отрицательным. Мы говорили о самостоятельности финансовой деятельности, о твердо установленных нормативах отчислений. Прислушались. Но каким, обратите внимание, образом: весь бюджет и все финансовые поступления формируются центральным правлением, то есть вместо инициативы «снизу» снова лестница «сверху вниз».

Далее. Мы сошлись на том, что каждая первичная организация должна иметь возможность развивать самостоятельные виды производственной, кооперативной и индивидуальной деятельности. В новой редакции эта запись есть. Но какая? Читаю: «Всю производственную, кооперативную и прочую деятельность контролирует вышестоящий орган». То есть мы попадаем в такую же зависимость от этого органа, как государственные предприятия от министерств, от их планов, от навязанного ими госзаказа.

Вот такая получилась у нас в ВОИ «перестройка» на старый лад. Микромодель того, что происходит в промышленности. Единственное, что мне удалось отстоять с большим трудом, когда заседали в редакционной комиссии, так это доходы и прибыль от производственной деятельности. Наверх пойдет только **десять процентов, девяносто остается первичкам**.

О программном документе на будущее, о резолюции. Я голосовал не за нее и не против нее. Воздержался. Почему? В принципе не согласен с так называемым введением, которое наполнено выражениями периода застоя. Почему я все же счел резолюцию приемлемой? Она определила срок созыва через два года расширенного пленума центрального правления по вопросу действенности устава ВОИ. Появилась надежда через два года что-то изменить. Но даже и тут таятся рифы: это же не съезд и не конференция, а пленум центрального правления, те самые функционеры, председатели республиканских и областных управлений, ОНИ, те, которые не захотят что-либо менять, за исключением небольших частностей, мешающих им работать.

Кстати, как «избиралось» это центральное правление? Огласили список в 79 человек — в России 73 территории, — за которые без всякого обсуждения кандидатур и предлагалось проголосовать. Точь-в-точь как на местах по указке собесов.

Уезжаю я из Москвы с тяжелым сердцем. Худшие мои опасения оправдались. Предстоит борьба. Длительная, тяжелая борьба за перестройку. Хватило бы нам сил!

СЛОВО ЧЕРЕЗ КОСМОС

Говоря
по проводам Америки
и Китая
Бернарда Баронина,
американского
инженера-электронщика
и изобретателя
системы и аппаратуры
«Спутниковое
радиовещание»,
мы по его предложению
собираемся вместе с автором
на первом фестивале Рождество
— в городе Вилье.

ВАШИНГТОН

Если из Москвы кто-то захочет позвонить, скажем, в Вашингтон, то можно быть уверенным, что такой разговор состоится — иногда правда, с задержкой, на которую можно и не обращать внимания. Но если разговор должен состояться между главами государств СССР и США, то и малейшая задержка недопустима — она может обойтись человечеству слишком дорого. Так было, например, осенью 1962 года, когда от взаимопонимания между Н.С. Хрущевым и Д. Кеннеди буквально зависела судьба мира... «Карибский кризис» благополучно миновал, но осталась проблема связи между Кремлем и Белым домом, которая должна быть немедленной, надежной и постоянной.

Недавно наши и американские связисты отметили маленький неофициальный юбилей — двадцатипятилетие существования «горячей линии» — наверное, не стоит уточнять, почему именно так принято называть этот особый канал связи. 31 августа 1963 года он начал действовать, и сообщение об этом весь мир воспринял тогда с облегчением: какой-то заметный шаг к разрядке напряженности был сделан. Мы не будем сейчас обсуждать другие шаги в этом направлении, мы говорим только о канале связи — но, кстати, с тех пор о «горячей линии» нигде ничего не сообщалось: существует — и точка. Правительства двух стран решили тогда, что гласность здесь не

Продолжение на стр. 25

Борис СМЕРНОВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА
Снимки с американской стороны предоставлены
Госдепартаментом США и журналом «Лайф».

Немало
отыщется мест,
которые своей красотой,
величием, неповторимостью
могли бы претендовать
на звание
«лучшего из лучших».
Конечно,
о вкусах не спорят,
но все же...
Долина гейзеров
на Камчатке —
одна из таких удивительных
точек.
Однако попасть в Долину —
большая проблема.
Доступ в заповедник
только
по специальным
разрешениям.
Но тем интереснее
увидеться с человеком,
который уже не один год
проводит
на этом обетованном
островке природы.
Виталий Николаенко —
помощник лесничего
Семячинского лесничества,
а проще —
хранитель Долины гейзеров...

аш приятель Василий Плоцкий, оператор Центрального телевидения на Камчатке, — один из тех людей, кто знает всех на полуострове и которого все знают, — присел на ремешок между пилотами вертолета и заговорщически обернулся: «Приготовься!» — «К чему?» — «Увидишь!» Камера в руках, пленка стоит на первом кадре: что и когда «увидишь»? Вертолет чуть наклоняется, делая полукруг, и в проеме открытой двери возникает озеро, врезанное в вершуку вулкана. Тени от зубцов скал падают в зелено-голубую мутноватую воду, огранявая бирюзу изящным ожерельем... Но наш путь дальше: успеть до сумерек добраться до Долины. Если не получится сегодня, — может уже не получится никогда...

В последних лучах солнца (правда, скрытого за толстым одеялом облаков) мы все-таки попали в Долину. Не только снимать было поздно — рассмотреть-то ее не хватало времени. Зато увидели другое. Не успел вертолет коснуться колесами крохотной площадки невдалеке от довольно просторного дома, как мы оказались в плену у хозяина. В плен он взял огромной стопой снимков, вываленных перед нами. Героями почти всех фотографий были медведи. Нет, тут попадались и лисы, и разные другие зверушки, но медведи были главными героями этой неоконченной фотопозмы. Скажу сразу, мне никогда — ни до, ни после — не приходилось видеть столь полно «частную жизнь» топтыгина. Фотографии запечатлели сон мишки и бодрствование, развлечения, причуды и даже — любовь. Впечатление: снимал свой среди своих. Когда мы поговорили с Виталием о его секретах, он подтвердил, что действительно медведи перестали воспринимать его как постороннего. Виталий не претендует на медвежью дружбу, не идеализирует отношений, но верит, что медведи воспринимают его как равного. И хотя зверь не любит, когда нарушают его территорию — приближаются слишком близко, — Виталию удавалось де-

Виталий НИКОЛАЕНКО

лать снимки объективом с нормальным фокусным расстоянием, то есть практически с расстояния в несколько метров.

Есть правила, которые нельзя нарушать. Например, нельзя заигрывать со зверем, приманивая его пищей. Зверь скоро сам начнет требовать, и тогда дело может кончиться грустно. Много лет Николаенко вел съемку одного и того же героя: медведя с порванным ухом, которого он прозвал Корноухим. Медведь был стар, мудр, а потому и достаточно терпим к тому неудобству, когда кто-то возле тебя все время трещит железной коробочкой — фотоаппаратом — и мешает дремать. Большинство кадров, снятых в медвежьем фотоателье, — это о нем, о Корноухом. Виталий меня поразило тем, что, улета с нами ненадолго в город, он захватил с собой огромный мешок непроявленных пленок — все о камчатских мишках. Мог бы получиться интереснейший альбом о дальневосточных медведях! К сожалению,

такие предложения находят мало спроса у наших издательств. От автора требуется немалая пробивная сила. Виталий не из робких, но то ли пасует, то ли все еще копит кадры... Еще беда — плохая, почти негодная цветная пленка, да и та дефицит. Никуда не денешься: энтузиазм покуда не находит в нашем обществе поддержки. Фотограф Николаенко здесь не исключение.

На Камчатке уже зима на носу. Снега да метели надолго отрежут сказочную Долину от Большой земли. Но рано или поздно обтает снег на склонах, обнажатся мхи, вылезут из зимних ям, из-под валежников отошавшие за зиму мишки. Но скоро слежавшаяся шерсть заблестит на солнце, округлятся медвежьи бока, пружинистей станет походка. И вновь заработает фотоателье среди гейзеров...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
Фото Виталия НИКОЛАЕНКО

ФОТОАТЕЛЬЕ СРЕДИ ГЕЙЗЕРОВ

Автор:
ЛАРИОНОВ
ИГОРЬ
НИКОЛАЕВИЧ,
1960 года
рождения,
игрок
команды ЦСКА
и сборной СССР
по хоккею,
дважды
олимпийский
и трижды
чемпион мира,
пятикратный
чемпион
Европы,
лучший
хоккеист
сезона
1987/88 года,
мастер спорта
международного
класса.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ИГОРЯ ЛАРИОНОВА
ТРЕНЕРУ
ВИКТОРУ ТИХОНОВУ

«В ДОЛГУ ПЕРЕД ХОККЕЕМ.»

Уважаемый Виктор Васильевич!
За последние шесть лет, с того самого дня, когда нашу сугубо личную, интимную беседу вы предали гласности на общем собрании команды, обвинив меня в «слабой игре», нам с вами никак не удавалось поговорить по душам. Случая не представлялось, хотя работали рядом. Теперь же, думаю, не грех поделиться кое-какими соображениями, которые наверняка будут интересны нашим болельщикам, читателям «Огонька».

Для этого придется немного вспомнить о том, как все начиналось... В конце семидесятых годов вы принялись формировать команду Центрального Спортивного Клуба Армии, но в нарушение традиций, не за счет игроков армейской школы, а за счет сбора под знамена ЦСКА способной молодежи из всех клубных команд Союза. В 1981 году вы обратили благосклонный взор и на меня, в ту пору игрока из подмосковного «Химика». В Финляндии я впервые играл в составе своего будущего звена, с Макаровым и Крутовым, забил гол... А перед первенством мира в апреле вы без обиняков заявили: «Пиши рапорт, переходи к нам в ЦСКА, иначе путь в сборную страны для тебя закрыт!» Я в ту пору отказался, поскольку уже был наслышан о методах вербовки игроков. До

чемпионата мира в Швеции оставалось две недели. Мне вручили билет до Ленинграда... Мой отказ был не правилом — скорее исключением. Мечта каждого мальчишки — поиграть в составе сборной. Но даже для очень талантливого хоккеиста реальный путь осуществления этой мечты — переход в ЦСКА. И вы заставляли ребят делать это, понимая, конечно, что тем самым ослабляете другие клубы, принижаете авторитет тренеров. Что же было дальше? Меня призвали на срочную службу, попал я в ЦСКА, а потом присвоили офицерское звание...

Похоже, товарищ полковник, что чем больше в сборной военнотружеников (для команды ЦСКА это естественно!), тем вам спокойнее: незачем утруждать себя воспитательной работой, легче просто приказывать младшему по званию и должности. А приказы, как известно, не обсуждаются. Подчиненный фактически не имеет права голоса, а собрания команды превращаются в фарс, когда никто не может вам возразить. Потому что хоккеисты, их спортивная судьба, их будущее и, чего уж скрывать, материальное благополучие их семей — все целиком находится под вашим неусыпным контролем. Так вы, Виктор Васильевич, превратились за последние годы в такого хоккейного монарха: захотите — накажете, захотите — помилуете! Как вы поступили с Сашей Могильным, самым молодым игроком, когда он не

пожелал стать офицером Советской Армии? Старым, казачьим способом: припугнув, не взяли его на коммерческие игры в Японию. Поразмысли, мол, что с тобой будет... И Саша послушно написал рапорт.

Те, кто работает с вами не один год, хорошо изучили вашу методику. Десять месяцев в году мы находимся в отрыве от дома: бесконечные поездки, игры, а нет игр — сборы... Режим суров. Легче сказать, что нам можно, чем о том, что нельзя... Можно есть до отвала, кормят нас на славу, можно сыграть в шахматы или нарды, можно поспать. Остальное — тренировки. Например, летом, в подготовительный период, с 10 утра до полудня занятия со штангой, до 24 тонн железа приходится вращать в день, потом спортигры, с 17 часов беговая программа — фортлек, то есть бег по кругу с несколькими ускорениями, до десяти километров, 6—8 километров кросса. Втягиваемся. Следим за весом. Ибо лишние килограммы — это дополнительная нагрузка на тренировках... После игры — в автобус. Машут вслед наши жены и детишки: «До свиданья!» Они — домой, мы — на спортбазу. Соскучился — можешь позвонить. Семейная жизнь по телефону — к этому мы давно привыкли благодаря вам, Виктор Васильевич! Остается лишь удивляться, как жены наши от нас детей рожают: ведь нормальные взаимоотношения хоккеиста с женой тоже «не вписываются» в вашу «программу».

Судя по всему, хоккеист для вас просто игрок. Функционирующая единица, которой отведена не только профессиональная (вратарь, защитник, нападающий), но и социальная роль. Не справляешься с нею — убирайся на все четыре стороны! Вон сколько парней мечтает в сборную попасть — только свистни! Незаменимых нет! Нет ли?

Спортивная жизнь в советском хоккее коротка. Накануне очередного турнира или чемпионата в газетах объявляют состав сборной страны, и болельщики пишут письма: а где же прославленные наши звезды? Неужели так уж безнадежно состарились, что не в состоянии выйти на лед? В тридцать два ушел Владислав Третьяк, пожалуй, до сих пор самый популярный игрок в мире. Почему же? Ответ прост. Третьяку вы не разрешили, даже в виде исключения, готовиться к играм самостоятельно, дома... А где другие наши звезды, которые выросли при вас, Виктор Васильевич? Где Сергей Бабинов, Ирек и Сергей Гимаевы, Виктор Жлуктов, Николай Дроздецкий, Александр Тяжных, Владимир Зубков?.. Они покинули команду, не в силах противостоять вашему тренерскому стилю, а точнее — произволу, едва достигнув тридцати лет... Большинство из них, конечно, неплохо устроены. Но игровой-то наш хоккей в конечном счете от этого не выиграл — потерял!

Складывается впечатление, что вы просто не заинтересованы, чтобы команда состояла из ярких индивидуальностей. Что вам будто бы проще иметь средних три-четыре звена, этакое рижское «Динамо» образца 1974 года... Такую команду легче удерживать под гнетом жесточайшей дисциплины, в обстановке постоянного страха за будущее, которое ни один игрок ЦСКА или сборной не может предсказать в атмосфере, когда становятся выгодными доносы... Дело-то дошло до того, Виктор Васильевич, что уже и в раздевалке лишнего слова не скажешь, не то что на собрании, в ваш адрес, потому что в тот же день вы будете иметь самую полную информацию и, выждав время, отомстите... Молодые хоккеисты, и те уже привыкли: пропустил пас во время обычной товарищеской встречи, замешкался на льду (во время игры, когда нервы на пределе, всякое бывает!) — оправдываться бесполезно, только хуже себе... И вот стоит перед вами взрослый человек, хоккеист с мировым именем, будучи вынужден молча слушать, как вы кричите на него, унижая перед остальными! Это собственные честь и достоинство вы бдительно оберегаете, а чужие для вас — ничто! А уж в следующий раз игрок, памятуя об «ошибке», всеми силами постарается угодить вам, старшему тренеру. Он уже и не пытается играть с выдумкой, творчески, следуя своему стилю, не импровизирует на льду, старается брать на себя как можно меньше ответственности в острых ситуациях. Не отсюда ли начинается деградация, путь к вашему идеалу — «усредненному игроку»?

Так год за годом вы приучили людей к тому, что они пешки в ваших руках. Думается, что в Госкомспорте СССР тоже не слишком ломают голову над психологической подготовкой спортсменов; вы, Виктор Васильевич, пользуетесь там влиянием и безмерным уважением, поскольку время от времени даете Госкомспорту результаты. Выигран очередной чемпионат мира — спасибо вам, товарищ Тихонов, за ваш труд! Ведь какой ценой достигнута победа, начальство, как правило, не интересуется! «Физика» (физическая подготовка. — Ред.) в порядке? — рассуждаете вы перед игроками. — А ваши эмоции меня

мало интересуют!» Точка! «Физика» тоже иногда бывает не в «порядке», тогда в ход идут биостимуляторы. Вспомните, какой поднялся шум, когда я отказался от инъекций перед чемпионатом мира в Хельсинки, даже в Госкомспорт доложили... К чести нашей пятёрки, ни я, ни Крутов, ни Фетисов, ни Макаров, ни Касатонов не пожелали «выходить на новый уровень игры» таким способом, не давали инъекции себе ни плаценту, ни глюкозу, ни прочее...

Я взял бы на себя смелость сказать, что в стиле руководства командой ЦСКА и сборной страны вы ничего нового не придумали. Ведь если приглядеться, климат, который вы создали для хоккеистов, весьма смахивает на обстановку культа личности, только культа бескровного, тихого, культа в миниатюре, где «коллективистский дух» означает солдафонщину, где демократия подменена беспрекословным подчинением, где любимая всеми нами игра в хоккей поставлена на службу вам, нашему тренеру. Вы, товарищ полковник, наказываете всю команду, если даже один игрок нарушил режим: так вы невольно заставляете людей расправляться со своим товарищем «силами коллектива»... Это благодаря вам даже знаменитые хоккеисты сборной страны предпочитают помалкивать о закулисной жизни перед журналистами, отказываются от искреннего разговора, а в спортивной прессе уже сложился некий стереотип, следуя которому читателю ничего другого не остается, как предположить, что все победы нашей сборной — это ваши победы, все достижения последних лет на мировой спортивной арене — исключительно благодаря вам, лично вам, Виктор Васильевич, и больше никому. Команда тут в расчет не принимается!

Когда мы выиграли Олимпийские игры в Калгари, журналисты поинтересовались: как объяснить эту победу после проигрыша на турнире на приз газеты «Известия», после провала на чемпионате мира в Вене? Может быть, победа в Калгари — случайность? Нет, с усмешкой ответили вы, так, дескать, было мною, как старшим тренером, задумано: мы, как шахматисты, иногда позволяем себе проиграть маленькое сражение, чтобы выиграть большое, сборная СССР — команда максималистов! Но мы-то, игроки, прекрасно понимали, что вы кривите душой. Вспомним Вену: мы уже вышли в финал, стали чемпионами Европы; надо было беречь силы, остались всего три встречи, а наша тройка выходит на необязательные для победы матчи с командами Швеции и Канады. Победы над этими командами, к чему вы нас призывали, не влияли на исход дела, нас бы устроили и ничьи... Так мы в итоге проиграли первенство мира в Вене! И это называется «стратегией»?

Худо проигрывать: переживают члены команды, расстраиваются болельщики по всей стране — ученые подсчитали, что производительность труда после наших хоккейных неудач падает... Но куда хуже то, что после поражения следует начальственный разнос, которому предшествует, как летчики говорят, «разбор полетов» — еще и еще раз смотрим видеозапись: когда и по чьей вине была пропущена шайба. Заметьте: не по какой причине — а именно по чьей вине! А возразить не могли! Что с того, что в Советском Союзе уже давно развивается гласность? Особенно сурово хоккейное начальство относится к тому, кто, так сказать, выносит сор из избы, пренебрегает заведенными вами правилами.

Я это испытал на себе два года назад. Находясь в Канаде, дал интервью местным журналистам, высказался за обмен игроками между нашими странами. Выражал при этом личную точку зрения. Но если рассуждать объективно, прогресс и в отечественном, и в мировом хоккее без этого обмена дальше просто невозможен. Ну, дал я это интервью и уже было стало нем забывать. Но вы-то, Виктор Васильевич, не забыли! За день до окончания матча на приз «Известий» от знакомого тренера узнаю, что у меня «сложности с выездом в Северную Америку на суперсерию...». Декабрь провел в Москве. В феврале предстояли товарищеские матчи ЦСКА в Италии. Вся команда уже знает, что я и туда не еду. Старший тренер молчит. Лишь в день отлета, в 5 часов утра, когда я уже завязывал перед зеркалом галстук, один из тренеров мне сказал: «Извини, но ты остаешься... Вот вернемся из Италии — поедешь на товарищеские матчи со сборной в Швецию». Накануне отъезда раскрываю «Правду», где опубликован состав сборной страны, и не нахожу своей фамилии... Но этим дело не кончилось.

Вызвали меня в Главпур (Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. — **Ред.**) и выдвинули целый ряд нелепых обвинений. «Знали ли вы, капитан Ларионов, — говорят, — что в вашем доме готовилась провокация?» Я опешил. Оказывается, речь шла о визите в дом моих родителей представительницы общества друж-

бы «Канада — СССР», которая была гостьей Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве — он проходил летом 1985 года. Канадка была обеспокоена моим отсутствием на важнейших матчах. Полчаса пробыла. Родители, по законам русского гостеприимства, напоили ее чаем... Потом главпуровские чины стали нести какую-то чушь про то, что якобы мои родственники спекулируют видеоаппаратурой, и другое в таком же роде: к ним в Главпур, видите ли, поступила анонимка... Ну, и, наконец, вспомнили про злополучное интервью в Канаде. Вынуждали раскаяться: мол, сказано же, что мы, советские офицеры, не имеем права находиться и в двух шагах от иностранца. Так я стал на целый год «невыездным» — «покаяния» не состоялось...

Перед первенством мира в Москве, где мне все же оказали честь участвовать, Владимир Владимирович Юрзинов, второй тренер, помнится, сказал: «Выиграем чемпионат — будешь ездить». Выиграли. А после удачных матчей в ФРГ, где я играл в составе команды ЦСКА, поздравляли дома, в Москве, не с победой, а с тем, что я «вернулся в СССР»... Мог ли я эти слова воспринять по-иному, чем жестокое оскорбление?

Но шила, как говорится, в мешке не утаишь: сама жизнь показывает, доказывает, что ваш тренерский стиль, который, возможно, давал положительные результаты в прошлом, обнаруживает свои, перестает себя оправдывать, трещит по всем швам, как и сама административно-командная система, сложившаяся в стране. Уже ни от кого не скроешь, всем видно, даже Госкомспорту, который пока молчаливо выжидает, какой еще турнир мы завалим, что вы допускаете ошибку за ошибкой.

На прошлогоднем чемпионате мира в Вене вы хвастливо заявляли, что шведы — это «мертвая» команда. Шведские игроки, вопреки вашей аскетической теории подготовки к играм, гуляли по Вене в обнимку с женами. А мы — гурьбой, показывая, какой, дескать, дружный у нас советский коллектив. В итоге «мертвой» команде вручили золотые медали... Стыдно, что мы порой лишены необходимого. Это надо было видеть (по телевизору такое не покажут!), как мы во время августовского турнира в ФРГ выменивали клюшки со своими автографами на новые тренировочные майки взамен своих рваных... Суперзвезды советского хоккея суежились, как мажоры на одесской толкучке...

За эти же шесть лет я помню только два случая, когда вы, Виктор Васильевич, обратились за советом к игрокам. В обоих — вы это вынуждены были сделать, поскольку после проигрыша ваша должность оказывалась под вопросом. Первый раз это было на Московском чемпионате мира. Второй — в Калгари. А человеческих отношений между вами и хоккеи-

стами так нет и по сей день. Есть другие — должностные, служебные, материальные, уставные и неуставные. А отношения между тренером и командой не могут не отражаться на профессиональном уровне игры.

Вам, Виктор Васильевич, никогда не приходила в голову мысль о том, за счет чего все-таки мы побеждаем? Никто не собирается ставить под сомнение ваши, несомненно, большие заслуги перед советским спортом, но если, как говаривают в армии, положить руку на голенище, попытаться ответить на этот вопрос правдиво, то ребята из команды ЦСКА, из сборной СССР в решающих встречах думают не о разностях за ошибки, не о наградах или наказаниях; равно как не занимают их в этот момент нюансы взаимоотношений со старшим тренером. Все сосредоточено лишь на одном: за хоккейными баталиями на льду следят миллионы соотечественников, и надо сделать все для того, чтоб не было перед ними стыдно. Нужна победа не во имя того, чтобы украсить грудь очередные награды, а лицевой счет — гоночары. Она необходима, чтоб не потерять в мире престиж советского хоккея, с которым мы связали свою судьбу.

Именно поэтому наша пятёрка, независимо от ваших указаний, еще на скамейке, перед выходом на лед моделирует предстоящую игру. Корректирует задания. Меняет тактику по ходу встречи. Без всего этого вряд ли было бы возможно показывать хоккей столь высокого класса десять лет подряд. И вы сами вряд ли станете спорить на сей счет. Но в таком случае стоит ли громогласно заявлять, что, предположим, Крутова признали лучшим хоккеистом мирового чемпионата исключительно потому, что вы подготовили его, как тренера, всего за две недели...

Когда-то мальчишек приводили в хоккей Бобров, Третьяк, братья Майоровы, Фирсов, Харламов, Михайлов... Каждое имя было легендой и как магнит притягивало ребят. Так пришел в хоккей и я, в этом году исполнилось десять лет работы в большом спорте. Оглядываясь назад, прислушиваясь к себе, и не покидает ощущение, что я в долгу перед хоккеем. Последние годы мы выигрывали за счет хорошей физической подготовки. Но сегодня и другие команды мира выходят на лед, показывая выносливость, держат навязанный им высокий темп игры, словом, одними бицепсами уже никого не удивишь. На первый план выступает яркая, индивидуальная игра, хоккей личностей, хоккей, в котором своеобразный почерк каждого игрока рождает гармонию команды. Это-то и дает впечатление зрелищности, без чего наш спорт трудно себе представить!

Страна учится мыслить по-новому. Пора бы заняться этим и нам, спортсменам!

ИГОРЬ ЛАРИОНОВ

Адресат:
ТИХОНОВ
ВИКТОР
ВАСИЛЬЕВИЧ,
1930 года
рождения,
мастер
спорта,
чемпион СССР
в 1951—
1954 годах;
с 1977 года
старший
тренер
команды ЦСКА
и сборной СССР
по хоккею
с шайбой.

ПРОШУ ВВЕРИТЬ

Олег ПЕТРИЧЕНКО
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

се было волнительно, уми-
лительно, восхитительно...

На сцене Академиче-
ского театра оперы и ба-
лета имени С. М. Кирова
шло чествование Акаде-
мического хореографи-
ческого училища имени
А. Я. Вагановой — первой русской ба-
летной профессиональной школы, внес-
шей поистине неоценимый вклад в со-
кровищницу не только отечественного,
но и мирового искусства.

Ее 250-летие — незаурядное событие
в культурной жизни страны, отметив-
шей вдохновенный труд выпускников
и преподавателей академии танца сво-
ей высшей наградой. И торжества в Мо-
скве, Ленинграде были задуманы мас-
штабно — под стать славной дате, в со-

ответствии с неоспоримыми заслугами
училища, о которых с должным поче-
тием рассказали едва ли не все изда-
ния страны.

Да и как не почтить колыбель, взра-
стившую Анну Павлову, Вацлава Ни-
жинского, Галину Уланову, Вахтанга
Чабукиани, Михаила Фокина, Федора
Лопухова, Юрия Григоровича! Как не
помянуть историю, начавшуюся с при-
дворного балетмейстера Ж. Б. Ланде,
обратившегося осенью 1737 года к им-
ператрице Анне Иоанновне со следую-
щими словами: «Прошу вверить моим
заботам двенадцать русских детей,
шесть мужского и шесть женского пола,
для составления балетов и теат-
ральных танцев комического и серьез-
ного характера. Эти ученики... через
три года ни в чем не будут хуже лучших
иноземных танцевальщиков».

«Прошу вверить моим заботам...» Ка-
кая прекрасная, ответственная и благо-
родная фраза! Если бы не она, другими
глазами, наверное, смотрел бы я на
юбилейное торжество, охотно разделив

всеобщие восторги. Но вот ведь — за-
села гвоздем, и вместо того, чтобы вни-
мать, аплодировать и кричать «браво»,
разглядывая великое множество обла-
сканных званиями, наградами, дол-
жностями взрослых людей, думал со-
всем о другом, видел минувшую страш-
ную зиму, завьюженную, обледенев-
шую Разъезжую улицу и крохотного па-
цаненка, зашедшего, как и я, согреться
в попутную пирожковую.

Не помню, с чего начался наш разго-
вор, но вот удивления своего забыть не
могу: мальчишка шел в училище — бо-
леть.

— За кого? — пошутил было я.

— За себя, — серьезно ответил он. —
Поболее до вечера, вернусь в интернат
и, если не спадет температура, завтра
снова пойду в изолятор.

Как и все советские люди, я давно
привык к парадоксам самой бесплатной
и гуманной в мире системы медицин-
ской помощи. Но это уже было что-то
новенькое...

Вот так случай впервые привел меня

в прославленную «кузницу балетных
кадров» с черного, бытового хода, и ги-
дами моими в этом нерадостном путе-
шестве стали обыкновенные мальчиш-
ки и девочки.

Сразу оговорюсь — особой государ-
ственной тайны они не открыли: о бед-
ственном состоянии училища знают
все, кому положено это знать, и адми-
нистрация давно уже потеряла счет
своим челобитным, отправленным в са-
мые высокие инстанции. Ветхость
здешних помещений никакими космети-
ческими заплатками уже не приукра-
сишь, и обнадеживающее слово «ре-
монт» — для утешения многочисленных
иностранных гостей — звучало под эти-
ми сводами на языках всех государств,
входящих в Организацию Объединен-
ных Наций.

Но то, что мне показали ребята в за-
коулках (куда гостей во избежание кон-
фуза предпочитают не приглашать), пе-
реводу уже не подлежит, поскольку
лишь наш «великий и могучий» спосо-
бен выразить всю полноту чувств, овла-

зловым языком рекомендуя ей либо изменить ленинградский климат, либо — бесчувственное руководство Министерства культуры РСФСР. Во всяком случае, именно так перевел я многолетние сетования эскулапов на неудовлетворительное состояние всего того, что, собственно, и составляет материально-техническую суть училища.

— Представляете, — доверительно сказали мне на прощание, — там на 500 учащихся всего две крохотные душевые.

— А взяли бы да и закрыли.

— Душевые? — изумились санитарные доктора.

— Училище. До полного и окончательного устранения всех отмеченных недостатков.

Хотя, возможно, в своей категоричности я и не прав. Ведь, несмотря на все объективные, как их принято называть, трудности, вагановцы по-прежнему высоко держат свое знамя.

— Слушайте, если бы у вас и взрослые так работали, мы давно смотрели бы вам в спину, — заметил однажды американский коллега, делавший репортаж о жизни академии танца. Не знаю, что он о ней написал. Но в чувстве юмора ему не откажешь. Внимательно осматрив пол в танцевальных классах, он воскликнул: «О, теперь я понимаю, почему, говоря об училище, у вас обязательно вспоминают красивые пушкинские слова «душой исполненный полет». На другой тяге отсюда, пожалуй, не взлетишь. А взлетишь, неизвестно еще, как приземлишься».

— Ничего, господин американец, — в тон ему, патристично отпаривал я. — Наши соколы взлетают и приземляются в любых условиях.

Ну, а если серьезно, то, конечно, маленькие вагановцы — великие труженики. Знакомая девчушка, живущая в новостройках, встает в шесть, чтобы к девяти быть на улице Зодчего Росси. Ежедневно у нее по девять уроков, потом напряженные репетиции, выступления. Домой приезжает поздно, а ложится обычно за полночь — домашние задания по обычной школьной программе тоже надо успеть сделать. И все-таки считает, что живет хорошо: семья есть, мама с папой обо всем прочем позаботятся.

Интернатским приходится куда круче. Общежитие еще никому не заменяло родного дома, а это и к числу комфортабельных не отнесешь — комнаты на 8—9 человек, скудный буфет закры-

вается рано, так что, если приехал со спектакля, дожидаться завтрака или ужина водой из-под крана. Неблизок и неудобен в транспортном отношении путь — добираться приходится преимущественно пешком, четырежды пересекая очень напряженные магистрали. Тут и здоровому-то после изнурительных репетиций нелегко. А если ребенок заболел?

Признаюсь, полный праведного негодования, влетел я в здравпункт. Но очень быстро остыл, убедившись, что как раз здесь трудятся самые сердечные, самые домашние, что ли, особенно для приезжих ребят, люди. Доброта, как солнце, — ее сразу видно, и дети искренне тянутся к ней. Улучив свободную минутку в перерыве между уроками, забегают, чтобы попить чаю, воды, просто поговорить. Их принимают здесь как собственных детей и стараются помочь чем возможно при минимуме средств и штатов.

А отношения с медициной у воспитанников училища куда более тесные, нежели у обычных школьников: травмы опорно-двигательного аппарата — почти неизбежные спутники их профессии, да и жизнь, по сути, без свежего воздуха, в пыли, при сумасшедших для их возраста нагрузках тоже не способствует хорошему самочувствию. А ведь именно в эти годы идет интенсивная перестройка организма, закладывается физиологический фундамент всей будущей взрослой жизни.

Мне не раз приходилось бывать на тренировках наших спортивных «звезд», видел и знаю, что такое немереный честный труд. Так вот, по самоотдаче, напряжению эти безвестные пока мальчишки и девчонки не уступят ни одному из прославленных чемпионов. Не рискну говорить про всепоглощающую любовь к искусству, наверное, она все же приходит чуть позже. Но вот самолюбие, острый дух соперничества — стимулы, действующие, по-видимому, с самого первого дня пребывания в этих стенах. Еще бы, ведь для того, чтобы попасть в них, приходится выдерживать жесточайший конкурс. Претендентов сотни, а принимают всего семьдесят мальчиков и девочек. Принимают условно: из восьми лет учебы пять — испытательный срок. Мало быть просто одаренным и хорошо учиться, надо еще очень и очень стараться. Так что никакой КЗот, никакой надзор здесь не помогут: как ни непривычно это звучит, но уже с 10—11 лет начина-

МОИМ ЗАБОТАМ

девающих посторонним человеком при виде оборотной стороны «романтики танца», этих, с позволения сказать, интерьеров: облупленных стен, обваливающихся потолков, следов протечек и прочих многочисленных примет глубокого одряхления.

— Куда смотрит санэпидстанция! — в сердцах воскликнул я, повстречав в одном из полутемных коридоров здоровенную крысу, судя по совершенно седой морде, пугавшую еще нежных воспитанниц Мариуса Петипа.

— В корень! — ответили мне в Куйбышевском районном отделении этой бдительной организации и попытались отыскать бумагу, составленную и поданную лет пять назад руководству городской СЭС, имеющей право обращаться со своими претензиями аж в столицу.

Следов смелой бумаги, однако, отыскать нигде не удалось, зато мне показали целые папки отеческих наставлений, с которыми райСЭС ежегодно обращается к администрации училища,

ется конкурентная борьба за место под солнцем. В любой день все мечты могут рухнуть из-за травмы, болезни, избыточного веса, возрастной деформации тела. Причем приговор всегда окончательный и обжалованию не подлежит — годы труда заканчиваются воистину трагедией — переводом в обычную школу.

Мне жаль проигравших. Уверен, их могло быть куда меньше, если бы условия для жизни, занятий хотя бы в минимальной степени соответствовали совсем недетским нагрузкам, если бы пресловутая «забота о подрастающем поколении» обрела здесь хоть какие-то материальные очертания, соответствующие уникальности этого учебного заведения.

Увы, единственный воистину примечательный аппарат, который мне удалось обнаружить в здравпункте, — это великолепнейшей работы весы «Фербэнкс» на колесиках. Этому никелированному сияющему чуду более ста лет, и оно с точностью до грамма знает, сколько именно весит возвращенная здесь слава русского балета.

Остальное оборудование (за исключением недавно появившейся барокамеры) не примечательно абсолютно ничем, любая заводская поликлиника располагает куда большими возможностями. А где же специальные тренажеры, бассейн, кабинеты для лечебной физкультуры, массажа и прочие элементарные по нынешним временам компоненты нормального восстановительного медико-спортивного комплекса?

Быть может, силенки мальчишек и девчонок поддерживаются каким-то особым питанием, тщательно разработанным меню, учитывающим их перегрузки, повышенную потребность в витаминах?

Теоретические выкладки на сей счет имеются — шефы из Военно-медицинской академии составили научно обоснованное меню. Но где взять необходимые продукты? Наверное, я совершенно невежественный в вопросах педиатрии и детского питания человек, но только здесь узнал впервые, что на всем необъятном пространстве нашей Отчизны (за исключением прибалтийских республик) в детских учреждениях запрещено кормить ребятишек свежим, не прошедшим термическую обработку творогом. А здесь мечтают о возможности давать на завтрак 100 граммов именно этого продукта — полезного, питательного и одновременно почти невесомого. И дешевого, что немаловажно, поскольку о черной икре и свежей зелени зимой думать особо не приходится, когда на все про все отпущено рубль семьдесят две копейки в день. Для сравнения: юным спортсменам, выезжающим на первенство страны, положено на питание четыре рубля тридцать пять копеек ежедневно. Взрослым — шесть, восемь и даже двенадцать — в зависимости от ранга соревнований.

Но ведь здесь невольное «первенство» продолжается едва ли не круглый год и по затратам отнюдь не уступает любому всесоюзному, поскольку

нистерства культуры РСФСР, отношение которого к единственной в своем роде «колыбели русского балета», волею судеб оказавшейся в его подчинении, очень напоминает отношение покойного Минпроса к какой-нибудь захудалой школе в неперспективной, подлежащей затоплению водами очередного рукотворного моря деревушке.

На основании приказа, изданного двадцать семь лет назад, в частности, составлен нынешний, рассчитанный на 400 учащихся бюджет. А их уже 504, и «весит» сегодняшний рубль в магазине куда меньше. Мне говорили: «Училище на дотации», но я так и не понимаю, что это такое, если родители ежемесячно платят за интернат по 56 рублей, десять тысяч рублей ежегодно зарабатывают сами ребята за участие в спектаклях, а денег все равно ни на что не хватает.

Надо отдать должное новому директору Л. Надирову, заведующему здравпунктом А. Мещерину и их коллегам — они выкручиваются как могут и усилия к тому прилагают порой просто героические. Да и со средствами для медицины, по словам А. Мещерина, в канун юбилея стало полегче, появилась возможность заказать нужную аппаратуру, подкормить детей витаминами. Но главные надежды все связывают с обещанным, наконец, капитальным ремонтом.

Собственно, одно упоминание о нем выбивает у меня все карты из рук, поскольку в грядущем официальном ответе министерства оно, несомненно, будет упомянуто. С подробным перечнем всех благ, которые обрушатся на вагнеровцев все-таки раньше, чем стены.

«По предложению Министерства культуры РСФСР в период с 1990 по 1993 год в доме № 2 по улице Зодчего Росси будет проведен комплексный ка-

ставки разыгрываются куда выше — не медаль, которую можно получить и на следующем турнире, а судьба.

И все-таки особенно поразили меня вынужденные моционы заболевших учеников. «Что делать? — горестно разводят руками медики. — В интернате присматривать за ними некому, медсестра там по штату не положена. А у нас по той же причине некому сидеть с ними ночью. Вот и путешествуют».

И спят порой в тех же общих комнатах, со всеми вытекающими из вирусной природы гриппа последствиями. Конечно, случись что совсем уж серьезное, отправляют в больницу. Но это крайняя мера. «Температуру» ребята предпочитают терпеть, а коли болезнь прихватит в горячую экзаменационную пору, идут в танцевальный класс прямо из изолятора.

— К чему такое мужество, экзамен ведь можно перенести? — наивно удивился я.

— Специфика, — объяснил мне один из мальчишек. — Я год готовлюсь, тренируюсь, чтобы выйти на «пик» формы к этому времени. Позже уже не то, перегорю, не будет подъема.

Чего-чего, а специфики в этом училище хватает. Чего не хватает катастрофически, так это искренней заботы Ми-

питальный ремонт и осуществлена реставрация» — так сформулировал задание и сроки директор Л. Надиров. Добавляю, что соответствующим решением исполкома Ленсовета уже поименно названы организации, которые займутся этой работой, назначен персонально за все ответственный заместитель председателя исполкома.

Чего же я грущу о прошлом?

Потому что вижу его собственными глазами. И не слишком верю в светлое будущее, ибо на памяти великое множество прочих культурных объектов (включая не менее известную Публичную библиотеку), ремонт которых после не менее торжественных обещаний затягивался на долгие-долгие годы. Да и вдумайтесь, что такое 1993 год. Это еще целое поколение мальчишек и девчонок, которому уготовано совсем небезоблачное детство.

Вот почему не слишком радовался я «знаменательному событию». И даже ордену, врученному на сцене Кировского театра. Увы, отметить юбилей училища кому-то оказалось куда проще, нежели отремонтировать его. И торжественно справить 250-летие за счет детей, которым еще долго расхлебывать кашу, заваренную равнодушными взрослыми.

Геворг ЭМИН

ТЫ СЛЫШИШЬ, МОЙ ВЕК?

ЭТОТ ВЕК

Век жеста.
Возможно — не быть,
Но должно казаться и слыть,
Потребны осанка и поза —
И в этом особенность спроса,
Иначе не сбудешь товар,
Иначе каков же припек и навар,
И прок твой, и польза?

Не блещет —
И золото не в ходу.
И ты — человек, пока на виду.
И руководящую белиберду
Приветствуя и повторяя,
Кричишь в микрофон —
Он ревет, как в аду,
В невинные души неправду внедряя
И завтрашнюю беду.

Синтетика! Аве!
Цветы из пластмасс!
Цветы из пластмасс не радуют глаз.
А сердце, а почки?
Все это цветочки.
Уже в кабинетной тиши

Созрел заменитель души...
Вот яблоко величиною с арбуз!
Сей плод — рекордсмен всесоюзный,
Но нет аромата, а вкус
Не яблочный, не арбузный...

Из кофе исчез кофеин,
Застрял в мундштуке никотин,
Цензурю так профильтрован
Мой бедный собрат
И так обворован,
Что жизни не рад
И разумом не здоров он...

Так выпьем безградусного вина,
Безрадостного напитка —
И это сугубая пытка!
За что?
За любовь!
Но она
Сегодня легка и бесполо...
Вот это особенно подло
С твоей стороны! —
Ты слышишь, мой век?
Ответь нам, сугубо непьяным,
Скажи, почему же

Так много калек
С руками-ногами, но как бы
с изъязном

Души?
Почему же? Скажи!

А соль солоня
Лишь в пустынях твоих...
Мой век уходящий,
Мой страшный,
Мой судный,
Ты много успел, ты такого

Но в гонке своей беспробудной
Ты столько живого сгубил...
Погоди!
Ты вышел, ты прожит —
Возмездье твое впереди...

Теперь пощади,
Кого не щадил,—
И,
Быть может...

1983

СТЕНА

Двадцатый век.
Планета или атом,
Живая ткань иль косный
Материал —
Тебе все нипочем, ты все разъял,
Как сумасшедший тот анатом,
Что сам себя изрезал...
Человек
Возвел непробиваемые стены
И наглухо себя отсек
От материнской родовой системы —
От разума Вселенной отлучил,
В бетонную ячейку заточил
И ненароком
Живительным и тайным токам
Путь перекрыл.
И — стал покорен и бескрыл.
Давным-давно была одна
На целый свет Китайская стена.
Теперь границ-перегородок
Геометрический кошмар
Опутал наш боготерпимый шар,
Еще мерцающий, как самородок.
Стена —
И ни туда и ни сюда! —

Размежевала города,
Разрознила народ единый,
Стеной расторгнута семья,
Разлучены друзья,
Преградой, добровольно
Возводимой,
Разрушен человек —
Разъято Я.
Стена идет — шеренгою
фронтальной,
Сплошной стенкой бездетальной,
Как в штыковую — вполпьяна.
Колонной тянется стена
Из дали дальней.
Когда встает стеною ложь,
Ты головою в стену бьешь —
И только так, — и бог с ней,
С разбитой головой!
Но ты очнешься чуть живой —
В соседнем боксе...
Продолжим стенобитный труд —
Своей седою и больною:
Быть может, за другой стеною
Поменьше врут?

1978—1979

Перевел с армянского В. ЛЕОНОВИЧ

Зачем себя терзать привык,
а заодно — других
Позт — наивный мой двойник,
так верящий в свой стих?
Чего ты требуешь, чего
от нынешних времен,
Чья связь распалась до того,
как был Шекспир рожден?
Зачем ты ждешь прямой ответ,
надеясь на авось,
От шара — у него от бед
кривою стала ось.
Чего ты ждешь от тех овец,
что и мычат, как плачут,
Чей легендарнейший творец
был без зачатия зачат?
Зачем не спишь в конце концов
и требуешь чего,
Ты, самый слабый из творцов,
чего и от кого?

Перевел с армянского
Евгений ЕВТУШЕНКО

Янис ПЕТЕРС

НЕ БУДЕМ СМЕШИВАТЬ СЛЕЗЫ

Есть ведь разница
между националистом
и комиссаром народного

писателем
Юлием Лацисом,
хотя и поехали они в одном
телячьем вагоне
и в одном направлении.

Замалчивать историю не надо.
Но не надо и протитуировать,
и свой памятник Свободы
я не отдам
спекулянтам и перекупщикам слез,
потому что я знаю — что такое
моя свобода

и какой ценой
оплачена она.

Мать Латвию я никому

не отдам
и поэтому не позволю ее называть
образцом архитектуры,
как это делают репортеры
на Братском кладбище.

Разве к архитектурному образу
Ленина
мы обращаемся в праздник?
Не слышал о таком.
От дистиллированно-правильной
речи

может умереть весь народ
и угодить в музейную витрину,
как бабочки в гербарий
с научно-точно-экспонированными
крыльями.

Мать — это Мать.
И Мать Латвия — это Мать Латвия.
Ленин — это Ленин.

И мой отец Янис на липайском
кладбище —
это мой отец.
И мы ему и нашей матери-земле
поставили небольшой памятник,
а не образец архитектуры.

Не бояться ли своей матери
те, кто пишет о Матери Латвии?

Страх — это тоже памятник века,
страх тоже не образец архитектуры.

И не будем смешивать слезы,
так же как не будем смешивать
страх —
ведь есть разница между угодливым
редакторишкой
и Ояром Вацетисом,
хотя они говорят на одном языке.

В ШКОЛЕ

В класс вошел учитель истории
с каменным топором
под мышкой.

Он знал
о каменном веке все
до мельчайшего
камешка.

Наколел дров
каменным топором
и развел огонь
посреди класса.

Все грелись
в каменном веке.

Сразу после каменного века
быстро наступил
тысяча девятьсот сороковой.

Учитель взял да и
окаменел.

И Латвию окаменил.

Он велел раскрыть
учебник истории,
в котором искрились
радостные, пламенные слова
безо всяких поездов в лес
и без рубки дров.

Дрова сами
пришли из леса,
сами кололись
и лезли в печь.

Ученики выкрасили
себе волосы зеленым
и стали ждать
Дни искусства.

Когда они наступили,
весь восьмой Цэ класс
на Домской площади
сердечно поблагодарил
учебник истории
за счастливое детство
и записал яркую страницу
в истории Латвии, прокатив
от всего сердца
по площади милиционера
в детской коляске.
(Подлинный факт).

1987

Перевел с латышского
Петр ВЕГИН

“ПЕРЕМЕЩАЮ СОЛНЦЕ, ЛЮДЕЙ, ЛУНУ.”

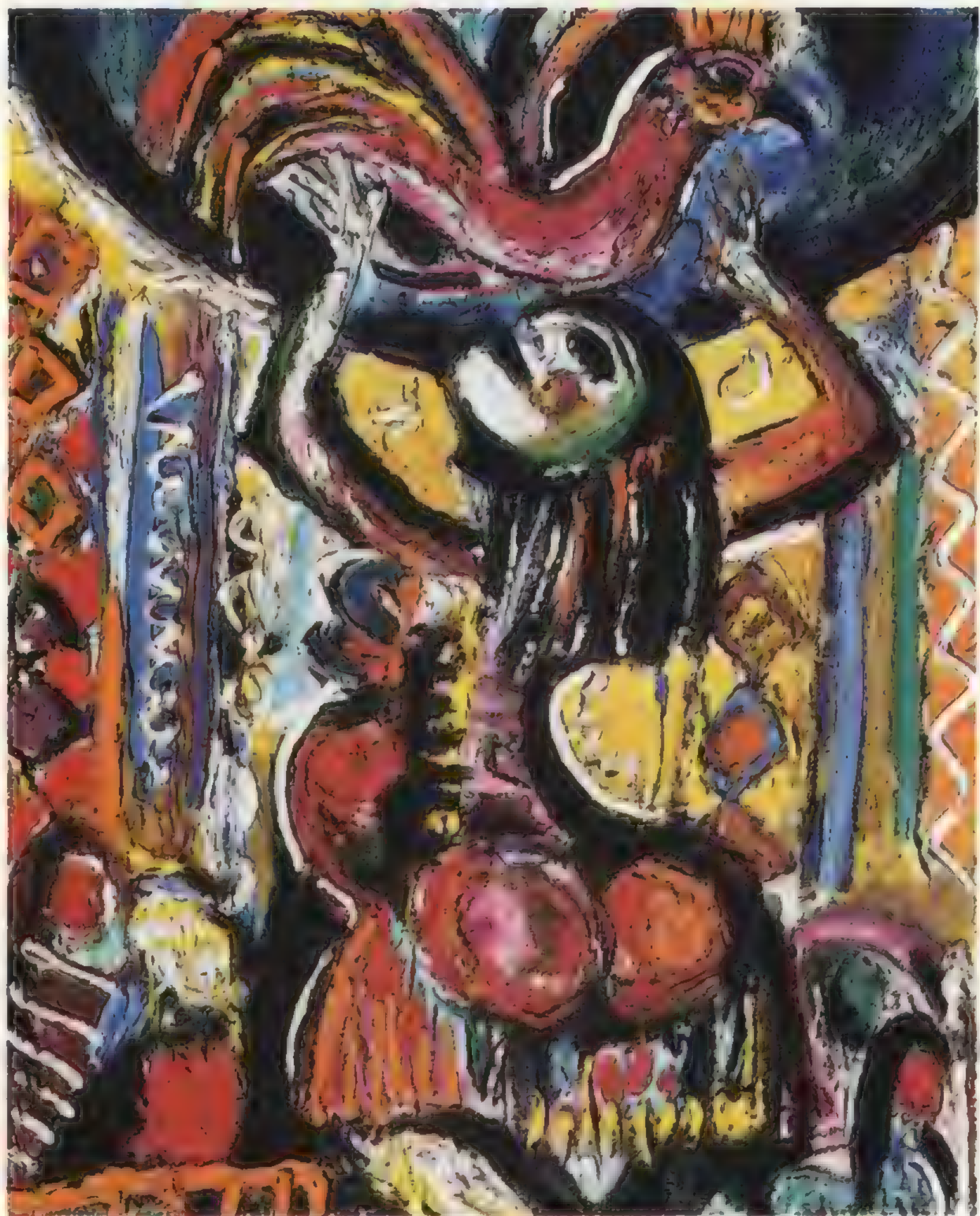
В своей декларации, которая напоминает — стремлением привлечь особое внимание публики — декларации авангардистов начала века, Джавад Мир Джавадов записал: «Через новейшую эстетику я преобразую реальность своих ощущений, и каждая моя картина — это не отражение мира, а сама есть мир».

Вся жизнь Джавада Мир Джавадова есть трудное восхождение к одной цели: найти и утвердить себя в искусстве.

Он родился в 1922 году в Баку, там же окончил художественное училище. Отец его был скорняком, настоящим мастером своего дела. А вот дед — фило-

Джавад МИР ДЖАВАДОВ. РОД. 1922.
ФАЭТОН. 1986.

ХУМАЙ. 1984.

Джавад Мир Джавадов уже давно пишет красками по полотну его кажутся рельефными, настолько щедро, роскошно, насыщена живописная палитра.

Ирина ЧЕРКОВСКАЯ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И ЗАКОН

Вопрос — кому быть хозяином изобретения — дискутируется не одно десятилетие. Предложения разные, например: хозяином изобретения может быть его автор. Или предприятие, где оно создано... Иногда возникают промежуточные варианты. Академик Велихов полагает, что «в патенте могут быть указаны два патентообладателя — автор изобретения и предприятие, где оно было создано. Причем оба патентообладателя пользуются изобретением на основе заключаемого ими соглашения».

Сейчас право на изобретение принадлежит государству. Общее мнение: такая система не соответствует новому хозяйственному механизму. Государство практически экспроприирует изобретение у его автора. И оно остается беспризорным. Отсюда беды с внедрением.

От действующей системы решили отказаться. И пришли к мнению закрепить изобретение за предприятием, где оно сделано. То есть сначала изобретение забирает государство, теперь на него претендует предприятие. Права на уникальный творческий результат, выражающий личность автора, отделяются от этой личности.

Говорят при этом о новом хозяйственном механизме, о необходимости заинтересовать предприятие в создании и использовании изобретений. Но экономическая реформа предполагает, что обоснованны только те выгоды, которые заработаны. Остальное относится к нетрудовым доходам. Если изобретение есть результат труда его автора, а предприятие создавало лишь благоприятные условия для творчества, то адекватной компенсацией были бы лишь льготы по его использованию в собственном производстве. Дальнейшая судьба изобретения пусть остается в руках изобретателя. И не надо опасаться его произвола. Не будет он препятствовать использованию своего детища. Не враг он самому себе. И пусть поступает так, как сочтет правильным. Хочет — отдаст конкретному предприятию. Хочет — государству в целом.

Главные проблемы сейчас — с внедрением изобретений не по месту их создания. Существуют объективные трудности и при бесплатном внедрении, а система закрепления за предприятием рассчитана на введение платежей. Это может стать еще одним препятствием широкому использованию нового. Если прибыль для предприятия главное, оно еще подумает, распространять ли изобретение, ведь более выгодным может оказаться монопольное производство. Или заломит за него такую цену, что приобретение станет нерациональным.

Да и не справиться одному предприятию, у которого и своих дел хватает, с распространением изобретения. Нужен посредник.

Что же касается компромиссного предложения о «совместном» хозяине, то совершенно невозможно предположить, чтобы каждый из «хозяев» изобретения самостоятельно и независимо от другого продавал на него лицензию. Или — один использовал в производстве, а другой продавал лицензию. Вообще при столкновении двух прав в выигрыше всегда экономически более сильный партнер. Автора связывают с предприятием не только изобретательские, а прежде всего административные, служебные отношения. Опыт показывает, что противостоять давлению своего «работодателя» он, как правило, не в состоянии и вынужден «соглашаться». Компромисса на деле нет.

Я коснулся только одного сюжета из проекта Закона об изобретательстве. Их значительно больше. Боюсь, что ситуация с ними не лучше.

Объявлено, что проект Закона будет опубликован для всеобщего обсуждения. Не свелось бы дело к чисто формальной процедуре, как, увы, уже бывало. Подлинное обсуждение, а не его видимость, требует времени. Может быть, стоит опубликовать конкурирующие проекты. Опыт показывает, что месяц-двух для серьезного проведения этой работы недостаточно. Нереально короткие сроки рассчитаны на принятие лишь мелких поправок и одобрение проекта в целом. Обсуждение необходимо проводить до одобрения проекта в высших инстанциях. Иначе велика опасность, что все сведется к формальности.

Не загубить бы изобретательство на много лет вперед...

Виктор ДОЗОРЦЕВ,
доктор юридических наук, профессор

СЛОВО ЧЕРЕЗ КОСМОС

Начало на центральной вкладке.

приемлема. И лишь совсем недавно эта тема тоже стала доступной для печати.

...Прежде казалось — все происходит так: руководитель государства заходит в особую комнату, дежурный связист тут же снимает трубку специального телефонного аппарата... Нет, это неверно. Телефона не было даже с самого начала, то есть двадцать пять лет назад: связь уже тогда осуществлялась шифровками по телетайпам, точнее говоря — по двум низкоскоростным телеграфным каналам. Внешне это напоминало, будто люди по оба конца линии обмениваются телеграммами. В принципе эта схема действует и поныне, хотя неизмеримо усложнилась сама технология передачи сообщений.

Сначала трасса была организована по кабелю, лежащему на дне океана. Поскольку надежность кабеля всегда считалась недостаточной, связь дублировалась коротковолновым радиоканалом через ретранслятор в Танжере. Но пришла эра спутников связи, и в 1977 году «горячая линия» стала космической. Наверное, стоит добавить, что все эти технические вопросы специально обсуждаются представителями двух государств, принимаются официальные международные документы. Очередная такая договоренность — вернее, дополнение к соглашению 1984 года — касалась факсимильной шифрованной линии: теперь можно передавать карты, схемы, рисунки — короче, любую графическую информацию.

Как все это происходит, видно на снимках, которые мы публикуем. Часть фотографий сделана в Соединенных Штатах, другие снимки — наши. Вот, например, дежурная аппаратура в Кремле. Три «трехэтажных» стенда с приборами — это терминалы трех параллельных, не связанных между собой каналов «горячей линии»: два канала идут через два спутника, третий — по трансатлантическому кабелю. Есть и четвертый канал, технический, — для обслуживания всей этой системы связи. Понятно, зачем нужна такая сложная схема: может выйти из строя один из спутников, может порваться подводный кабель, но Москва и Вашингтон не потеряют контакта.

Сама аппаратура — дисплеи, персональные компьютеры, установок факсимильной связи, рассчитывающие устройства — может считаться обычной, стандартной, но, конечно, соответствующей последнему слову техники. Разумеется, у нас и у американцев она должна быть одинаковой — ведь работает единая линия! В эфир «уносятся» лишь шеренги цифр, видимых на голубых экранах дисплеев, — это та самая информация, секретность которой обеспечивает нашу с вами спокойную жизнь. Вот, собственно, и все тайны «горячей линии»...

Но есть еще одна сторона двадцатипятилетней ее истории — техническая. Прежде чем попасть с американского дисплея на советский или наоборот, эти цифры, преобразованные в сигналы, должны совершить длиннейшее путешествие. Из Кремля — к антеннам московской Останкинской башни, затем — в подмосковную Дубну, потом через космос — на американский континент и через спутниковую станцию Западной Виргинии — к Вашингтону. Чтобы получить представление о работе этого огромного моста связи, мы отправляемся в Дубну, на берег тихой речки с тем же названием, где невидимая линия, оторвавшись от земли, устремляется в космос.

Мы знали, что едем на какой-то особый объект, и ожидали канители с пропускной системой, сложностей охраны, но... без секундной задержки, держа в руках редакционные удостоверения, миновали скачущего вахтера в ковбойке, в маленькой проходной с табличкой «Международный Экспериментальный центр спутниковой связи «Дубна — Интеркосмос».

Вся территория Центра просматривается как на ладони: два более или менее солидных здания, несколько построек типа коттеджей, и — целый комплекс разнокалиберных антенн, отличающихся по размерам, но одинаково напоминающих либо поставленные криво на ребро гигантские блюдца, либо великанские белые зонтики, разбросанные по зеленой опушке. Эти живописные параболы, нацеленные на небо, забрались даже на крышу большого трехэтажного дома, и весь этот антенный городок производил настолько серьезное впечатление, что, признаюсь, меня сначала даже покорило — с каким размахом оборудована правительственная связь (сразу вспомнилось, каково поговорить из Москвы, например, с Серпуховом или, там, с Валдаем). С этого вопроса и начался наш разговор с одним из дежурных инженеров, и сразу выяснилось, что дубнинский Центр выполняет не только эту важнейшую функцию, но и ряд других задач.

Именно отсюда транслируются на спутник все телефонные разговоры, которые ведутся из нашей страны со странами атлантического региона, да еще

«транзитом» Дубна связывает через космос телефонных абонентов из европейских социалистических стран с абонентами из США, Канады, Кубы, Сирии и так далее. По тем же спутниковым каналам ведется через Дубну телеграфная связь... Кроме того, вспомните: мы уже давно привыкли, что телевидение по многу раз в день показывает нам зарубежные видеосюжеты сегодняшних новостей — так вот, эти видеосюжеты принимаются сначала в Дубне, а уж отсюда передаются на телецентр в Останкино. А ставшие привычными «телемосты»? Мне, например, до сих пор казалось, что они упираются одним из своих концов прямо в останкинскую телебашню; оказывается, нет, лишь от Дубны, с этих вот «зонтичных» антенн связь становится по-настоящему космической.

Кстати, почему этих антенн так много? Здесь пора представить моего собеседника — начальника 2-го цеха Владимира Мочалова.

— Каждая антенна обслуживает свои трассы связи: одна идет через нашу систему «Интерспутник», другая — через американскую систему «Интелсат». Спутники запущены так, что как бы висят все время над одной точкой земного шара — примерно над центром Атлантики...

Космос, спутники, океанские глубины, далекие континенты... Сейчас, в нашем разговоре, это были не какие-то отвлеченные понятия, а обычная служебная терминология сидящего напротив меня человека. Он произносил все эти слова буднично, привычно, с чуть заметным местным оканьем. И эта мелочь как-то особенно подчеркивала, что мы находимся в маленьком городке самого центра исконной России — на самом берегу Волги... Владимир Иванович подтвердил: да, он выходец из этих мест, из города Муром. Работал на заводе, учился заочно в институте, а получив диплом, стал инженером на станции дальней космической связи в Гусь-Хрустальном, та станция обслуживает страны региона Индийского океана. А в Дубну его пригласили, когда здесь перед Московской Олимпиадой была построена новая станция и на нее набирали самых опытных и квалифицированных специалистов: новому центру связи предназначались особенно ответственные роли. И мне, например, кажется символическим, что в поисках высококлассных специалистов по спутниковой связи не пришлось обшаривать всю страну; многие, с кем удалось здесь поговорить, произносят слова с тем же местным оканьем.

Впрочем, людей здесь не так уж много, и три этажа большого здания под сенью огромных антенн кажутся пустоватыми по сравнению с тем обилием электроники, которой этот дом буквально начинен.

— Вот эта стойка, — показывает Мочалов на «шкаф» аппаратуры со светящимися глазками, — обслуживает «горячую линию»... Сейчас, — Мочалов бросает взгляд на экран осциллографа, — это «холодная линия»: связи нет. Но каждый час запланирована проверка.

— В чем она состоит?

— Операторы, которые в Москве дежурят круглосуточно, передают проверочные тексты.

— А в Дубне...

— Здесь тоже круглосуточная работа, мы отсчитываем время по Гринвичу — ведь я говорил, что у нас не только правительственная линия связи, но и телефон, телеграф, телевидение — все, что идет через космос. Вот вы интересуетесь сейчас «горячей линией» — там, конечно, любой сбой в связи недопустим. Но когда, предположим, идет «обычная» трансляция телепередачи с другого континента, ответственность не меньше — мы не имеем права допустить срыва изображения: если секундные помехи по нашей вине — уже плохо, если больше пяти секунд — это настоящее ЧП.

— А если, как теперь все шутят, «помехи не на нашей территории»?

— Нет, вы напрасно, космическая связь действительно работает очень устойчиво, сбои чаще всего возникают на земле, не по вине связистов. Мы только следим за качеством сигнала, который уходит «на борт» спутника или приходит оттуда.

— А сами с американцами разговариваете?

— Да, у нас есть канал рабочей связи, мы по телетайпу ведем необходимые переговоры. Вот видите, — Владимир Иванович берет в руки бумажную ленту, — телетайп принял сообщение: «МСК от ФД. Добрый день, дорогие коллеги...» Это значит — Москва по системе «Интерспутник» принимает сообщение с американской станции в Форт-Детрик, штат Пенсильвания. Дальше — наш ответ: проблем никаких, связь нормальная. А вот через «Интелсат» операторы первого цеха связываются со станцией «Этам». У нас рабочим языком принят русский, в первом цехе — английский...

Первый цех — вот он, рядом со вторым, их не разделяет не то что стенка — даже черточки условной нет между «государствами» в этом общем зале. Нет границы здесь, нет ее в космосе... Наверное, не пришло пока еще время мечтать о том, чтобы границ не стало вообще, но то, что мы уже сейчас понемногу их убираем, — очень добрый знак!

видев, что я положил ручку, Анастас Иванович коротко бросил:

— Запиши, что я сказал!

От всего этого я несколько оторопел: для кого предназначалась столь выспренность декларация? Голюков говорил о своих подозрениях, а эти слова перечеркивали все сказанное.

Василий Иванович недоуменно посмотрел на Микояна. В глазах мелькнул страх. А я в который уже раз подумал, что напрасно ввязался в это дело.

Анастас Иванович встал, давая понять, что разговор закончен.

— Если у вас будут какие-то добавления или новости, позвоните Сергею. Когда понадобится, мы вас вызовем, — и, повернув голову ко мне, Микоян закончил, — оформи запись беседы и передай мне. Я третьего улетаю на Пицунду.

— Я тоже поеду туда, хочу догулять отпуск, — ответил я.

— Туда и привезешь запись. Никому ее не показывай, ни одному человеку. Я расскажу обо всем Никите Сергеевичу, посоветуемся.

Анастас Иванович протянул Голюкову руку.

— Сергей отвезет вас.

По ярко освещенной лестнице мы спустились в пустую прихожую. Одевались торопливо, чтобы нас не заметили. Но дом был пуст. Василий Иванович нервничал, пытался скрыть свое волнение, и от этого нервничал еще больше.

Мы сели в машину.

— Анастас Иванович мне не понравился. Напрасно мы вообще к нему поехали, — огорченно произнес Голюков.

Я стал его успокаивать:

— Вы поступили совершенно правильно. Последние слова носили просто характер общей декларации. До проверки Анастас Иванович не хотел бросать тень на членов Президиума ЦК.

Василий Иванович не стал со мной спорить, но было видно, что он крайне подавлен. Условившись при необходимости созвониться, мы расстались.

Больше я Голюкова не видел. События вскоре понеслись вскачь, и было не до встреч.

Я очень беспокоился за его судьбу — наверняка Игнатов все знал и не преминул расправиться с «изменником». А может, его арестовали? Окольными путями я позднее выведал, что неприятности у Василия Ивановича были, но всерьез им не занимались и вскоре оставили в покое. Больше наши пути не перекрещивались.

На следующее утро я, как обычно, был на работе. Нужно было ликвидировать долги перед отпуском, как всегда, накопилось много дел — завершались одни проекты, начинались другие. И, главное, нужно было успеть оформить стенограмму беседы.

Расшифровать ее — я расшифрую. А как быть дальше? Печатать я не умею, а доверить эту тайну кому-то постороннему невозможно и подуматься. Есть у нас, конечно, машинописное бюро, где печатают самые секретные документы. Может, отдать туда? Нет, слишком рискованно. Придется писать от руки. Почерк у меня препаришевый, но выбора нет.

Разложив свои листочки, я принялся за работу. Писал разборчиво, почти печатными буквами. Дело продвигалось медленно. Я вспоминал каждую фразу, старался не упустить ни слова. Посте-

пенно втянулся, разговор врезался мне в память намертво. Крупные буквы заполняли страницу за страницей. Откуда-то пришло чувство собственной значимости, причастности к решению проблем государственной важности. Тревога последних дней отступила на второй план. Свою роль я выполнил. Сейчас Микоян уже на Пицунде, там они разберутся что к чему и примут все необходимые решения.

Вот и последняя страница. Заявление Анастаса Ивановича я опустил — как-то оно не укладывалось в общий тон сухого перечисления фактов. Ведь пишу я не декларацию, а справку для памяти.

Аккуратно собрал исписанные листы. Получилось хорошо, читается легко, буквы все четкие, разборчивые. Мелькнула мысль: «Надо было бы под копирку сделать второй экземпляр». И тут же ее отбросил: «Зачем? Документ слишком секретный. Мало ли кому он может попасть в руки?» В тот момент я не мог себе представить реальной судьбы этой записки. Потом пришлось восстанавливать все по моим заметкам, благо хватило ума их не сжечь...

Теперь оставалось только проститься с Челомеем, и можно трогаться в путь. Владимир Николаевич меня принял немедленно. Он был полон впечатлений от последних встреч на полигоне и остро переживал постигшую нас неудачу. В ней он больше всего винил Дмитрия Федоровича Устинова, для которого не жалел эпитетов. Постепенно страсти улеглись и разговор перешел на наши повседневные дела.

— Ты должен больше помогать мне, — неожиданно произнес Владимир Николаевич.

Я несколько опешил и стал говорить о наших делах, о предполагаемых решениях, своих задумках.

Челомей перебил меня:

— Нет, я о другом. Хватит тебе сидеть заместителем начальника КБ у Самойлова. Это конструкторское бюро ты должен возглавлять сам. Так лучше для дела и мне ты сможешь больше помогать. Надо расти.

Как и всякому человеку, мне было лестно такое предложение. Похвалы всегда приятны.

К ответу я не был готов — меня моя должность устраивала, и я не задумывался о служебном продвижении, тем более, что считал своих начальников людьми достойными и знающими.

В свою очередь, я задал вопрос:

— А куда вы думаете назначить Самойлова?

— Найдем куда, — отмахнулся Челомей, — пусть тебя это не беспокоит.

Но я все же стал настаивать. Чувствовалось, что у Владимира Николаевича решения нет и он начал импровизировать на ходу:

— Назначим его начальником приборного производства. Будет реализовывать твои разработки. И вообще, что ты о нем беспокоишься? Я его работой недоволен, пора менять. Ты на эту должность подходишь куда лучше.

С такой ситуацией я согласиться не мог. Самойлов много лет работал начальником КБ, с делами справлялся не хуже других, а к тому же был моим другом. Занимать его место я не хотел.

Однако спорить я не стал. О чем бы я ни говорил, что бы ни делал, в подосознании острой занозой сидели разговоры с Голюковым, его предупреждения.

Вот и сейчас я подумал: «А интересно, что бы сказал Челомей, знай он то, что знаю я? Продолжил бы он свой

разговор?» Здравый смысл и практика взаимоотношений в нашем ОКБ отвечали: нет.

— Владимир Николаевич, какой смысл обсуждать все это перед отпуском? Вот вернусь и, если вы не переживаете, можно будет возобновить разговор, — ответил я.

— Я уже все обдумал, и решение принято. Так и считай. Вернешься из отпуска, оформим приказом, — отрезал Челомей.

К этому разговору мы не возвращались никогда...

Итак, я — в отпуске.

Позади короткий перелет, и вот уже машина тормозит у знакомых зеленых ворот пицундской дачи. В доме все идет по давно заведенному распорядку. Отец занят послеобеденной почтой.

Коротко здороваемся.

— Ты пообедай, а я пока закончу читать. Потом пойдем погуляем, — говорит он и возвращается к тоненьким листочкам с красной типографской шапкой — расшифрованным донесениям послов.

Все как обычно.

Через час-полтора дела закончены, и мы выходим на аллею, тянущуюся вдоль пляжа. Но сначала заходим в соседний дом за Микояном.

Мне не терпится узнать, что же происходит, но вопросов не задаю. Надо будет — сами скажут.

И все-таки, не утерпев, вставляю в их разговор:

— Я привез запись, Анастас Иванович. Что с ней делать?

— Вернемся, отдашь Анастасу, — отвечает за Микояна отец. — Вчера привезал к нам Воробьев, секретарь Краснодарского крайкома, — продолжил он. — Мы его спросили обо всех этих разговорах с Игнатовым. Он все начисто отрицал. Оказывается, ничего подобного не было. Он нас заверил, что информация этого человека, забыл его фамилию, — плод воображения. Он у нас тут целый день был. Еще пару индюков в подарок привез, очень красивых. Ты сходи на хозяйственный двор, посмотри.

Считая тему исчерпанной, отец вернулся к текущим делам.

Я оторопел. Так, значит, они все эти дни не только ничего не предпринимали, но даже не пытались выяснить, соответствует ли истине полученная информация?

«Поговорили с Воробьевым», — но если он действительно о чем-то договаривался с Игнатовым, что-то знает, то, без сомнения, им ничего не скажет. Интересно, чего они ожидали: признания в подготовке отстранения Хрущева? Что это? Наивность? Как можно проявлять такое легкомыслие?

Только значительно позже я понял истоки поведения отца. Он не верил, не хотел верить в возможность такого поворота событий. Ведь люди, в адрес которых выдвинуты обвинения, были его друзьями в течение десятилетий! Если не верить им, то кому же верить? К тому же семидесятилетний отец устал, безмерно устал морально и физически. У него не было ни сил, ни желания вступать в борьбу за власть. Пусть все идет своим чередом, я вмешиваться не буду, — очевидно, решил он.

...Дорожка была узкой, втроем в ряд не уместиться. Я несколько поотстал и предался своим невеселым мыслям. Начало смеркаться. Стал накрапывать мелкий дождик.

Наконец, мы вернулись к даче. Микоян сказал, что пойдет к себе, а после ужина зайдет. Отец пригласил его ве-

чером посмотреть присланный из Москвы новый кинофильм.

Пока они разговаривали, я сбегал в свою комнату и принес папку с записью беседы. Правда, я уже перестал понимать, нужна ли она еще кому-нибудь здесь, на Пицунде.

Анастас Иванович, не раскрывая, сунил папку под мышку и ушел к себе.

Итак, свою роль я выполнил до конца, мне оставалось ждать дальнейшего развития событий, если они, конечно, наступят.

Оказалось, однако, что в этот день мне уготовано участие в еще одном, правда, совсем незначительном эпизоде.

Вечером, после окончания фильма, Анастас Иванович попросил меня зайти. Недоумевая, я пошел следом за ним.

На даче Микоян жил один. Мы поднялись на второй этаж, и он жестом пригласил меня в спальню. Там он открыл трехстворчатый гардероб и, согнувшись, полез рукой под высокую стопку белья, лежавшую на нижней полке. Поблизившись, он достал из-под белья мою папку.

— Все правильно записано, только добавь в конце мои слова о том, что мы полностью доверяем и не сомневаемся в честности товарищей Подгорного, Брежнева и других, не допускаем мысли о возможности каких-то сепаратных действий с их стороны.

Микоян говорил «мы» по привычке, от имени Президиума ЦК. Меня это не удивило.

Мы вышли из спальни в столовую, точно такую же, как и у нас на даче. Даже мебель и чехлы на ней были одинаковы.

— Садись, пиши.

Я присел и начал писать. Анастас Иванович стоял рядом, изредка поглядывая через мое плечо.

Закончив писать, я протянул ему рукопись. Он внимательно прочитал последний абзац и удовлетворенно кивнул. Некоторое время он о чем-то раздумывал, потом протянул листы мне назад.

— Распишись.

Я удивился: это же не официальный документ.

— А зачем?

— Так лучше. Ведь ты же записывал беседу.

Никаких оснований возражать у меня не было. На многочисленных стенограммах, которые мне приходилось читать вслух отцу, всегда внизу стояло: «Беседу записал такой-то».

Я взял листок и расписался.

— Вот теперь все хорошо. — Анастас Иванович аккуратно подровнял листы, сложил их в папку и молча направился в спальню. Я не знал, что мне делать, и, секунду поколебавшись, так же молча последовал за ним. Микоян открыл шкаф и засунул папку под стопку рубашек.

Повернувшись, он уловил мой недоуменный взгляд.

— Здесь будет сохраннее, — немного смутившись, пояснил Анастас Иванович, — а вообще этот твой человек, видимо, много навывдумывал. Воробьев вчера полностью все отрицал. Бывает, у людей излишне разыгрывается подозрительность.

Я попытался осторожно заметить, что если сказанное Голюковым — правда, то вряд ли Воробьев — участник всего этого дела — сразу, без каких-то доказательств, признается.

— Ладно, иди домой, — ответил Микоян, явно не желая обсуждений.

Когда я вернулся, отец уже ушел

Сергей ХРУЩЕВ

Часть III

ПЕНСИОНЕР СОЮЗНО

ТО ЗНАЧЕНИЯ

к себе дочитывать вечернюю порцию бумаг.

Утро двенадцатого октября встретило нас теплой, ясной погодой. Невысокое солнце слабо пригревало. На тумбах вокруг дома торчали шапками яркие георгины, атели канн — последние цветы уходящего летнего сезона.

О Голюкове и его предупреждениях не вспоминали. Микоян не появлялся, а отец после завтрака и массажа удобно расположился в кресле на открытой террасе плавательного бассейна, выстроенного у самой кромки воды. Рядом с ним стоял легкий плетеный столик с аппаратом «ВЧ».

Я пристроился рядом. Море притягивало взгляд. Волны серебрились и с мягким шорохом накатывались на пустой пляж. До него было метров десять.

— Что там у нас? — спросил отец помощника, державшего в одной руке толстую папку с полученными сегодня из Москвы документами. В другой у него был тугой портфель с бумагами, ждущими своей очереди: материалы новой Конституции, докладные записки, проекты постановлений, требующие изучения.

— Ничего срочного, Никита Сергеевич, — ответил Владимир Семенович Лебедев. Сегодня была его очередь докладывать почту.

— Хорошо, сейчас посмотрим. А как дела с материалами по Конституции?

— В ближайшие дни обрабатываем ваши замечания и представим, — как обычно вежливо улыбнулся Лебедев.

— Мы тут на свободе занялись подготовкой текста новой Конституции. Затянули это дело. Хотелось к Пленуму в ноябре подготовить редакцию для обсуждения. Я надиктовал свои мысли, сейчас над ними работают, — пояснил мне отец.

Много ответа не требовалось. Я мог слушать доклад молча, пока очередь не доходила до секретных документов. Тогда отец обычно кратко бросал: «Сходи-ка погуляй...»

— Завтра вы принимаете француза Гастона Палевского — государственного министра. Он прилетит вечерним самолетом, — напомнил Лебедев: — Вот справка о нем.

— Хорошо, положите. С гостем поступим так: привозите его часа в два. Мы с ним поговорим, а потом погуляем по парку и пообедаем вместе, — отозвался отец.

Лебедев положил на стол тонкую бумажную папку со справкой, а рядом легли толстые папки: зеленая — с материалами зарубежной прессы, красная — с шифровками послов и серо-голубая — с бумагами, поступившими из различных ведомств. Сам Владимир Семенович сел рядом на стул и приготовился докладывать. Последнее время помощники все чаще читали бумаги вслух, зрение у отца стало хуже, глаза быстро уставали. Только документы, требующие особого внимания, он читал сам.

Сегодня отец не торопился приступить к просмотру почты. День был не совсем обычным — утром должны были запустить на орбиту космический корабль «Восход» с экипажем из трех человек.

Отец внимательно следил за каждым запуском. Ракетная и космическая техника были его любимцами, и он всей душой болел за каждый новый шаг, с детской непосредственностью радовался удачам и горько переживал неполадки. Аварийных запусков с космонавтами не случилось, но никто не был от них застрахован. Именно поэтому он запрещал такие запуски приурочивать к праздникам: вдруг произойдет несчастье.

— Работайте спокойно, без спешки, не гонитесь за торжественными датами. Пускайте людей только после тщательной подготовки, — неоднократно повторял он Королеву.

Час запуска был известен отцу, и он то и дело поглядывал на небольшие прямоугольные карманные часы, пода-

ренные ему Лео Сцилардом, известным физиком. Отец очень дорожил этими часами и с удовольствием демонстрировал их всем желающим. Часики были заключены в стальной футляр, состоящий из двух половинок, раздвигающихся в стороны. Тогда становился виден циферблат. При открывании и закрывании часы подзаводились, это особенно нравилось отцу, он любил остроумные технические решения.

Льстило ему и то, что это подарок от такой мировой знаменитости, как Сцилард.

Отец любил рассказывать, что сказал ему Сцилард, вручая эти часы:

— Я хотел подарить вам какой-нибудь сувенир, доставивший бы вам удовольствие. Не хотелось делать формальный подарок. Эти часы очень удобны, я сам ношу такие — они закрыты в корпусе и не разобьются, их не надо заводить по утрам. Нам, пожилым людям, бывает тяжело носить наручные часы, они мешают кровообращению. Надеюсь, вы будете ими пользоваться.

Искренность и сердечность очень тронули отца, запали ему в душу. И сейчас, сидя в кресле, он поигрывал часами, то и дело открывая и закрывая крышки.

— Запуск прошел, — объявил он и посмотрел на телефон. Телефон молчал.

— Еще рано, наверное, не успели получить информацию.

Обычно сразу после запуска отцу звонил заместитель Председателя Совета Министров, отвечающий за ракетную технику, докладывал о результатах, потом звонил Королев, иногда Малиновский. Каждому хотелось первым сообщить приятную весть и получить свою порцию комплиментов.

Сам отец не звонил, не справлялся, как идут дела.

— Пусть спокойно работают. Помочь я им ничем не могу, а звонки начальства только нервнируют, люди начинают спешить, могут ошибиться. В этом деле ошибки недопустимы, — разъяснял он свою позицию.

На сей раз телефон молчал долго. Отец занялся бумагами, но сосредоточиться не мог. То и дело он поглядывал на массивный белый аппарат. Никто не звонил. Прошло полчаса, сорок минут — молчание становилось все более странным.

Если все благополучно, то космонавты давно на орбите; если произошла задержка или авария, то тоже должны были уже сообщить...

Мне стало не по себе. Казалось, о Хрущеве забыли, сбросили со счетов, и никто уже не интересовался ни его мнением, ни его распоряжениями. Что-то зловещее было в этом молчащем телефонном аппарате. Засосало под ложечкой, опять невольно вспомнились Голюков, события последних недель.

«Нет, это неспроста», — подумал я. Видимо, у отца тоже появились такие мысли, и он приказал Лебедеву:

— Соедините меня со Смирновым.

— У телефона Смирнов, — через минуту доложил Владимир Семенович.

Связь действовала отлично.

Отец взял трубку.

— Товарищ Смирнов, — сдержанно произнес он, — как дела с запуском космонавтов у Королева? Почему вы не докладываете?

В голосе слышалось раздражение. Смирнов, очевидно, ответил, что с запуском все нормально, космонавты уже на орбите, чувствуют себя хорошо.

— Так почему вы мне не докладываете?

Раздражение переросло в гнев.

— Вы обязаны были немедленно доложить мне результаты!

Смирнов, видимо, сказал, что не успел позвонить. Он, конечно, уже все знал и не торопился звонить отцу. Для него смена власти фактически произошла...

Несомненно, столь необычное поведение могло бы насторожить отца, но что он мог сделать, будучи здесь, на Пицунде...

— Как это «не успели»? Я не понимаю вас! Ваше поведение возмутительно! — бушевал отец.

Судя по реакции, Смирнов слабо оправдывался.

— Товарищ Смирнов, учтите, я требую от вас большей оперативности! Вы затягиваете решение вопросов! — Отец перешел к другой теме: — На полигоне вам поручили подготовить предложения по новой ракете Королева. Срок давно истек, а предложений нет! Учтите, я вами недоволен!

Отец бросил трубку. Постепенно гнев его остывал.

Попросил соединить с Королевым. Тепло поздравил его с очередной победой, пожелал новых успехов коллективу.

Успокоившись, занялся текущими делами.

— Чего тебе без дела сидеть, — обратился он ко мне с улыбкой, — почитай-ка ТАСС, а Лебедев пока отдохнет.

Я открыл толстую зеленую папку и начал читать информацию ТАСС — сообщения иностранной прессы. Лебедев потихоньку ушел. Через полчаса он вернулся и сообщил, что вскоре с космическим кораблем будет установлена прямая связь.

— Никита Сергеевич, вы поприветствуете космонавтов?

— Конечно. Им это будет приятно, и для меня поговорить с ними — удовольствие. Предупредите Микояна, пусть тоже подходит.

— Связь лучше всего организовать из маленького кабинета, не надо будет подниматься на второй этаж. Журналисты очень хотят сделать снимки. Вы не возражаете? — спросил Лебедев формального разрешения, заранее зная результат.

— Конечно. Когда все будет готово, предупредите меня.

Отец обожал эти телефонные разговоры с космонавтами. Он с детской непосредственностью восхищался техникой, которая позволяет вот так просто, из дачного кабинета, связаться с космическим кораблем. Он гордился этими достижениями, видел в них частичку и своего труда.

— Пусть люди порадуются, ощутят наше внимание. Им там нелегко, — повторял отец, когда к нему обращались по поводу приветствия космонавтов или их торжественной встречи в Москве.

Пришел Анастас Иванович. Они начали обсуждать какие-то дела, ожидая приглашения к телефону.

Наконец, появился Владимир Семенович Лебедев и доложил, что все готово.

Маленький кабинет — комната площадью около 15 квадратных метров — располагался рядом со столовой на первом этаже. Стены были закрыты панелями красного дерева. В углу стоял письменный стол, тоже красного дерева, затянутый зеленым сукном, с батареей телефонов на крышке. Обстановку дополняли обтянутые кожей стулья и диван с гнутой спинкой. Из-за мебели в комнате было тесновато. Двери кабинета выходили прямо на большую веранду, обращенную к морю.

Раньше здесь была проходная комната. Последнее время отцу стало трудно подниматься по лестнице, а все телефоны стояли в кабинете на втором этаже.

Вот и оборудовали этот кабинетик, чтобы отец мог без помех связаться с Москвой, когда работал на террасе.

Надо сказать, что отец не любил пользоваться кабинетом и обычно пристраивался со своими бумагами в конце обеденного стола в большой столовой на втором этаже или же внизу на свежем воздухе. Но больше всего он любил открытую террасу у плавательного бассейна.

Сейчас комната была забита людьми с фото- и киноаппаратами, по углам стояли софиты, заливавшие все вокруг ярким светом, по полу тянулись в разные стороны толстые провода.

Отец с Микояном вошли через бал-

конную дверь. Защелкали фотоаппараты, возникла обычная в таких случаях толчея.

Дежурный связист доложил, что связь будет установлена через одну-две минуты, и, не выпуская трубки из рук, чуть-чуть посторонился, пропуская отца к креслу, стоящему у стола. Микоян расположился рядом на стуле.

Лебедев, вооружившись фотоаппаратом, присоединился к корреспондентам. В их толпе я заметил и начальника охраны Литовченко.

Я остался у двери, стараясь не попасть в кадр. Внутри места уже не было.

— Есть связь, — торжественно объявил дежурный.

Отец взял трубку. Защелкали фотокамеры, еще ярче вспыхнули софиты. Началась киносъемка.

Разговор был похож на все предыдущие беседы с космонавтами на орбите. Взаимные поздравления и пожелания успехов перемежались шутками.

— Вот здесь рядом со мной Микоян, просто вырывает трубку, — закончил отец.

К телефону подошел Анастас Иванович. Опять поздравления, пожелания благополучного возвращения.

— Космический корабль выходит из связи, — предупредил дежурный.

Приветствия окончены. Все стали расходиться.

Подошло время обеда. Пообедали все вместе. После обеда отец остался в столовой и занялся своими бумагами. Рядом сидел Лебедев. Я примостился с книгой на диване.

Мое внимание привлекли слова Лебедева. Передавая очередной документ, он произнес:

— Это объяснение, которое написал Аджубей.

Я бросил книгу и стал прислушиваться. Отец молча прочитал отпечатанный на машинке текст и отложил листки в сторону.

Я недоумевал: что случилось?

Недавно в качестве личного представителя Хрущева Аджубей побывал в Западной Германии. Эра Аденауэра кончилась, и обе страны осторожно нащупывали почву для сближения. Одним из шагов навстречу друг другу должна была послужить поездка Аджубея в Бонн. Он был удобной фигурой: с одной стороны, лицо неофициальное, главный редактор газеты, с другой — зять Премьера. Все сказанное ему достигнет ушей, которым информация предназначалась. На эту поездку отец возлагал большие надежды. В случае удачи он сам собирался нанести визит западным немцам.

Любознательство победило, и я задал вопрос вслух:

— Что случилось?

Отец поднял голову.

— Сам еще не понимаю. По разведывательным каналам поступила информация, что Алексей в Бонне наболтал лишнего. Я попросил его написать объяснение в Президиум ЦК. Может, какая-то провокация?..

История, как выяснилось, заключалась в следующем. Результаты советского зондажа с целью установить прямые контакты между двумя странами интересовали всех: ведь разрядка между СССР и ФРГ неизбежно меняла весь политический климат в Европе. Особо пристальное внимание привлекала поездка Аджубея в некоторых братских странах — для них многое зависело от того, как сложатся отношения СССР и Западной Германии.

Хотя руководители соцстран постоянно обменивались политической информацией, разведки дружественных государств следили за каждым шагом Аджубея в Бонне, стараясь не упустить ни одного слова.

Усердие окупилось с лихвой. В одном из донесений говорилось, что в ответ на осторожный зондаж, может ли улучшение отношений между Россией и Западной Германией повлиять на существование Берлинской стены, Аджубей якобы ответил, что, когда придет Хру-

щев и увидит сам, какие немцы хорошие ребята, от стены не останется камня на камне.

История выглядела подозрительной, но наши друзья сообщили, что разговор записан на магнитофон. Положение создавалось чрезвычайно щекотливое...

Обо всем этом Семичастный доложил Президиуму ЦК.

В своем объяснении Аджубей все на чисто отрицал. Конечно, не исключено, что пленку подсушила разведка ФРГ, желая вбить клин между нашими странами. Но если информация Голюкова соответствовала истине, то пресловутая пленка подоспела как раз вовремя. Ведь речь шла уже не об Аджубее, а о Хрущеве, который доверил ему проведение столь важной и деликатной миссии.

Эта история так и осталась невыясненной: после отставки Никиты Сергеевича ею никто не занимался. Видимо, игра была сыграна, и боннский эпизод уже никому не был нужен...

...Наступал вечер. Еще один день мирно заканчивался.

Отец и Микоян не спеша прогуливались по аллейке вдоль моря. Девятьсот метров туда, девятьсот — обратно. Сзади, стараясь не попадаться на глаза начальству, следовала охрана. Стемнело. На небе в просветах между тучами засветились первые звезды.

Прогулку прервал подбежавший дежурный:

— Никита Сергеевич, вас просит к телефону товарищ Суслов.

Все свернули к даче. Отец с Микояном вошли в маленький кабинет, где стоял аппарат «ВЧ». Я последовал за ними. Охрана осталась в парке.

Отец снял трубку.

— Слушаю вас, товарищ Суслов.

Наступила длинная пауза, Михаил Андреевич что-то говорил.

— Не понимаю, какие вопросы? Решайте без меня, — произнес отец.

Опять пауза.

— Я же отдыхаю. Что может быть такого срочного? Вернусь через две недели, тогда и обсудим.

Отец начал нервничать.

— Ничего не понимаю! Что значит «все собрались»? Вопросы сельского хозяйства будем обсуждать на Пленуме в ноябре. Еще будет время обо всем поговорить!..

Суслов продолжал настаивать.

— Хорошо, — наконец сдался отец. — Если это так срочно, завтра я прилечу.

Узнаю только, есть ли самолет. До свидания.

Он положил трубку.

— Звонил Суслов, — обратился он к Микояну. — Якобы собрались все члены Президиума и у них возникли какие-то срочные вопросы по сельскому хозяйству, которые надо обсудить перед Пленумом. Настаивают, чтобы я завтра же прилетел в Москву. Ты слышал, я хотел отложить до возвращения из отпуска, но они не соглашаются. Придется лететь. Ты полетишь?

— Конечно.

— Ну, что ж. Надо решить, как быть с завтрашней встречей, и попросить подготовить самолет... Литовченко, — позвал отец в раскрытую на балкон дверь.

Появился начальник охраны.

— Мы завтра вылетаем в Москву. Анастас Иванович тоже летит. Свяжитесь с Цыбиным*, пусть подготовят са-

* Н. И. Цыбин — личный пилот Н. С. Хрущева.

молет. Прием француза перенесем на утро. Побеседуем с ним полчаса. Обед отменим. После беседы перекусим и полетим. Заказывайте вылет приблизительно на двенадцать часов, если летчики успеют. Все.

Литовченко повернулся и исчез за деревьями.

Мы вернулись на аллею. Прогулка продолжалась. В воздухе повисло тягостное молчание.

Первым разговор начал отец.

— Знаешь, Анастас, нет у них никаких неотложных сельскохозяйственных проблем. Думаю, что этот звонок связан с тем, о чем нам говорил Сергей.

Отец вздохнул, обернулся назад и заметил, что я иду за ними следом.

— Шел бы ты по своим делам, — произнес он, обращаясь ко мне.

Я отстал и продолжения разговора не слышал. Только потом мне стало известно, что отец сказал Микояну примерно следующее:

— Если речь идет обо мне — я бороться не стану.

А тогда, оставшись наедине со своими мыслями, я невольно подумал: «Началось...»

Бросил взгляд на море. На горизонте мое внимание привлек силуэт военного корабля. Сторожевик пограничной ох-

раны, — автоматически отметил я про себя. Во время отдыха отца его резиденция охранялась и с моря. Слева, в нескольких километрах от дачи, у пирса рыбоконсервного завода постоянно дежурил пограничный катер: вдруг кто-нибудь решит высадиться с моря. Никто на него не обращал внимания, все привыкли, что он там стоит, — это была часть пейзажа.

Занятый мыслями о телефонном разговоре, я автоматически следил за приближающимся кораблем. Стремительные контуры военных кораблей всегда притягивали мой взгляд. На сей раз поведение сторожевика было необычным, он не обходил бухту по широкой дуге, чтобы потом резко свернуть к пирсу, а шел параллельно берегу на расстоянии нескольких сотен метров. Прямо напротив дачи корабль застопорил ход и остановился. Тут было слишком глубоко, чтобы бросать якорь, поэтому легкий ветерок постепенно разворачивал его носом к берегу. Людей на палубе видно не было. В вечерней тишине гулко отдавался скрежет каких-то механизмов.

Все это было очень необычно, а в связи с последними событиями — предупреждением Голукова, звонком Суслова — выглядело даже несколько зловеще.

шевного беспокойства. «Все в наших руках», — как бы говорила она.

Видел ли отец этот корабль, или его появление прошло для него незамеченным — никто не знает. Спросить его об этом, естественно, никому не пришлось в голову.

Погуляв около часа, отец и Микоян разошлись по домам. Я тоже вошел в дачу. Стемнело.

Отец стоял у маленького столика в углу столовой и пил боржом. Вид у него был усталый и расстроенный.

— Не приставай, — предупредил он, увидев, что я раскрыл рот, собираясь задать вопрос.

Допив воду, он постоял еще некоторое время со стаканом в руке, потом осторожно поставил его на столик, повернулся и медленно пошел к себе в спальню.

— Спокойной ночи, — не оборачиваясь, произнес он.

Мне очень хотелось с кем-нибудь поговорить обо всем происшедшем, посоветоваться. Я просто не мог больше хранить все, что знал, в памяти. Надо было на что-то решаться. Не могло быть сомнений, что никто, кроме отца, никаких действий предпринять не может, тем более — я, не связанный ни с кем из политических деятелей. Но мне была необходима хоть какая-то иллюзия деятельности.

Отец со мной говорить не хотел, да я и не рассчитывал на это. В его глазах я был мальчишкой, а с мальчишками в таком серьезном деле не советуются.

С помощниками или с Литовченко говорить не хотелось. Неизвестно, что они знают и какую роль играют во всем этом деле. Тем более за Лебедевым давно утвердилась репутация «правого», человека Суслова*.

Я пошел шататься по комнатам. Забрел к Лебедеву. Он молча паковал бумаги в объемистые портфели. Вид у него был растерянный.

Мы обменялись ничего не значащими фразами: отъезд — неуместен, Никита Сергеевич не успел отдохнуть, а он очень устал. Как бы поговорившись, мы не затрагивали главного.

Появившись у двери, я ушел.

Мелькнула мысль позвонить Серге Микояну. Он мой старый друг, с ним можно всем поделиться. Тем более Анастас Иванович непосредственный участник всего этого дела. Нужно предупредить Серго о происходящих событиях.

Я понимал, что реального ничего Серго не предпримет, он так же беспомощен, как и я. Однако ум хорошо, а два лучше. Я прошел в маленький кабинет и, сняв трубку «ВЧ», попросил соединить с квартирой Микояна в Москве. Серго оказался дома. Я сказал ему, что отец с Анастасом Ивановичем срочно летят в Москву, возникли какие-то дела.

— Очень прошу тебя встретить меня, — попросил я, — надо посоветоваться.

Понятно, что я боялся доверить телефону хотя бы крупицу информации.

Серго обещал, впрочем, это ничего не значило. Вечно занятый, он всегда опаздывал, а то и вовсе не являлся на встречу. К этому все привыкли.

Я еще раз повторил:

— Обязательно встречайся.

— Да, да, конечно, — беззаботно отозвался он.

Положив трубку, я отправился спать...

Утро 13 октября — последнее утро «славного десятилетия» Хрущева — встретило нас теплом и покоем. Сквозь

* На деле, как это часто бывает в жизни, все оказалось иначе. В трудный момент Лебедев проявил искреннюю преданность делу отца и ему лично. Он не поступил ничем и в результате был уволен из ЦК, тяжело заболел и вскоре умер. Шуйский же, в котором никто не сомневался, оказывается (как я уже писал), был осведомлен о готовящихся событиях, но скрывал информацию от отца. За это он был «вознагражден»: оставлен на работе в ЦК, где спокойно просуществовал до ухода на пенсию.

дымку мягко светило солнце, море ласково плескалось у берега, на клумбах пестрели цветы.

Распорядок дня тоже не нарушился. Внешне отец был абсолютно спокоен. За завтраком он, как обычно, пошутил с женщиной, подающей на стол, посетовал на свою диету. Потом заговорил с помощниками о текущих делах.

После завтрака отец просмотрел бумаги, хотя теперь это уже не было нужно ни ему, ни тем, кто эти бумаги направил... Но многолетняя привычка требовала исполнения ритуала. Одно только было необычным — телефоны молчали...

Литовченко доложил, что самолет подготовлен и вылет назначен на час дня. Отец только кивнул головой.

Тем временем на открытой террасе у плавательного бассейна расставили плетеные кресла, принесли фрукты и минеральную воду — готовились к приему гостя.

Делать мне было нечего, на месте не сиделось, и я вышел к морю. Пляж был пуст. Вдали у пирса маячил вчерашний сторожевик.

Отец сидел на террасе у бассейна, где должен был состояться прием, и лениво перелистывал какие-то бумаги.

Помощники вместе с Литовченко стояли чуть поодаль, перекидываясь ничего не значащими фразами.

Наконец на дорожке появилась группа незнакомых людей. Отец уже заметил их. Он не спеша поднялся, взял пиджак, висевший на спинке соседнего кресла, и направился навстречу с улыбкой радушного хозяина.

Обычно, до начала официальных разговоров, он знакомил гостей с членами семьи, отдыхавшими с ним, показывал парк и только потом приглашал к разговору о делах. Сейчас он даже не посмотрел в мою сторону.

Продолжая улыбаться, он пожал руку гостю, переводчику и еще каким-то сопровождавшим его людям и жестом пригласил их на террасу. Все расположились вокруг небольшого летнего столика. Лебедев повертелся вокруг, убедился, что все в порядке, и уселся поблизости на случай, если он понадобится.

Беседа была короткой. Меньше чем через полчаса гости удалились, а отец пошел к даче.

Последний в его жизни официальный прием закончился. Пора было собираться в Москву. Вещи уже увезли на аэродром.

Подали легкий обед — овощной суп, вареный судак. По совету врачей отец последнее время придерживался диеты.

Ели молча. С нами за столом сидели, как обычно, помощники и личный врач отца — Владимир Григорьевич Беззубик.

Это был прощальный обед, прощание с дачей, которую отец так любил, с соснами и морем. Всякое прощание навевает грусть, а тут еще полная неизвестность впереди...

Тем временем обед закончился. Пора было ехать.

На крыльце, как обычно, нас дожидалась сестра-хозяйка — «властительница» дачи — с большим букетом осенних цветов. Так она всегда встречала и провожала своих высоких постояльцев. К этому давно привыкли, но сейчас все выглядело иначе, многозначительнее.

— До свидания, Никита Сергеевич, жаль, что мало отдохнули. Приезжайте еще, — произнесла она привычную фразу, протягивая букет.

Отец поблагодарил ее за гостеприимство и, передав букет стоявшему рядом Литовченко, сел на переднее сиденье ЗИЛа.

Машина тронулась. Вот и ворота. У левой створки вытянулся часовой.

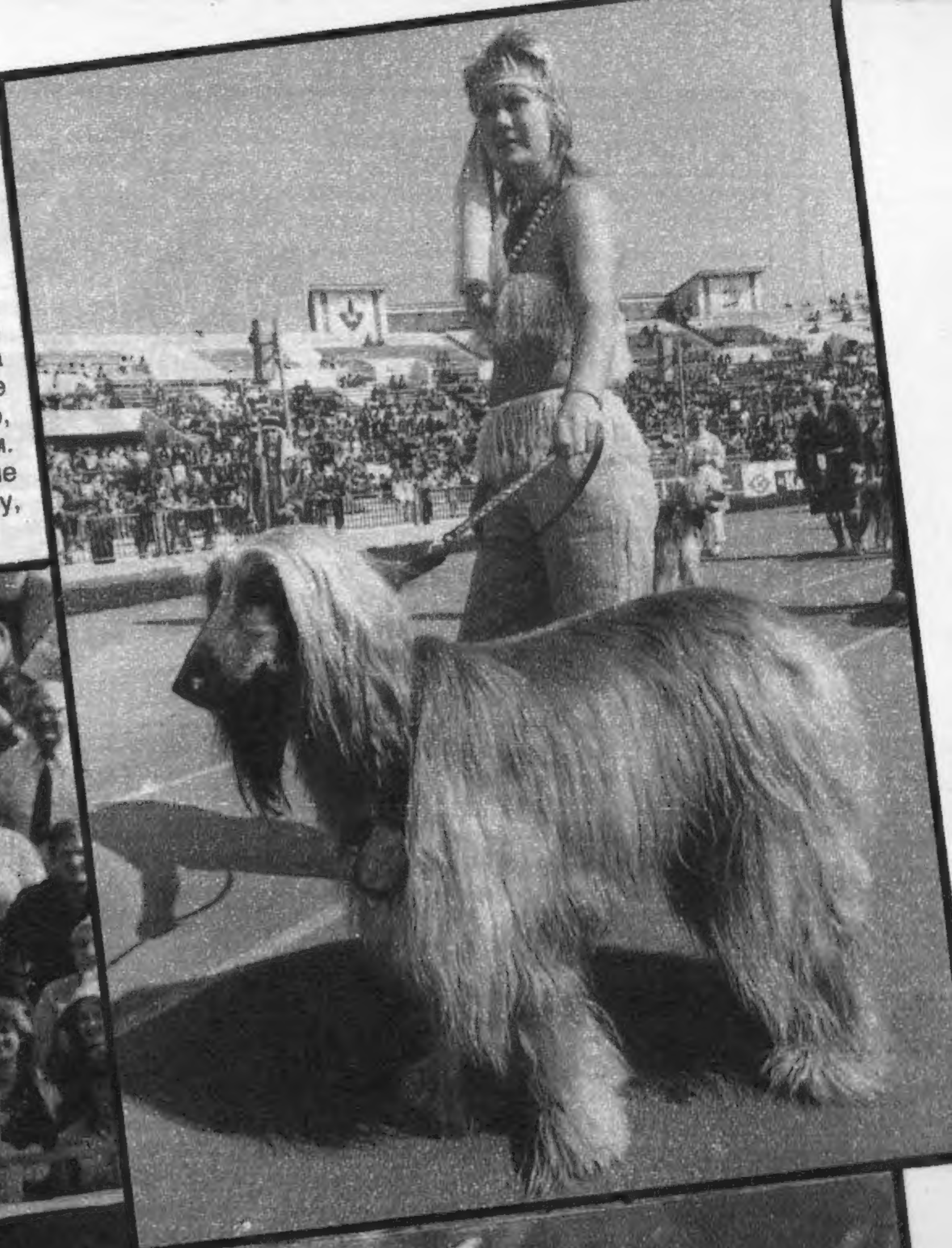
За воротами к машине бросился какой-то человек.

— Остановите, — приказал отец. Литовченко открыл заднюю дверь.

Окончание следует.

какой красавец!» — говорит проходя женщина, и лицо ее оттаивает от будничной отчужденности, и мне начинает ужасно нравиться эта женщина с осветившимся лицом. Это я и моя собака — причина света. И мы топчем дальше, проталивая чужие лица. И я, человек непривлекательный, ни в ком не вызывающий никакого интереса, начинаю уже в этом сомневаться, моя собака делает меня чем-то гораздо более стоящим. «Она выходит каждый вечер, чтобы радовать взгляд». Мы радуем. И мне наплевать, что она ничего не умеет. Она умеет радовать. По-моему, этого совершенно достаточно.

О ШОУ!

что во все времена одинаковым для людей было стремление к разнообразию. Желание оказаться не хуже соседа, утвердив свою индивидуальность. Потому и на выставке лучшим оказались не ее организаторы, а разнообразие. За это скажем «Элите» спасибо.

Во всем остальном было много накладок, все требовало доводки. И никак такого особого «Бест ин шоу» у «Элиты» толком не вышло, шла выставка плохо, какими-то рывками, с провалами, многие ринги вообще не состоялись, на них просто не явились обещанные международные судьи, и где-то там, за кулисами, организаторы возвращали участникам уплаченные им поутру деньги. Ко времени выбора лучшей собаки не все ринги закончили работу, не все породы могли представить на суд победителей. Потому и сравнивались просто представители разных пород.

Зрители были огорчены и тем, что все время «спотыкался» и путался под ногами собак «механический заяц», которого им надо было ловить. И даже финальный забег афганов сорвался, и его пришлось повторять, при этом,

естественно, победить удалось не самым быстрым, а самым выносливым или меньше бегавшим, а значит, меньше уставшим.

Первый блин вышел комом. Но он все-таки вышел. Надо учиться. Видимо, в следующий раз все пойдет удачней, точнее, согласованней. Важно, что мы начали. Что завязываются международные отношения и на таком уровне, что и мы наконец-то на этот общечеловеческий уровень вышли, что и к нам пришли развлечения, давно привычные всем во всем мире. Что и у нас все, как у людей.

Я возвращаюсь домой, к своему «бобику», который не умеет отыскивать ни мин, ни наркотиков, не летает в космос, не имеет никакой «профессии» и даже не лает, когда в дверь вваливаются новые знакомые. Он любит всех людей за то, что они — люди. Он ставит мне лапы на плечи и вылизывает мне лицо, он прекрасно умеет «обниматься и целоваться». Я надеваю ему через голову ошейник, вывожу гулять, он счастлив и счастлив я. «Мама, смотри, какая чудная собака!» — кричит ребенок. — Как обезьяна!» И мне приятно, что у меня такая собака: вроде бы собака, а вроде бы в некотором роде и обезьяна. «Ой,

Михаил УСПЕНСКИЙ
(Красноярск)

МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Павлу Карповичу Пилипчуку пришлось в жизни пройти долгий славный путь, и все на ответственных должностях. Последовательно развалив сельское хозяйство, мебельное производство и точное машиностроение, он был волевым решением переброшен во вновь организованное министерство.

Министерство это возникло, когда наконец, скрепя сердце и скрипя зубами, был признан факт уродливого явления, стыдливо именуемого в народе проституцией. Нашлись умы, решившие, что, коль скоро явление это существует, оно должно быть немедленно поставлено на службу высшим интересам.

«А Пашу Пилипчука поставим!» — говорили друзья Павла Карповича, обитавшие в самых что ни на есть верхах. «Он, правда, у нас проштрафился несколько раз, но ведь это-то — дело нехитрое! Это-то каждый дурак знает! Дело-то житейское!»

Начинать пришлось на пустом месте. Референт Друбецкой-заде притащил в кабинет Пилипчука сочинения Куприна, Мопассана, Ремарка и прочую скоромную литературу. Новопредставленный обществу министр долго рассматривал яркие обложки, но открыть ни одну из книг так и не решился. «Я это все прочел, когда еще пешком ходил! — заявил он референту. — Это нам не подходит. Подумаешь, Ремарк! Довольно равняться на западную технологию!»

Для министерства было специально выстроено двадцатипятиэтажное здание весьма символической формы. Павел Карпович пошел собирать материал к гостинице «Интурист». «Отзынь, совок!» — сказала ему первая попавшаяся красавица и назвала сумму, которую она берет в валюте. Пилипчук охнул, обрадовался и, не теряя времени, истратил на красавицу выделенные министерству доллары. При этом он не

устанавливал охоту, присвистывал и пользоваться персональным компьютером, что красавицу весьма раздражало. Наконец, на дисплее показалась цифра прибыли столь высокая, что Павел Карпович, не отходя от красавицы, телефонировал цифру в вышестоящие органы.

Там тоже охнули и отпустили на первое обзаведение кредиты, потребные для строительства одного авианосца, двух театров, четырех стадионов и музея восковых фигур на полмиллиона голов. «Я поверну эти денежные реки в государственный карман!» — публично заявил Пилипчук и установил себе неслыханный в истории оклад в швейцарских франках. «Хоть пожить людски!» — думал про себя Павел Карпович.

По всей стране независимо от региональных и национальных особенностей было заложено две тысячи пятьсот... долго думали, как окрестить объекты. Старое название никуда не годилось. «Паблик хауз» по-английски — это простая пивнушка, можно дезориентировать иностранцев. К тому же многие

библиотеки носят у нас названия «публичных», но это вовсе не значит, что их сотрудницы готовы разделить свой пламень с любым читателем. Друбецкой-заде зарылся в историю и через некоторое время вылез оттуда со словом «вертеп». Закипела была работа на объектах «Главвертепстроя», «Востсибвертепстроя», «Дальвертепстроя», но ненадолго — никто не знал, на что должен походить вертеп: на больницу, дискотеку или площадку для откорма молодняка.

Строительная программа с треском провалилась. Павел Карпович кинулся за консультацией к давешней красавице. «Да я хату снимаю на Кутузовском!» — похвасталась красавица. Пилипчук зависил сулимую цифру прибыли и добился выделения на нужды министерства большого числа вновь построенных жилых домов. Но возникли финансовые органы: а как вы контроль будете осуществлять? Кто знает, чем будут заниматься ваши сотрудницы там, за закрытыми дверями? Так-то печется о государственной копеечке? Павел Карпович велел ломать к чертовой матери двери и перегородки, чтобы все было на виду и под контролем, а посередине — будка мастера.

Наконец все было готово, лампочки вкручены, занавесочки навешаны, даже водопровод частенько действовал. Но первая же комиссия отметила и строго указала на отсутствие наглядной агитации. Павел же Карпович, вместо того чтобы навязать картинок из

стиль вертеп, но дежурный милицкий наряд живо наладил их в вытрезвитель.

Еще хуже обстояло дело с кадрами на местах. Направляемые туда столичные специалистки неизменно попадали в номенклатуру, а местные не могли еще преодолеть жгучего провинциального стыда. Пришлось прибегнуть к набору, ввести дополнительные льготы: бесплатное питание и обмундирование, состоявшее из черного бушлата, черной сиротской шапки и черных же сапог-чулок за три рубля. На бесплатное налетели вокзальные побродяжки; в качестве же клиентов являлись через окно их прежние друзья, с которых никакого навару. Через окно — потому что для посещения вертепа требовался паспорт, автобиография и анкета из девятиности шести пунктов, справка с места жительства и о здоровье жены, а ничего этого у бичей не было сроду.

Экспериментальный молодежный вертеп «Зорюшка» поначалу пользовался успехом, потому что там играла знаменитая рок-группа «Бляха-муха». Но в один прекрасный день туда явились несколько молодых людей, отслуживших в Афганистане, в считанные минуты разгромили вертеп, настыдили девиц и набили рожи бляхам-мухам. Развалины вертепа еще долго пользовались дурной славой.

Павел Карпович еще махал перед носом руководства вождельной цифрой, но на него уже начали поглядывать с неудовольствием. В третий раз кинулся Пилипчук к красавице. «Ладно уж, малахольный!» — сжалась она и свистнула боевых подруг. Потребовал для себя кучи льгот и отмены бюрократических рогаток, путаны столицы организовали образцово-показательный вертеп, который отличался от провинциальных, как «Березка» от вологодского селы. В книге посетителей появился восторженный отзыв шестидесятилетнего американского миллиардера, ставшего еще большим другом нашей страны. Был даже проведен телемост с коллегами из Сан-Франциско, причем наши девицы были необыкновенно сильны в идеологии. Но если даже патристически настроенные за валюту путаны работали бы по двадцать четыре часа в сутки, это не могло, конечно, покрыть убытков на местах.

А тут еще как на грех одна известная журналистка ненадолго сменила профессию и разразилась в «Литературке» гневной статьей. В статье она как женщина, мать, жена и любовница нелице-

приятно указала на то, что вертепы работают в неудобное для трудящихся время, персонал разговаривает импортные контрацептивы, в буфетах нахально торгуют спиртным с бешеной наценкой, белье, как и в поездах, постоянно влажное, повсюду антисанитария и самый настоящий разврат! «Представьте себе, — писала журналистка, — некоторые из этих мужчин и женщин видели друг друга впервые!» Все грехи, как всегда, были свалены на школу, комсомол и буржуазную идеологию.

Возникший на горизонте СПИД окончательно решил судьбу министерства...

Пожалела Павла Карповича Пилипчука только верная красавица из-под «Интуриста». «Чего там, прокормлю как-нибудь тебя, позорника!» — сказала она. И кормит до сих пор.

Подобрал материалы
Игорь Двинский
Рисовал
Виктор Коваль

любимого «Плэйбоя», распорядился вывесить обязательства, скользящие план-графики их выполнения, санбюллетень и Доску почета. Со скрипом стали внедрять бригадный подряд.

Только через три месяца после официального, с телевидением и Пугачевой, открытия первые сотрудницы, заливаясь девическим румянцем, переступили порог первого заведения. Оттрубив с восьмью до семнадцати первую рабочую неделю и не дождавшись ни одного клиента, российские путаны возобновили прежний промысел в нерабочее время. Впрочем, несколько подвыпивших личностей пытались было наве-

«МЫ ПИШЕМ»

Л. ИЗМАЙЛОВ,
В. ЧУДОДЕЕВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогая редакция, отдыхая этим летом в молодежном лагере, я познакомился с девушкой. Мы полюбили друг друга и решили пожениться. Но есть одно обстоятельство, которое затрудняет наше воссоединение. Дело в том, что я живу в центре, а она на окраине. Я живу в центре Тамбова, а она на окраине Лондона. Поэтому прежде чем решиться на этот важный и ответственный шаг, мне хотелось бы кое-что уточнить. Ответьте мне, пожалуйста, на следующие вопросы:

1. Если я получу прописку в Лондонской области, теряю ли я очередь на квартиру в тамбовском райисполкоме?

2. Существует ли в Лондоне десятипроцентная надбавка за знание иностранного, то есть русского, языка, если не знаешь английского?

3. Подлежат ли увольнению служащие английских монополий, если они не поехали осенью помогать английским фермерам убирать картофель?

4. Засчитывается ли в Лондоне участие в уличных демонстрациях как общественная работа?

5. Считается ли у англичан любовь к иностранцу поступком, несовместимым с достоинством английского человека?

6. Имеет ли возможность зять английского лорда поехать летом на стройки капитализма за длинным фунтом стерлингов?

7. И, наконец, преследуется ли английскими законами пропаганда советской песни? Другими словами, считается ли спекуляцией продажа в Лондоне по двойной цене дисков с записью Кола Бельды?

«МЫ РИФМУЕМ»

Дмитрий ПРИГОВ

* * *

Килограмм салата рыбного
В кулинарии приобрел.
В этом ничего обидного —
Приобрел — и приобрел,
Сам немножечко поел,
Сына единоутробного

Этим делом накормил.
И уселся у окошка,
У прозрачного стекла.
Словно две мужские кошки.
Чтобы жизнь
внизу текла.

Из иронического цикла «АПОФЕОЗ МИЛИЦАНЕРА»

Всю землю взглядом огибая,
При этом даже погибая,
В уме держа ее размер,
Стоит живой Милицанер.

И где ни бросит не спеша
Серьезный взгляд свой — поневоле
Повсюду образует шар
Как образ совершенной воли.

«МЫ ИГРАЕМ»

Елена БАЕВСКАЯ

ПИРОЖКИ

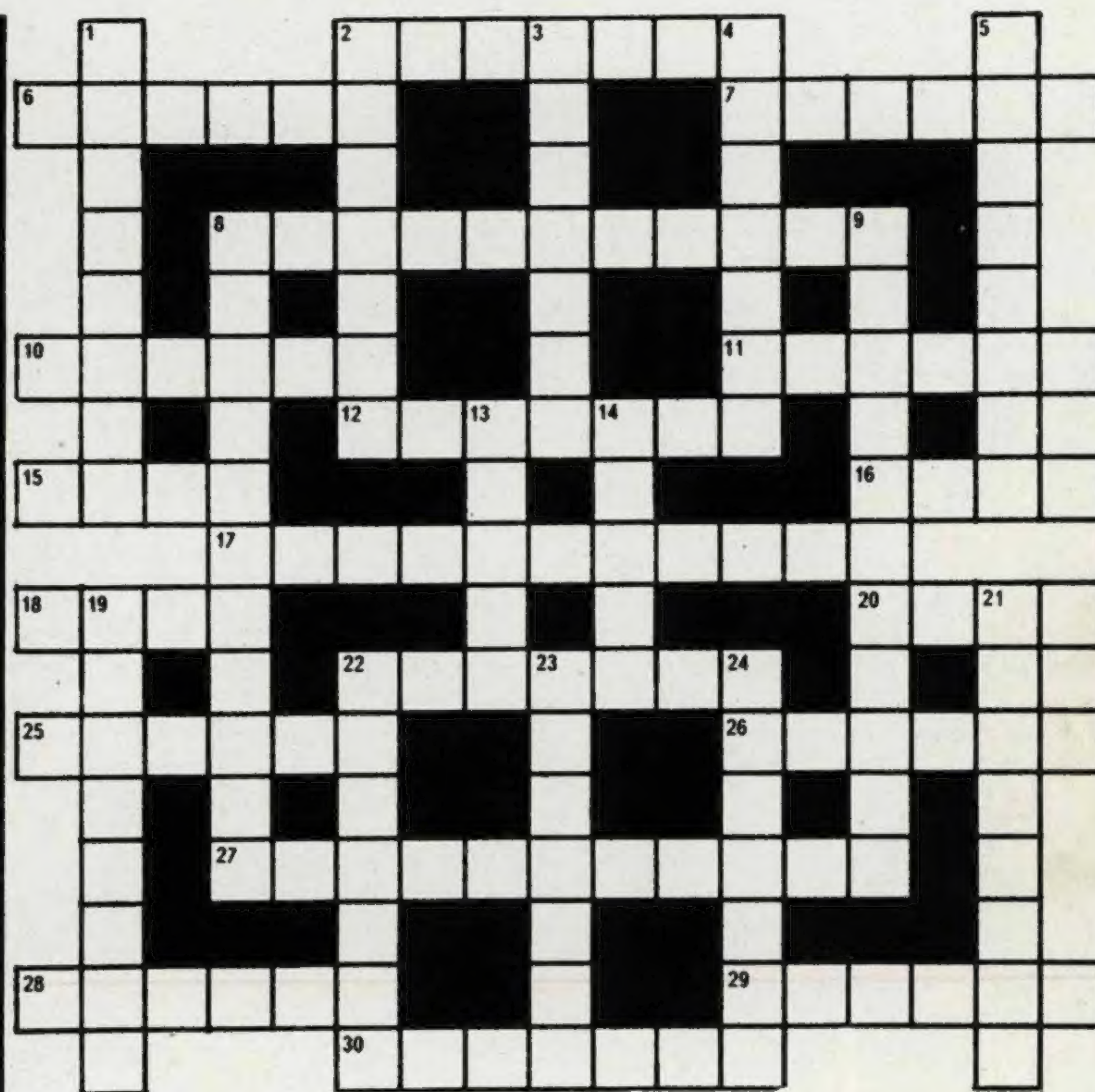
Они сидят
на противнях.

А я сижу
напротив них.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Лирический жанр поэзии с легендарным содержанием. 6. Река в Чехословакии. 7. Картина или узор из цветных стекол. 8. Союзная советская республика. 10. Оптическая система, увеличивающая изображение. 11. Устойчивое словосочетание, фразеологизм. 12. Автономная республика в Грузии. 15. Лучистая энергия, воспринимаемая глазом. 16. Пушистый слой на поверхности ткани. 17. Член предложения. 18. Драгоценный камень. 20. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 22. Река в США. 25. Одно из начал шахматной партии. 26. Норвежский исследователь Арктики. 27. Украинская балерина, народная артистка СССР. 28. Мастер по ковке металла. 29. Спутник Урана. 30. Цирковой гимнаст.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Скульптор, Герой Социалистического Труда. 2. Оперетта И. Кальмана. 3. Город в Литве. 4. Государство в Центральной Европе. 5. Русский поэт XVIII века, дипломат. 8. Рыба семейства карповых. 9. Картина И. Н. Крамского. 13. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Доходное место». 14. Материал, свернутый в трубку для хранения. 19. Несамостоятельное грузовое судно. 21. Парфюмерное средство. 22. Главный город государства. 23. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 24. Рассказ М. Горького.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Рученица. 8. Инъекция. 9. Комсомольск. 11. Декан. 12. Тобол. 15. Радиокompас. 17. Сено. 18. Тяга. 19. Варметр. 20. Хара. 22. Нить. 24. Контрапункт. 27. Бекар. 29. «Ангел». 30. Метеоритика. 31. «Школьник». 32. Репортаж.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Суждение. 2. Янсон. 3. Марокко. 4. Сирокко. 5. Текст. 6. Микролит. 9. Капролактамы. 10. Константина. 13. Мдивани. 14. Спирина. 16. Кумжа. 21. Атлетика. 23. Телеграф. 25. Рогожка. 26. Палитра. 28. Рельс. 29. Аксон.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

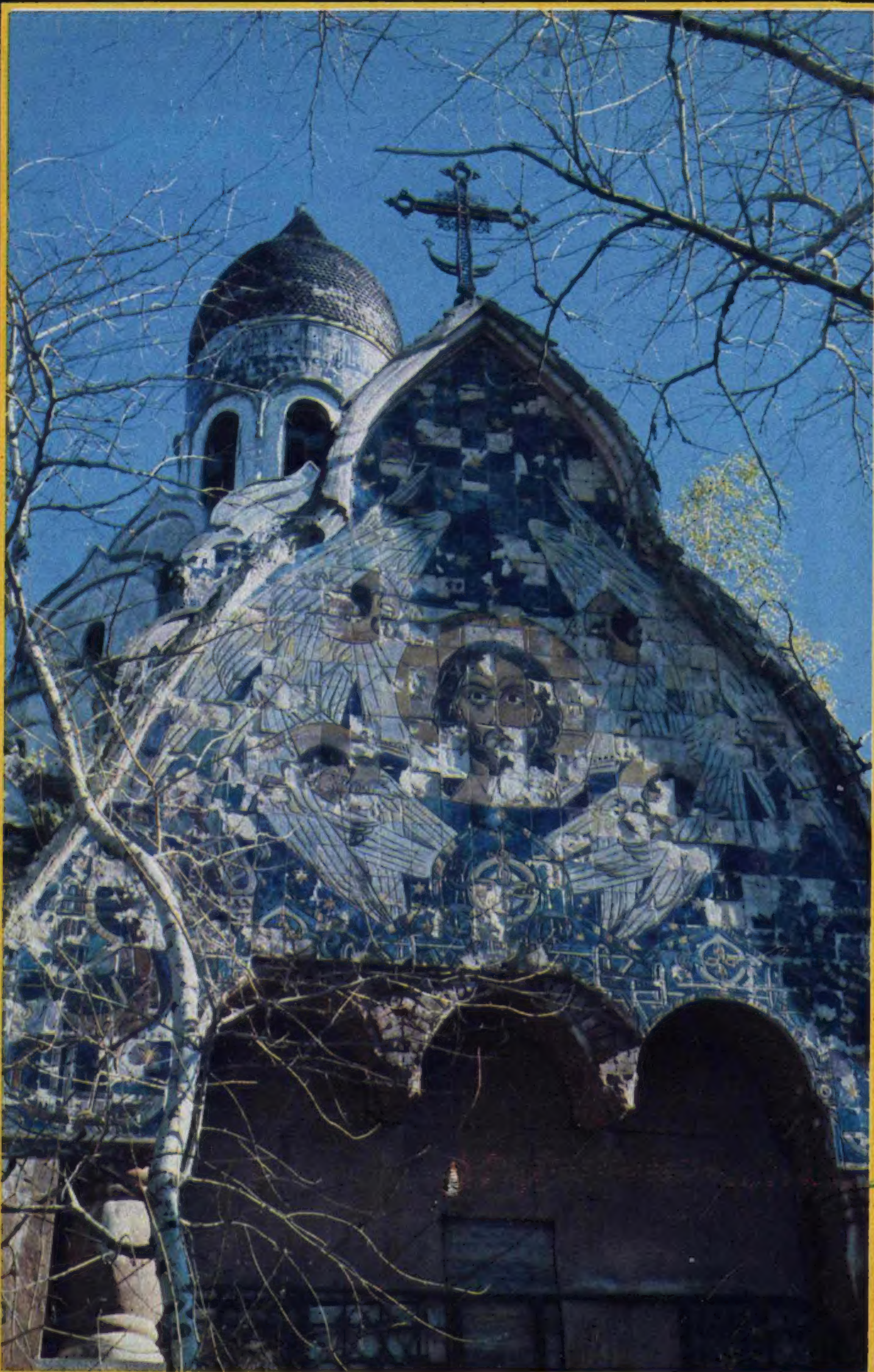

Фото Александра ЩЕРБАТЮКА

СПАСИ ЧУДО

Старожилы помнят, какими нарядными были фасады этой церкви, отделанные майоликовой плиткой и изразцами. Особенно красив был главный фасад — западный. На фронтоне звонницы еще и сегодня можно разглядеть майоликовое изображение Спаса Нерукотворного в окружении серафимов. На западной стене храма выполнены из плитки изображения Николая Мирликийского и митрополита Алексия, в честь которых построена церковь.

Клязьминская церковь была спроектирована архитектором Сергеем Ивановичем Вашковым (1879—1914), учеником Виктора Михайловича Васнецова. Уникальное по красоте произведение заслуживает охранной доски. Производственное бюро по охране памятников истории и культуры Московской области, созданное специально для того, чтобы бережно хранить памятники прошлого, должно знать, что церковь может не пережить грядущей зимы... А сколько еще гибнущих памятников?..

Сергей БЫЧКОВ, зав. отделом музея-заповедника «Абрамцево».

